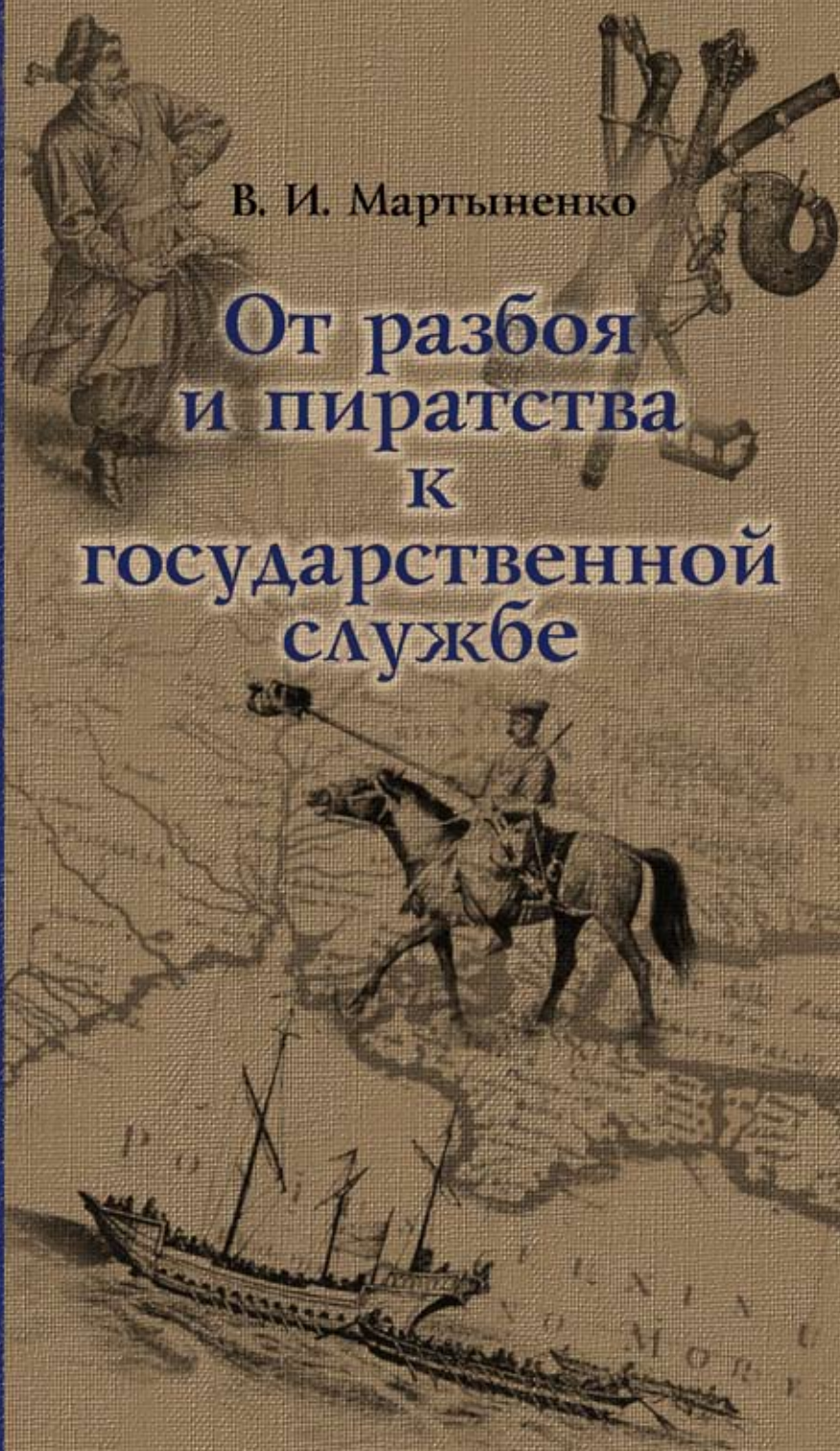

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ ДНЕПРА И ДОНА

В. И. Мартыненко

От разбоя
и пиратства
К
государственной
службе

В. И. МАРТЫНЕНКО

БОЛЬНЫЕ КАЗАКИ ДНЕПРА И ДОНА

ОТ РАЗБОЯ
И ПИРАТСТВА
К
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЕ

Николаев 2005

УДК 94(477)
ББК 63.3(4УКР)46
М29

Рецензенты:

Н. Г. Диденко, начальник штаба
Николаевской организации «Буго-Черноморский кош»,
полковник Украинского казачества;

А. Г. Михайлик, профессор Николаевского
государственного университета им. В. А. Сухолинского

Мартыненко В.И.
М 29 Вольные казаки Днестра и Дона: от разбоя и пиратства
к государственной службе. - Николаев: ЧП Гудым И.А.;
2005. - 244 с.

ISBN 966-8592-10-7

Содержание этой книги сформировано на результатах изучения как знакомых, так и малоизвестных событий и фактов двухвекового периода жизни вольного казачьего населения по Днестру и Дону до приобретения в конце XVII в. статуса государственных войск Московского царства.

Приведенный в книге материал в определенной мере удачный и исправляет бытующее в зарубежной и отечественной истории и литературе мнение, что населению и странам на стыке Восточной Европы и Малой Азии в средние века II тысячелетия в отличие от всех регионов планеты необъяснимым образом и обстоятельствами удалось избежать явления, характерного с древнейших времен человечества и неискоренимого в мире донныне, - практики пиратства на реках и морях.

Изложенное в книге вписывается в концепцию всемирной истории пиратства, объясняет существовавший в ней информационный пробел по Восточной Европе и сочетается с прагматичным менталитетом населения большинства развитых морских стран, веками использовавших на благо своих народов незаурядные способности и результаты беспощадной по форме жизнедеятельности национальных морских пиратов.

Книга рассчитана на самые широкие круги современных любознательных читателей, обладающих как никогда ранее собственным мнением в отличие от заангажированного официоза в истории, литературе, журналистике и критике.

© Издательство ЧП Гудым И.А.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

У вас в руках последняя книга Владислава Ивановича Мартыненко. Неутраченный, деятельный, он, к сожалению, многое не успел завершить. Болезнь и окончание земного пути оборвали его долгосрочные планы, помешали осуществить главную мечту - дописать, отшлифовать и опубликовать этот многолетний исторический труд.

Владислав Иванович Мартыненко обладал огромной силой воли и продолжал работать над книгой до последних дней жизни. И это - после изнурительных сеансов химиотерапии, испытывая мучительные боли.

Я с трепетом перебираю рукописи, пропахшие больницей. Он работал без устали, писал по ночам - знал, что отмерено ему катастрофически мало. Непостижимо, но днем Владислав Иванович умудрялся читать лекции в университете. Академик, доктор философских наук, член-корреспондент Отделения морской техники и морских технологий, профессор Николаевского филиала открытого международного университета «Украина», полковник Николаевской краевой организации «Буго-Черноморская паланка Азово-Черноморского казачьего войска», он много сил отдавал пропаганде казачьего воспитания в образовательных школах. Именно оно, как считал Мартыненко, могло способствовать возрождению национальной идеи, становлению украинской государственности.

Дух казацкой вольницы был для него жизненным кредо, свобода и смелость в суждениях без оглядки на авторитеты - основополагающим мотивом. Книге свойственен эмоциональный тон, так присущий самому автору. Здесь множество изобразительно-выразительных средств, к которым прибег автор, чтобы воссоздать картину двухвекового бытия вольного казачества Украины и России. Более того, увлеченный автор несколько поэтизирует пиратское

ремесло казаков. Пиратство было, скорее всего, горькой неизбежностью, побочным характером присваивающей экономики, порождаемой обстоятельствами средневекового быта. Эмоциональный авторский накал шокирует читателя. Деформация нравственных ориентиров в монографии - это независимый от воли автора результат. События, изложенные в книге, вписываются в концепцию всемирной истории пиратства и сопрягаются с другими пограничными темами по истории казачества. Думается, что читатель самостоятельно найдет для себя нравственную позицию в оценке казачьего пиратства и разбоя. Отсутствие источниковедческой базы объективно вынудило автора воспользоваться постмодернистской методикой реконструкции исторических событий.

Однако все это не умаляет научной ценности монографии. В.И. Мартыненко не просто заполняет историографические пробелы в жизни казачества, но и пробуждает у читателя искренний интерес к событиям многовековой давности.

Задача историков - давать оценку достоверности изложенных в книге фактов. Но неоспоримо то, что автор в это исследование вложил душу, последние земные силы, и его взгляд может изменить бытующее представление о казачестве.

Ирина Гудым.

КОЗАКИ ДНІПРА І ДОНУ

Вся багатовікова історія козацтва пов'язана з цими святими для кожного козака річками - Дніпро і Дон. У своїй книзі-дослідженні полковник УК В.І. Мартиненко показав на основі історичної достовірності витoki козацької вольності, демократії, способу життя починаючи з XIII ст. від Р. Х. на теренах Золотої Орди Великої монгольської імперії. Справедливо в книзі показано також розбій та піратство як початок творення козацтва, його матеріальне становлення і зайняття свого місця «під сонцем» середньовіччя. Військове і морське мистецтво козаків Дніпра і Дону кристалізувалося і огранювалося через розбій і піратство проти Оттоманської (османської) імперії та її союзників-сателітів - Кримське, Астраханське, Казанське татарські ханства, орд буджацьких, білгородських і ногайських татар. І велика заслуга в цьому розкритті тих далеких століть становлення козацтва, ще задовго до Запорозької Січі, полковника В.І. Мартиненка, який зумів зібрати по малих крупинках матеріал із першоджерел європейських авторів, які жили в ті далекі (13-14 ст.) часи і мали можливість дати письмові спогади про козаків, про їх промисел, спосіб життя і військово-морські звичаї. Цим питанням ні українські, ні російські дослідники так щільно не займалися. І з історії, що давалася в Російській і радянській імперіях на різних рівнях, про козацтво, особливо українське, ми знали лише після створення першої Запорозької Січі на о. Мала Хортиця славетним Дмитром (Байдою) Вишневецьким у 1556 р.

А двох століть, до Запорозької Січі, як і не було в козацькій історії. Але історія є історія, і замовчати її не дано ніякому можновладцю чи навіть цілій імперії. І ось тепер ми маємо книгу «Вольные казаки Днепра и Дона», яка в значній мірі розкриває перед нами ту «темну і закриту» козацьку минульщи-

ну від XIII до XVI століть. І слава Богу, що ми це маємо.

Майже 600 років існування козацтва в Україні зробили нашу державу козацькою, як про це говорили західні дипломати і урядовці про Україну ще в XVIII-XIX століттях.

І, мабуть, на генному рівні в кожному українці «сидить» козащина. Тому, коли Україна в 1990 р. стала перед здобуттям волі і незалежності, на одному патріотичному і національно-духовному підйомі відродилось українське козацтво в історичному Переяславі-Хмельницькому. Це дало поштовх до створення крайових (обласних) козацьких товариств по всій Україні. І в 1992 році, 22 лютого, було створено Буго-Чорноморський кіш УК Миколаївської області. Першим отаманом БЧК УК став великий патріот України, козак з великої букви Анатолій Могилевич, суддею - такий же козак-патріот Валентин Сікора (нині вже покійний). Сьогодні обласна організація УК БЧК існує, не маючи гідної підтримки з боку владних, бізнесових структур, мабуть, через відсутність серед них справжніх українських патріотів з козацькими генами.

Але всі українські козаки, в тому числі і миколаївські, як і вже покійний автор цієї книжки В. Мартиненко, вірять в те, що майбутнє України - тільки козацька держава на чолі з їх гетьманом.

Нехай ця дуже важлива і потрібна для козацтва праця буде світлою пам'яттю про великого козацького патріота Дніпра, Дону і Кубані, полковника УК, професора, академіка АНПБ, доктора філософії Мартиненка Владислава Івановича.

Микола ДІДЕНКО,
начальник штабу Миколаївської крайової організації українського
козацтва «Буго-Чорноморський кіш», полковник УК.

Предисловие

Сегодня историки всех стран уже не дискутируют: слово «казак» тюркского происхождения, зафиксировано впервые в арабо-половецком словаре 1245 г. и в половецком словаре 1303 г. «Codex Cumanicus». Сначала оно носило больше бытовой оттенок и означало: одинокий человек, склонный к завоеванию. В начале XIV столетия им называли, например, в Крыму турок, служивших в страже или разбойничавших в степях Причерноморья и Приазовья. Украинский современный историк А. Бойко в своём учебнике для вузов по истории Украины очень правильно подмечает: «...Интересно, что слово «казак» употреблялось для обозначения полярных ролевых функций: «страж» и «разбойник». История реальной жизни древнейших и крупнейших в Восточной Европе вольных казачеств с XIV по XVII вв. на Днестре и Дону отводила им обе ипостаси: как сторожевую, так и разбойную - в зависимости от быстро менявшихся условий их бытия, как известно, определяющего сознание.

Ипостась вольных казаков средневековья на Днестре и Дону в качестве стражей, защитников народных достаточна широко освещена в многочисленной исторической и художественной украинской и российской литературе. Другую, разбойную, ипостась вольных казаков Днестра и Дона, их жизнь, не менее интересную и приключенческую, чем европейских кондотьеров, пиратов и других разбойников, можно познать, углубившись в специальное изучение солидной исторической литературы. Так, в 1909 г. в разных регионах Российской империи, в которую до февральской революции 1917 г. входило большинство украинского населения, были опубликованы два значительных исторических труда: в Киеве-Львове книга «Історія української козащини» известного исследователя истории Украины-Руси львовского университетского профессора М. Грушевского, а в Санкт-Петербурге увидел свет двухтомник - краткий очерк истории войска Донского для чтения в семье, школе и в войсковых частях «Картины былого Тихого Дона», изданный по распоряжению Войскового Наказного атамана генерал-лейтенанта Самсонова. В первой работе патриарх украинской исторической науки дает определение: «Козак - степовий розбійник, добытчик». Второй труд также не

скрывает реалий жизнедеятельности вольного донского казачества: «Жили набегами. Жили войною. Жили добычей. Этих людей звали казаками». Промыслом разбоя и войны жило все казачество на Днестре, Южном Буге, Дону и Волге в течение веков своей вольности, после распада татаро-монгольского государства Золотая Орда, на стыке континентов Европы и Азии в условиях формирования в этом географическом регионе новых государственных образований из прежнего и вновь приходящего народонаселения.

Украинские и российские историки даже в своих более поздних трудах, чем ушедшие периоды Российской и советской империй, старались не касаться разбойной ипостаси жизнедеятельности казаков в эпоху их вольности с XV по XVII века, акцентируя внимание на сторожевой, защитной функциях для населения и земель от внешних посягательств народов-соседей из государств, тоже формировавшихся на стыке двух континентов. Слабым в то время властям новых государственных Восточной Европы - вначале Великому княжеству Литовскому и Русскому, а также Великому княжеству Московскому, затем согласно развитию истории - Польскому королевству и Московскому царству - длительное время попросту выгодным политически и экономически было существование на пограничных землях с народами-соседами вольного казачества по Днестру и Дону - разбойников, содержавших самих себя или предлагавших себя внаем для военных акций за мизерную плату. Дело в том, что в силу своего места проживания такие люди естественным путем становились стражами своего быта и жилищ, а также регионов своего проживания на южном пограничьи Польши и Москвы, защитниками земель и населения королевства и царства от внезапных нападений, также в целях разбойного промысла, агрессивных народов-соседей, причем с иной, враждебной христианам религией.

Удобно было властям развивавшихся тогда царства и королевства не нести никакой ответственности за разбой вольных казаков, ослаблявший и пугавший своими последствиями население соседних государств, а оставлять без внимания жалобы правителей соседних народов, обиженных разбойными действиями вольного казачества по Днестру и Дону. Так поступали бояре царя Ивана IV Грозного в отношении жалоб на разбой донских казаков: «...и те люди, как нам, так и вам, тати и разбойники; а на лихо их никто не учит: сделав какое лихо, разъезжаются по своим землям...». Аналогично отвечало правительство польского короля Стефана Батория, жившего в один период с царем Иваном IV, на жалобы южных соседей о разбойном промысле на их землях, реках и морях казаков с Днестра: «...то куча людей из

разных народов, которые ходят сами по себе, не имеют ни постоянного пребывания, ни законов, никакой власти над собою...».

Между тем у признанной властями того времени разбойной ипостаси вольных казаков Волги, очень быстро слившихся с казаками Дона, Днепра, были две основные формы разбойного промысла, умело и оперативно трансформировавшиеся друг в друга: в степи и на воде - на реках, морях, побережьях. Убедительное подтверждение этому находится в словах старинной песни донских казаков о том, чем жили они в вольном казачестве:

«...Степью широкою! Степью необъятной!

Там, на воле, на Тихом Дону!

Скучно станет - на Волгу пойдем,

Бедно станет - и денег найдём.

Волга-матушка всех приютит, всех приласкает и всех одарит...».

О существовании у вольных днепровских казаков еще с XV в. степной и водной форм разбойного промысла рассказывает украинский историк М. Грушевский в другой своей работе «Иллюстрированная история Украины», изданной впервые в 1913 г. в Санкт-Петербурге: «Такие известия, где говорится несомненно об украинских козаках, мы имеем только с 1490 г. В 1492 г. крымский хан жалуется, что киевляне и черкасцы разгромили татарский корабль под Тягиной (г. Бендеры на реке Днестр - авт.), и великий князь литовский Александр обещает поискать виновных среди козаков Украины». Любопытно, что украинский историк М. Грушевский, как и его собратья по историческим исследованиям казацкой жизни на украинской земле, в своих трудах четко и прямо определяет вольных казаков Днепра в качества степных разбойников. Как только дело касается морского разбоя и пиратства вольных казаков, так он именует эти грандиозные акции военного промысла терминами «спорт на море», или «экскурсии на море».

Не менее замечательный украинский историк Д. Яворницкий в своей «Истории запорожских казаков», опубликованной в 1892-97 гг. в Петербурге, называя промысел запорожцев в степи разбойным, впервые наиболее основательно коснулся практики их морского разбоя и пиратства. Однако действия низовых запорожцев в этом военном промысле, в отличие от М. Грушевского, именует «морскими походами», словно речь идёт о регулярном войске общепризнанного государства и его военно-морском флоте.

Даже поздние российские и украинские историки для обозначения действий вольных донских и днепровских казаков в морском разбое и пиратстве употребляли не менее мягкие выражения, чем «морские походы», - «морские

поиски», «морские набеги». В современном Уголовном кодексе Украины юридически определено:

«разбой» - нападение с целью завладения чужим имуществом, сопряженное с насилием, опасным для жизни или здоровья лица, подвергнувшегося нападению, или с угрозой применения такого насилия;

«пиратство» - это использование с целью получения материального вознаграждения или иной личной выгоды вооруженного или невооруженного судна для захвата другого морского или речного судна, применение насилия, ограбления или иных враждебных действий в отношении экипажа либо пассажиров такого судна.

Наконец, накануне распада Российской империи, в 1915 г., в г. Новочеркасске, столице Великого Войска Донского, выходит основательный труд талантливого донского историка Е. Савельева «Древняя история казачества». В нем впервые обозначено: «...Троекуров (воевода Путивля в 1546 г. - авт.) подразумевал низовые казачьи общины Днепра, этих грозных ПИРАТОВ, наводивших страх на турок и татар ещё во второй половине XIV в., потом в XV и XVI вв...». Понадобилось ещё 75 лет советской истории и её ухода с исторической арены, пока потомки вольных казаков Днепра и Дона стали открыто называть род занятий их средневековых вольных предков на Волге, Дону и Днепре своими именами - морской разбой и пиратство. Современный донской писатель А. Венков в книге «Казачи. Синеглазые волки», опубликованной в 2000 г., очень точно охарактеризовал имевшую место жизненную ситуацию у вольных казаков Днепра и Дона до того, как они постепенно к концу XVII в. были, на льготных условиях, т. е. с соблюдением определенных вольностей в укладе жизни и в службе, приведены к присяге в качестве официальных войск Московского царства, силой оружия и дипломатии оттеснивших в регионах проживания вольных казаков татарского хана Крыма, турецкого султана, польского короля: «...Шайки отвоёвывают в степи или на реке свой ареал, свою зону влияния, увеличиваются, начинают укрепляться, строят городки. Городки эти часто строятся на речных островах, чтобы не было внезапного нападения... Другие объединяются в станицы и бродят неприкаянно по рекам, расплёскивая их вёслами, спускаются к морям, самому синему Черному или зелёному Хвалынскому (Каспийскому - авт.)... И осевшие в городках и бродящие постепенно объединяются в две своеобразные «республики». Одна - по Волге к среднему течению Дона. Другая - по Днепру... По системе управления и по роду занятий так и тянет сравнить появившиеся «республики» с пиратскими республиками в Средиземноморье и на Карибах...». Вернее не скажешь.

Украинские историки и литераторы, если касаются эры вольного казачества в Поднепровье в своих исследовательских трудах и в художественных произведениях, то рисуют казаков в нереальном декоре, такими благородными рыцарями с высокими идеями в головах о судьбе украинской земли и страдающем народе в условиях литовско-польской власти и католической христианской религии, чуждой христианскому православию украинских казаков и населения. Современный украинский историк В. Сергийчук в 1992 г. пишет: «...Такою силою с конца XV столетия выступает наше славное казачество – явление единственное в своём роде в мировой истории. Оно откликнулось на жизнь именно потребностью защищать отчизну, а не с целью грабежей торговых путей, как это иногда представляют отдельные исследователи. И если казаки пускались в погоню за ордою аж до берегов Чёрного моря, то не только отобрать захваченное хищниками-кочевниками, а в первую очередь спасти пленников».

Всё в этом мнении «от лукавого», начиная с полного пренебрежения такого явления в мировой истории позднего средневековья, как вольное донское казачество. У вольных казаков Днепра и Дона в мыслях в течение XIV - XVII вв. постоянно стоял вопрос: как выживать им самим и их семьям в условиях соседства агрессивных народов и постоянно тяжёлого экономического положения в этом регионе Восточной Европы на стыке с Азией.

Общеизвестно, что земля Русская, как называли её в своих записях летописцы, потеряла ещё перед нашествием с востока монголо-татар в начале XIII в. значительную часть населения именно от голода ввиду систематически повторяющихся неурожайных лет из века в век. Что там голодомор 1921-1922 гг., 1932-1933 гг., 1946-1947 гг., если в эпоху происхождения и становления вольного казачества на Днепре и Дону в каждом из столетий 2-й, 5-й годы были голодными: в XIV в. было 29 голодных лет, в XV в. - 38, в XVI - 45, в XVII - 32! Чтобы выжить в то время, надо было постоянно заниматься либо военным промыслом, либо разбоем - в степях, на реках и на морях.

Ещё патриарх украинской исторической науки М. Грушевский учил стонать переоценки своих национальных ценностей, заслуг, интересов, не допускать гипертрофии национального самовозвеличивания и исключительности. Иначе национальная историография будет лишена всякой объективности. Скажите на милость, дорогой читатель, о какой казацкой «...миссии оборонять родную землю», по В. Сергийчуку, могла идти речь в вечно полуголодном вольном днепровском казачестве, если его национальный состав был исключительно пёстрым и, по статистическим данным переписи,

к середине XVII в. сложился таким образом в процентном отношении: славян (украинцев, белорусов, русских) - 34,2; азиатов всех мастей - 27,4; выходцев из средиземноморских народов - 21,0; выходцев из кавказских народов - 17,4.

Это был первый побудительный толчок, чтобы взяться за перо и более объективно и откровенно осветить хотя бы вкратце вторую, разбойную, ипостась казаков Днепра и Дона, когда они были вольными поселенцами на территориях, доставшихся им после распада мощного татарского государства Золотая Орда.

Вторым стимулом к творчеству на эту тему был взволновавший меня вопрос: почему наш украинский, да, как оказалось, и современный российский народы по сути ничего или чрезвычайно мало знают об образе жизни казачьего населения по берегам Днепра и Дона, когда оно в течение как минимум двух с половиной веков было воистину вольным, без всяких государственных форм правления, и выживало и приумножалось, став в регионе от Днепра до Дона влиятельной военной силой, с которой считались окружавшие казачьи земли соседние государственные образования? Почему в Украине и России словно стыдятся и стараются скрыть очень весомые и полезные результаты разного плана, достигнутые посредством распространенного в Европе и в мире способа морского разбоя и пиратства, в то время как народы развитых морских стран Старого и Нового Света гордятся своими имевшими место разбойниками и пиратами на морях, принесшими славу этим народам, могущество во взаимоотношениях с народами-соседями и экономическое процветание?

В-третьих, почему я попытался раскрыть эту тему: двухвековая практика казачьего пиратства, оказывается, выпала из поля зрения современных исследователей, историков и писателей за рубежом. Ну как тут не вспомнить французского политика, сенатора К. Делякора, который ещё в 1869 г. заявил: «...Судьба 15-миллионного украинского народа трагична и потому, что он был забыт историками». А вот и пример. В числе лучших произведений мировой исторической, научно-популярной и приключенческой литературы числится книга крупного военного моряка немца Х. Найкирхена «Пираты. Морской разбой на всех морях». В ней ни слова о морском разбое и пиратстве на Чёрном, Азовском, Каспийском морях. Более того, маститый исследователь мирового пиратства делает неверный вывод: «...Пиратство наложило отпечаток на историю почти каждой страны, где развито мореходство. Среди великих держав это, пожалуй, меньше всего относится к России...». Как же так произошло, если авторитет казачьих морских разбойников и пиратов с

Днепра и Дона был хорошо известен и выгодно оценивался уже в XVI веке на международном уровне как в Малой Азии, так и в Западной Европе?

В переписке между австрийским императором Рудольфом и последним московским царем из династии Рюриковичей Фёдором Ивановичем, в связи с нашествием турецких мусульман на христианскую Центральную Европу, император предлагает использовать вольных днепровских казаков (полагая их подвластными московскому монарху - авт.), характеризуя их как «...выносливых в голоде, полезных для захвата добычи, для опустошения неприятельской страны и для внезапных набегов». У монарха ни тени сомнения в правильности привлечения силы и военного искусства вольных казаков - морских разбойников, пиратов - на защиту христианской веры от агрессии мусульманской.

Французский посол из столицы Турции Константинополя не находит в своей сохранившейся дипломатической переписке с правительством Франции слов похвалы казацкой храбрости и советует своему правительству не пожалеть 50 тысяч талеров, чтобы нанятым казацким флотом парализовать турецкие военно-морские силы и не дать им выйти в Средиземное море, где турки тогда воевали с Испанией, союзницей Франции. И тоже у дипломата великой европейской державы никаких угрызений совести насчёт привлечения на сторону государства казаков - морских разбойников и пиратов.

В классику истории вошёл труд английского дипломата РиО «История Османской империи», в котором читаешь о казаках-запорожцах: «...Ужас охватил турок, когда они увидели этих пиратов под Константинополем... Через несколько дней Константинополь был объят ещё большим страхом, так как те пираты возвратились ещё более укрепившимися, чем прежде...».

Там же, в классическом фонде исторической литературы, известный турецкий деятель XVII в. Эвлия Челеби ибн Дервиш Мехмед Зилли, родственник визиря и сам участник многих сражений с вольными казаками Дона, поразительно высоко и объективно охарактеризовал в своих трудах искусство морского разбоя и пиратства их: «...Можно смело сказать, что во всём свете не найдется людей более смелых, которые менее заботились бы о жизни, меньше боялись смерти. Опытные в морском деле люди рассказывают, что эта голь своей ловкостью и отвагой в морских битвах страшнее всякого врага...».

Как многопланова роль мирового пиратства в истории человечества, так же неоднозначна роль казацкого морского разбоя и пиратства в XV-XVII вв. на стыке рубежей Европы и Азии в сложнейшей геополитической ситуации

региона, омываемого бассейнами Балтийского, Каспийского, Азовского, Чёрного морей и пересекаемого акваториями крупных судоходных рек, впадающих в эти моря, и их притоков. Обеспечивая речным, морским и прибрежным разбойным промыслом собственное сносное пропитание и жизнеспособность, осуществляя свою независимость от любой власти, кроме казачьей, вольные казаки Днепра и Дона своими успехами в морском разбое, пиратстве в течение нескольких веков предоставляли возможность новым формировавшимся государственным образованиям на карте Европы - Польскому королевству и Московскому царству - с христианским населением не просто укрепиться, а со временем перейти к завоеваниям новых территорий, освоению торговых путей, накоплению богатства. Как точно выразился великий немец В. Гете в своем знаменитом «Фаусте»:

«Никто не спросит: «Чье богатство?

Где взято и какой ценой?».

Война, торговля и пиратство -

Три вида сущности одной...».

Утверждение еще в первом веке до Р. Х. римлянами, что «пират - враг человеческого рода» в значительной мере утратило остроту восприятия у населения крупнейших морских держав современности, разбогатевших после великих географических открытий, произведенных в большинстве своем приглашенными на государственную службу пиратами. Знаток мировой истории пиратства, немецкий профессор И. Майер точно отразил ментальность западных европейцев в отношении занятия пиратством: «...В прежние времена пиратство не только разрешали, но и поощряли, считая делом почётным. Короли и принцы занимались им наряду с отважными героями из простолюдинов, которые стали знаменитыми благодаря своей силе и мужеству». Население всех высокоразвитых стран Западной Европы, осуждая в чем-то отдельные действия и поступки своих знаменитых пиратов и каперов, в целом гордится этими морскими разбойниками, а историки передают об их «героических» деяниях из поколения в поколение. Как, например, сделал это знаменитый французский философ Вольтер в своей книге «История Карла XII, короля шведов»: «...Это были отчаянные люди, известные своими подвигами, которым не хватало только честности для того, чтобы считаться героическими...».

Историю, как известно, пишут и переписывают победители. Нашу - Московское царство, Российская империя, советская империя. Теперь этим занимаются в демократических Украине и России. Народы наших государств, где два с половиной века творили героические дела вольные казаки

Днепра и Дона, движутся в третьем тысячелетии по пути вступления в цивилизованное европейское сообщество. Узнают ли новые поколения украинского и российского народов, поколения европейского населения об истории и деяниях вольных казаков Днепра и Дона? Кто преградил путь в середине XVI в. турецко-татарскому нашествию по Дону и Волге и не позволил отнять у Московского царства Нижнее Поволжье, Средний Дон и Приазовье? Кто выполнил поручения польского короля и оттянул своим фантастическим походом по Черноморью турецкие войска с Балканского полуострова? Кто не позволил начаться войне между Швецией и Польшей одной лишь демонстрацией пиратского искусства на Балтике? Как вольные донцы и запорожцы взяли турецкую неприступную крепость Азов и пять лет удерживали её? Кто одержал и подарил первую военно-морскую победу флоту Московского царства над турецким флотом? Как брали неопытные царские войска Москвы турецкую крепость Азов – мощный северный форпост Оттоманской Порты с помощью бывших вольных донцов и запорожцев, прикрыв южное «окно в Европу» через Азовское и Чёрное моря? Как, тихо, почти на век, из-за бездарности в дипломатии и военном деле московского царя Петра I, похоронили в водах и на побережье Азовского моря возможность пользоваться южным морским путём в Европу?

На эти и многие другие вопросы нашей средневековой истории двух соседних славянских государств Украины и Российской Федерации современный любознательный читатель у нас или за рубежом найдёт ответы, прочитав эту книгу. И пусть эрудированный читатель третьего тысячелетия составит собственное представление, «и кто был кто, и кто был кем...» в течение двухвековой жизни казацкой вольницы по Днепру и по Дону, пока исторические обстоятельства не вынудили их принять статус войск вначале Московского царства, а с 1721 г. – Российской империи.

Как автор этого труда выражаю искреннюю благодарность рецензенту полковнику Украинского казачества Н. Г. Диденко, а также своей сестре ростовчанке В. Н. Працко за помощь в сборе материала и большую признательность за практическую помощь в подготовке материала этой книги к изданию А. Д. Белоконь, И. А. Гудым.

Заказы на книгу, замечания по совершенствованию, предложения о переиздании книги за рубежом и переводе на национальные языки направляйте по адресу: Украина, 54027, г. Николаев, ул. Адмиральская, 20, тел. (0512) 35-23-36, 35-20-18.

ЧАСТЬ 1

ВСЕМИРНОЕ ПИРАТСТВО И ДВУХВЕКОВОЕ УЧАСТИЕ В НЁМ ДНЕПРОВСКИХ И ДОНСКИХ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ

Глава 1. Морской разбой и пиратство - проблема торгового мореплавания издревле и до наших дней

Наступившее третье тысячелетие от Рождества Христова в первый же год ознаменовалось грандиозным беспрецедентным воздушным пиратством транснационального исполнения в США 11 сентября 2001 г., унесшим тысячи жизней в мирное время и нанесящим материальный ущерб свыше 5 миллиардов долларов. Тот, кто подумал, что человеческое пиратство переместилось на стыке тысячелетий с водных просторов планеты в воздушный мировой океан, в новую, ранее менее доступную сферу, глубоко заблуждается. Морское пиратство благополучно перешло вместе с мировым сообществом в XXI век.

Уже первый квартал следующего 2002 года явился рекордным в мировой истории пиратских нападений в открытом море: 87, из которых 7 случаев угона судна, в то время как аналогичный период 2001 г. характеризовался в качестве рекордного с 68 нападениями и одним угоном. Современное морское пиратство ощутили на себе украинские моряки. 28 января 2002 г. на грузовое судно «Принцесса Сара», зарегистрированное в Украине и принадлежащее компании «Азов Си стар Эдженси», в территориальных водах африканского государства Сомали было произведено нападение пиратов. За освобождение украинских моряков африканские пираты потребовали выкуп в 200 тысяч долларов. Лишь благодаря усилиям французского военного фрега-

та «Флореаль» пленные моряки были освобождены. А в августе 2002 г. в этом же морском районе было угнано судно с шестью украинскими моряками на борту.

Переход человечества в новое временное измерение с новым уровнем цивилизации, оказывается, ничуть не означает, что оно преодолело старые проблемы ушедших тысячелетий. В наше время ядерной энергетики, космической техники, компьютерных технологий, волоконных телекоммуникаций связи мореплавание остаётся не менее опасным, чем с самого начала освоения человеком мирового океана. Причина здесь кроется не в неподвластности мировому сообществу морской стихии, а в заинтересованности определённой части человечества в процветании пиратского бизнеса, как было и 6 тысяч лет назад с возникновением торгового и военного мореплавания. Ещё в IV в. до Р. Х. древнегреческий философ Аристотель, наставник великого полководца Александра Македонского, отождествлял мореплавание с рыболовством и пиратством, которые служили источником пропитания эволюционирующего человечества. Принято считать, что первенство в мореплавании и пиратстве принадлежит финикийцам - жителям прибрежных территорий и селений на азиатском побережье восточного Средиземноморья, богатого в те времена проливами, заливами, островами с роскошной субтропической флорой. От них пиратство перешло в древнюю Византию, окружённую морями с побережьями, словно созданными для внезапных пиратских действий. Словом «пейратас» древние греки обычно называли мужчин, отправлявшихся в дальние морские странствия в целях разбоя на чужом побережье. По мере развития мореплавания в разных регионах мирового океана у слова «пираты» появились слова-синонимы: корсары - у итальянцев, флибустьеры - у французов, буканьеры - у населения побережной Латинской Америки. Смысл их был один - морские разбойники. Следует отметить, что древнегреческое слово «пираты» вошло в языки большинства народов, населяющих побережье мирового океана.

Когда же во время войн правительства морских стран стали принимать пиратов на службу легально или поддерживать тайно, то в языках многих народов появилось голландское слово «каперство» (морской разбой). Оно означало в военное время деятельность моряков-каперов по преследованию и захвату судов, принадлежавших частным лицам, торговых неприятельских судов или судов нейтральных стран, занимавшихся перевозкой грузов морем в пользу воюющей страны.

Формально пиратство считалось порочной деятельностью. В действительности, пиратство имело и ряд положительных сторон. Именно благодаря

пиратам крупнейшие водные пути, связавшие ныне процветающую Европу со странами Азии, Америки и Африки, с Австралией и Океанией, впервые прокладывались пиратами, на которых они сами же потом становились морскими разбойниками. Пираты самых развитых европейских стран способствовали обогащению своих монархов и постоянному наполнению государственной казны. А каперы из разных стран мира помогли в то время Северо-Американским Штатам обрести независимость и стать ныне самой развитой и богатой страной планеты.

Немецкий исследователь Х. Найкирхен во второй половине XX века писал: «Сначала пиратство было прибрежным разбоем. После разложения первобытного общества моральной нормой стало право сильного на насильственное присвоение чужой собственности. А так как от недостатка продуктов питания в ту эпоху страдали целые народы, племена, то на протяжении многих веков пиратство считалось полезным и славным занятием...».

Первородное пиратство в виде прибрежного разбоя в форме колониальной и невольничьей торговли просуществовало до XIX века. И все-таки основным местом деятельности пиратов с середины II тысячелетия являлось открытое море. История мирового пиратства очень ярко свидетельствует об этом. Знаменитый английский пират XVI века Фрэнсис Дрейк, поднявшийся после королевской амнистии до адмирала королевского флота Великобритании и лорда Адмиралтейства, известен как победитель в сражении англичан с «Непобедимой армадой» - объединенным флотом Франции и Испании.

Другой всемирно известный английский пират Генри Морган в XVII веке был окружен ореолом героя Британии, став после королевской амнистии рыцарем и губернатором острова Ямайка, причем активным борцом с буканьерами Карибского моря. На весь мир известны французские корсары XVII-XVIII вв. Дюге-Труэн, Жан Барт, Робер Сюркуф, Жан Лафитт. Когда короли Франции привлекали их на службу вначале каперами, а затем - капитанами и адмиралами военного флота, то за привлечение их в качестве каперов шла отчаянная борьба между Великобританией и восставшими против неё Северо-Американскими Штатами. Любопытно, что в тихоокеанском бассейне у дальневосточных побережий на рубеже XIX века широкую известность приобрела китайка госпожа Цин, вдова удачливого до поры до времени китайского пирата. Когда китайский император проиграл со своим флотом ей все битвы, то он предложил её пиратам амнистию, а Цин пожаловал высокий титул на императорской службе. Китайский историк заключает по этому поводу: «...С этого момента наступила счастливая эра. На крупных

и малых реках снова воцарился мир».

В XX веке морское пиратство продолжало развиваться, тем более что ушедшее столетие было характерно двумя мировыми войнами и десятками региональных военных конфликтов. Чего стоило только союзникам антигитлеровской коалиции пиратство надводное и подводное фашистской Германии на просторах мирового океана!

Сегодня зарубежные эксперты считают проблему пиратства серьезной в степени, достаточной для оказания непосредственного влияния на региональную безопасность, и требующей адекватного развития уровня регионального сотрудничества в этой сфере.

Нападения на морские суда наносят значительный экономический ущерб государствам, которые используют морские пути для транспортировки коммерческих грузов. Согласно данным правительственных источников США, прямой финансовый ущерб от пиратства в открытом море оценивается ежегодно в среднем в 450 млн. долларов. Существует опасность нанесения значительного ущерба морской среде и прибрежным странам в случае нападения на суда с экологически опасными грузами.

Помимо прямого захвата и грабежа судов в море, на якорных стоянках и даже в портах, существует и новое проявление пиратства - похищение доверяемых грузов с использованием ранее угнанных судов с пиратскими экипажами и фальшивыми документами на регистрацию судна и груз (так называемые «фантомные суда»). После продажи груза совершенно в другом месте, нежели порт назначения, «фантомное» судно, как правило, заново перекрашивается, переименовывается и перерегистрируется под другим флагом.

Нападению подвергаются практически все виды судов - от крупнотоннажных танкеров, сухогрузов, контейнеровозов до пассажирских судов и яхт. В период с 15 июня 1998 года по 15 июня 1999 года, например, 25% таких судов составляли танкеры, 23% - сухогрузы, 16% - рыболовные суда, 13% - балкеры, 11% - контейнеровозы и 12% - яхты и другие небольшие суда.

Отмечается возрастающая жестокость пиратов и соответствующий рост числа погибших. Так, если в 1994 году не погиб ни один член экипажа потерпевших судов, то в 1995 и 1996 годах уже по 26, а в 1997 году - 51 человек.

География пиратских нападений весьма обширна. Опасными считаются прибрежные воды Южной и Средней Америки (Карибское море, воды Коста-Рики, Бразилии, Колумбии), западное и восточное побережье Африки (район Гвинейского залива и территориальные воды Нигерии, Анголы и Сомали), районы Юго-Восточной Азии (ЮВА) и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Самыми «пиратскими» являются побережье Индии и Шри-

Ланки, зона Малаккского и Сингапурского проливов (район Филиппин, Малайзии и Индонезии), Таиландский залив и Южно-Китайское море (треугольник Гонконг - Макао - Китай).

В Китае, Сомали, на Филиппинах и Сьерра-Леоне пиратство имеет в определенной степени квазиофициальную природу (скрытая поддержка пиратства властями):

- в Китае - вследствие неофициальной экспансии притязаний КНР и стремления китайского руководства утвердить территориальный суверенитет Китая в спорных районах, богатых минеральными ресурсами, в том числе нефтью и природным газом;

- на Филиппинах - не в последнюю очередь из-за нищенских заработков морских офицеров, которые не прочь заняться рэккетом;

- в Сомали, где с 1991 года фактически отсутствует центральное правительство, пиратством откровенно занимается служба береговой охраны, и торговые суда вынуждены держаться не ближе 50 миль от побережья Сомали;

- в Сьерра-Леоне; в середине 90-х годов рыбаки Сьерра-Леоне, Сенегала, Гвинеи-Бисау, Испании, Португалии и Южной Кореи не раз объявляли забастовку из-за пиратских нападений в районе побережья этой страны.

Значительное влияние пиратства на торговое судоходство и безопасность в других районах подтверждается также тем, что:

- экипажи коммерческих судов отказались от захода в бангладешский порт Читтагонг без сопровождения сил охранения, вследствие чего военноморские силы и служба береговой охраны Бангладеш были вынуждены ввести патрулирование района порта;

- движение судов в районе индийского порта Калькутта ограничено только дневным временем из-за деятельности пиратов;

- в Средиземном море правительству Греции в 1997 году пришлось ввести патрулирование кораблей и катеров ВМС в районе острова Корфу для защиты туризма и рыболовства от албанских пиратов;

- в Карибском бассейне, особенно в районе Колумбии и Венесуэлы, Никарагуа, Коста-Рики и многочисленных островов, владельцы яхт и рыболовных судов вынуждены учитывать огромное воздействие фактора пиратства.

При практически полном попустительстве властей, не уделяющих проблеме пиратства должного внимания, действуют пираты в Бразилии. Их основной район деятельности - порт Рио-де-Жанейро. Несмотря на оцениваемый ущерб экономике от деятельности пиратов в более чем 200 млн. дол-

ларов в год, правительство Шри-Ланки вынуждено мириться с пиратством, так как ВМС страны, вовлеченные в вооруженный конфликт с оппозиционными правительству силами, не имеют возможности вести эффективную борьбу с пиратами.

Пираты активизируют свою деятельность. Так, согласно докладу Аналитического центра по проблеме пиратства Международного морского бюро, в 1999 году в мире зарегистрировано 300 случаев пиратства, что в 3 раза больше, чем в 1991 году. В 2000 году отмечалось уже 469 случаев, что на 56% больше, чем в 1999 году. В 2001 году произошло 263 случая нападений на суда в мире. Причем, по оценкам специалистов, становится известно только о каждом третьем случае.

В первом квартале 2002 года в мире зарегистрировано 87 нападений (7 случаев угона), в то время как аналогичный период 2001 года характеризовался показателем 68 (1 случай угона).

Особо выделяется Азиатско-Тихоокеанский регион, где в 90-х годах произошло более 2/3 актов пиратства в мире. Примечательно, что после 17 инцидентов пиратства против российских судов в 1992 году в середине 1993 года была развернута группа боевых кораблей ВМФ России с целью защиты судоходства.

Одним из самых шумевших стал захват в сентябре 1995 года 30 пиратами торгового судна «Анна Сьерра» при переходе из Таиланда в Филиппины. Судно перевозило 12 тыс. тонн сахара общей стоимостью 5 млн. долларов. Экипаж был оставлен в открытом море на спасательных шлюпках в 60 милях от Вьетнама и через 3 часа подобран вьетнамскими рыболовными судами. Судно «Анна Сьерра» было обнаружено 8 октября в китайском порту Бейхай под названием «Арктик Си», якобы зарегистрированное в Гондурасе. Экипаж судна - 12 человек - с индонезийскими и малайзийскими паспортами был фактически безнаказанно отпущен китайскими властями.

Как показывает анализ, основные проблемы в борьбе с пиратством состоят:

- в ресурсных (финансовых) затруднениях большинства прибрежных государств третьего мира;
- в неспособности правительства оказать влияние на ситуацию;
- в невозможности постоянного перекрытия районов пиратства имеющимся количеством кораблей, катеров и летательных аппаратов (патрулирование на сегодня остается одной из наиболее эффективных мер в борьбе с пиратством);
- в предоставлении прибрежными государствами, судовладельческими

компаниями ложной статистической и другой информации о нападениях на суда;

- в несогласованности правовых норм и актов, определяющих режим прибрежных районов и др.

В АТР пиратство характеризуется тем, что большинство актов происходит в районах международных проливов - Малаккского и Сингапурского (ежегодно здесь проходит более 30 тыс. или ежедневно от 200 до 600 судов, около половины из них - танкеры), в пределах территориальных или архипелажных вод Малайзии, Индонезии или Сингапура. Также значительное число нападений на суда осуществляется в районах спорной юрисдикции, в особенности в Южно-Китайском море. Данное обстоятельство значительно осложняет борьбу с пиратством.

В Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, особенно в районе о. Сенкаку, пиратская активность обусловлена не в последнюю очередь тем, что под видом борьбы с контрабандой наркотиков китайская морская полиция занималась просто грабежом, выдавая этот факт как дело рук пиратов. В качестве примера можно привести случай с задержанием в море и приводом в один из китайских портов сингапурского судна «Нуе Миеко» китайской таможенной службой. Весь груз судна - сигареты - был изъят под видом контрабанды и продан.

Снижение количества случаев пиратских нападений в середине 90-х годов произошло в результате повышения уровня сотрудничества в борьбе с пиратством, координации деятельности сил береговой охраны и военно-морских сил государств, обмена информацией и других мероприятий. Так, в 1992 г. установлены прямые связи между руководством ВМС Индонезии и Сингапура, создан совместный комитет по военно-морскому сотрудничеству и группа планирования совместной оперативной деятельности. Введено совместное патрулирование кораблей и катеров сил береговой охраны, морской полиции, таможенной службы и ВМС Малайзии, Сингапура, Индонезии и Филиппин в проливной зоне, а также заключено соглашение о возможности преследования пиратов в территориальных водах другого государства. Отмечается, что в водах Индонезии ежедневно в патрулировании задействованы 26 кораблей и катеров, 10 летательных аппаратов береговой охраны и ВМС страны. В 1993 году была установлена «горячая линия» связи между КНР и Японией. ВМС Филиппин выделили специальную радиочастоту, на которой потерпевшие суда могут обращаться за помощью к кораблям ВМС и береговой охраны Филиппин. В результате совместных усилий количество пиратских нападений в Малаккском проливе было уменьшено до 8 раз.

В октябре 1992 года Международным морским бюро Международной торговой палаты при поддержке Международной морской организации ООН в Малайзии в Куала-Лумпуре был создан Региональный центр по проблеме пиратства, который затем переименован в Аналитический центр по проблеме пиратства. Он осуществляет сбор и анализ информации в глобальном масштабе, занимается розыском пропавших судов, добивается наказания преступников и возврата грузов владельцам, выполняет круглосуточное оповещение судов о нападениях пиратов и занимается организацией помощи потерпевшим судам. При содействии данного регионального центра суда коммерческого флота были оснащены спутниковой системой определения местоположения «ShipLoc». Именно с помощью этой системы индонезийскими ВМС в июне 2001 года через 7 дней после угона пиратами был обнаружен малайзийский танкер «Силайанг». Тогда удалось арестовать 10 пиратов.

Развитие сотрудничества стран в сфере борьбы с пиратством в мире в целом, АТР и ЮВА в особенности, сегодня связано с активностью следующих международных организаций и институтов:

1). Международная морская организация (ММО) ООН - занимается проблемой пиратства с 1983 года. Комитет ММО по безопасности провел ряд региональных совещаний и представил два документа: «Руководство для судовладельцев и судоходных компаний...» и «Рекомендации для правительственных органов по борьбе с пиратством». «Рекомендации...» были использованы в разработке проекта «Наставления по совместным операциям по обеспечению региональной безопасности...» командования береговой охраны США на Гавайских островах.

2). Региональный форум стран АСЕАН - рабочая группа по мерам укрепления доверия, которая в октябре 2000 года провела встречу по проблеме пиратства.

3). Организация представителей государственных учреждений стран АТР, осуществляющих деятельность в области обеспечения безопасности морепользования. Вышеупомянутое «Наставление...» береговой охраны США было представлено на четвертом форуме Организации, который был проведен в марте 2000 года.

4). Симпозиум стран Южно-Китайского моря. Разработанный им документ «Об урегулировании потенциальных конфликтов в Южно-Китайском море» содержал также предложения о «кооперации между ВМС стран и государственных структур региона» в борьбе с пиратством и перевозками наркотиков.

5). АТССБ - Азиатско-Тихоокеанский совет по сотрудничеству в сфере

безопасности регионального форума АСЕАН. Проводит совещания два раза в год. После встреч рабочей группы АТССБ в 2000 году был издан «Меморандум о кооперации в сфере правопорядка и законности на море», предлагающий в качестве первого шага на пути борьбы с пиратством детальный анализ соответствующих законодательных актов всех государств на предмет разногласий.

6). Военно-морской симпозиум стран западной части Тихого океана. На регулярных встречах представителей командования ВМС стран АТР также обсуждается проблема пиратства.

7). Регулярные конференции, организуемые Аналитическим центром по проблеме пиратства, Институтом Окасаки (Токио) совместно с органами АСЕАН и национальными государственными организациями.

Наиболее значимые инициативы в борьбе с пиратством исходят от Японии как регионального лидера, являющегося крупнейшей судоходной державой региона и зависимого от морепользования (состояния морских коммуникаций). Еще в октябре 1987 года японским Институтом оборонных исследований была предложена концепция «Миротворчество в океанской сфере», охватывающая также и вопросы борьбы с пиратством. Япония не раз предлагала корабли сил береговой обороны и военно-морских сил для совместного патрулирования в зонах международных проливов.

Свое традиционное влияние на все процессы в сфере безопасности в регионах, несомненно, сохраняют за собой США. Усилия американцев как мирового лидера сказываются и в борьбе с пиратством, чему непременно способствует передовое присутствие военно-морских сил США. Так, недавно американский 7-й флот вместе с индийскими кораблями начал совместное патрулирование северо-западной части Малаккского пролива. Дели впоследствии намеревается иметь постоянную группу кораблей в Андаманском море.

Кроме того, значительные патрульные силы, которые могут быть задействованы для борьбы с пиратством, находятся в составе военно-морских сил Индонезии, Тайваня, Таиланда и Филиппин.

Одним из наиболее мощных, хорошо оснащенных в мире и имеющих значительный потенциал по борьбе с пиратством считается Департамент морской охраны Японии. На вооружении состоят около 115 сторожевых кораблей (СКР) большой автономности (в т. ч. оснащенных вертолетами), 47 СКР средней автономности, 103 патрульных катера (ПКА) береговой службы. Также имеются более 45 патрульных самолетов и 41 вертолет.

Таким образом, проблема пиратства остается одним из актуальных аспек-

тов, оказывающих влияние на торговое судоходство в определенных районах Мирового океана и даже на состояние региональной безопасности. Успешное противодействие и борьба с пиратством сегодня просто невозможны без развития регионального сотрудничества и координации усилий международного сообщества. Еще большую актуальность пиратству придает его потенциально возможная взаимосвязь с международным терроризмом. Наиболее древние проблемы человечества оказываются и наиболее живучими. Данное обстоятельство, однако, скорее свидетельствует лишь о необходимости принятия кардинальных мер и выделения больших ресурсов с разработкой долгосрочной программы. Тем более, что совместные усилия государств, как это показывает практика, способны оказать значительное влияние на состояние дел в данной сфере.

Так что же мешает сегодня разрешению проблемы мирового пиратства? Прислушаемся к мнению наших ученых в области международного права. Вот мнение профессора, ректора Одесской национальной юридической академии С. Кивалова: «...Конкретные примеры показывают, что 80 процентов случаев пиратских нападений осуществлялось НЕ В ОТКРЫТОМ МОРЕ, а в границах территориальных вод, в гаванях и тогда, когда суда стоят на якоре...». Дело кроется в том, что морское пиратство гибко и коренным образом изменило сферу своих преступных действий: из открытого моря оно вновь стремится к своей первородной среде в прибрежную зону, включая порты и их рейды. Подтверждение этому мы находим в докладе другого авторитетного юриста академика Л. Багрий-Шахматова: «...В текущем 2002 г. состоялась сессия ИМО (Международная морская организация при ООН)... Большую часть времени сессия ИМО обсуждала проблемы, связанные с предупреждением террористических актов на водном транспорте и предприятиях морехозяйственного комплекса...». Оказывается, согласно статье 101 Конвенции ООН по международному морскому праву (ММП) 1982 г., пиратство - противозаконный акт насилия (принуждения) в отношении судов или летательных аппаратов в открытом море или районах за пределами зон юрисдикции каких-либо государств. Следовательно, не вполне совершенное морское право позволяет военному кораблю противодействовать пиратству только в открытом море. Если акт пиратства осуществлен в пределах района, на который распространяется суверенитет государства, например, в архипелажных водах, то другие государства не могут предпринимать здесь какие-либо меры против пиратов. То же касается международных проливов, если они находятся в зоне территориальных вод государств, т. е. так называемое право мирно-

го прохода не дает возможности вести борьбу с пиратством. Это же право не предполагает возможности оказания помощи судам, подвергающимся нападению пиратов, и задержания пиратов с использованием оружия. Военный корабль обязан лишь проинформировать власти прибрежного государства о происшествии.

Образованные пираты конца XX - начала XXI веков, привлекая высокопрофессиональных правоведов, выгодно пользуются отмеченным обстоятельством, часто меняя районы своей преступной деятельности и прибрежные воды государств, зачастую скрываясь от преследований в чужих территориальных водах.

Так было и есть во всех регионах планеты. Не могло это явление обойти и Восточную Европу и развившиеся в ней за второе тысячелетие государства. По-видимому, пираты на этом огромном пространстве между бассейнами Балтийского, Каспийского, Азовского и Чёрного морей именовались не по-гречески, а по-турецки «казаками». Что и находим в трудах известного украинского историка М. Грушевского: «Слово «казак» широко распространено у народов турецкого корня. Оно употреблялось еще у половцев и до сих пор употребляется у турецко-татарских народов и означает «бродягу, промышленящего войной и разбоем». Это те же старые «анты», ходившие с болгарами и аvaraми на византийские земли. Это те «бродники», скитавшиеся в подонских и поднепровских степях в половецкие времена, «берладники» и «вигонцы галицкие», кочевавшие над Днестром и Дунаем в XII-XIII века, занимаясь рыболовством, а при случае и войной...». Итак, восточноевропейское пиратство было, развивалось и достигало успехов, но именовалось другим местным термином «казачество», а промышленявшие им - «вольными казаками» Днепра и Южного Буга, Дона и Волги. А до них военным и разбойным промыслом на водных просторах Восточной Европы занимались их предки - жители этого региона в конце I - начале II тысячелетия от Р. Х., т. е. наши древние предки на украинской земле Поднепровья.

Глава 2. Из практики морского разбоя казацких предков в заморских краях

Развитие мореплавания в Восточной Европе неразрывно связано с особенностями тех исторических периодов, через которые прошла земля Рус-

ская, как именовали её летописцы того времени.

С давних времён древнеславянские племена, населявшие Приднепровье и берега других многоводных рек, впадавших в Балтийское, Чёрное, Азовское моря, хорошо владели искусством постройки судов для плавания по рекам и морям. Сведения об этом уходят к третьему столетию от Р. Х. Так, по данным исторических исследований учёных-военных моряков, ещё в 269 г. наши предки осуществили поход крупного флота по Чёрному, Мраморному, Эгейскому и Средиземному морям, разгромили греческие портовые города Афины, Коринф, Спарту, достигли островов Крит и Кипр. И позже, в VI - VII вв. славяне пиратствовали на побережье Балканского полуострова, во Франции и Элладе, атаковали на своих совсем небольших судах столицу восточной Римской империи - Византии - город Константинополь, берега Италии и острова Крит. С образованием и развитием из славянских племен на земле Русской Великого Киевского княжества, по удачному выражению нашего великого историка М. Грушевского, - Киевской Руси, в IX - XII вв. расширились у славянорусов как внешние торговые связи по рекам и морям, так и масштабы морского разбоя. К этому времени относится и освоение известного в истории военного торгового маршрута «Великий путь из варяг в греки». Он связывал Балтийское и Чёрное моря и обеспечивал торговлю населения Северной Европы, Великого Новгорода и Великого Киевского княжества с развитой по тем временам во всех отношениях восточной Римской империей - Византией. Этот водный торговый путь Восточной Европы был кратчайшим, но трудным. Начинался путь в варяжских водах на Балтике и на реке Неве, затем шёл по Ладожскому озеру до реки Волхов, по реке Волхов - в озеро Ильмень и далее по реке Ловать. Здесь суда ставились на катки из брёвен и волоком перетягивались в Западную Двину, плыли по реке и снова волоком перемещались уже в Днепр, несущий свои воды на юг к Чёрному, Мраморному, Средиземному морям - в греческие владения. Уцелевшие старинные рукописи летописцев тех времён содержат описания торговых плаваний и крупных боевых походов наших древних предков на небольших одномачтовых парусно-гребных судах к побережьям могучей Византийской империи со столицей Константинополь (Царьград). Две рукописи с разницей в шесть лет упоминают о походе киевских князей Аскольда и Дира к византийской столице по Днепру и Чёрному морю. В одной рукописи поход датирован 860 годом, а в летописи монаха Киево-Печерского монастыря Нестора (XI - начало XII века) указан 866 год. Как пишется в летописях, в отместку грекам за истязания русских послов и купцов, за грабеж рыбаков у острова Березань Аскольд и Дир с набранной дружиной,

пройдя Днепр с его порогами и Чёрное море, вошли в пролив Босфор, чтобы наказать за грубое нарушение Византией договора «между Русью и Грека». Царьград был осажден войском, прибывшим на двухстах судах («лодиях»). Ладьи имели длину по 20 метров и ширину до 3 метров и вмещали по 40 воинов с оружием и запасом провизии, но способны были в перегруз принять и до 60 человек. Днища судов изготовлялись из одного крупного ствола липы или дуба, а борта нашивались из досок («шитики» или «набойные»). В летописи Нестора такие суда именуются «лодиями», а иногда даже «кораблями». К счастью для греков, поднявшаяся буря разметала славянские суда и избавила Царьград от разгрома. Лишь немногие ладьи с князьями и остатками дружины возвратились по Днепру в Киев.

Однако уже в следующем году они снова совершили боевой переход по Днепру и Чёрному морю к Царьграду. На подходах к граду их встретили послы напуганного византийского императора с большими дарами и предложением заключить письменный договор «мира и любви», что и было сделано. Киевские князья с дружиной получили выкуп в 48 тысяч гривен золотом и возвратились домой.

Успех морского похода против греков не оставлен был вниманием последующих поколений. По свидетельству греческих историков и наших летописцев, славянорусы и подвластные им племена, жившие по Днепру, в зимнее время рубили лес и строили суда - ладьи. По вскрытии Днепра ото льда суда приводились к Витичеву, располагавшемуся на правом берегу в 50 верстах по течению ниже Киева, где и проводилась купля-продажа.

Из летописей известно, что грандиозный морской поход против Византии был совершен в 907 году киевским князем Олегом. Огромная дружина князя насчитывала 80 тысяч человек, размещавшихся на двух тысячах судов. Заранее по суше вдоль западного побережья Чёрного моря к Босфору была отправлена конница. Флот киевского князя сравнительно быстро дошёл до царьградской гавани, но здесь упёрся в мощные цепи, которыми греки перекрывали вход в гавань. Славяне вытащили свои суда на берег, поставили на катки, как это делали на северных участках торгового пути «из варяг в греки», установили на них паруса, пользуясь сильным попутным ветром, обошли цепные препятствия в водах гавани и, подступив к стенам Царьграда, осадили город. Развернувшиеся боевые действия закончились успехом осаждавших. Были захвачены богатые трофеи. Греки не выдержали, предложили мир, выплатив большую дань. В назидание византийцам и на память потомкам князь Олег прибил свой щит на воротах побеждённой столицы восточных греков Царьграде - Константинополе.

Преемник Олега князь Игорь, муж славной славянской женщины святой княгини Ольги в 941 году совершил поход на судах по Днепру и Чёрному морю к византийской столице Константинополю. Там позабыли об исполнении своих обязательств князю Олегу - о предоставлении киевским купцам права беспощинной морской торговли и судоходства. Флотилия князя Игоря дошла до византийского побережья на стыке Европы и Азии и расположилась у западного европейского побережья пролива Босфор в районе мыса Фара. Здесь и произошло неудачное морское сражение с греческим флотом славян Великого Киевского княжества. Дело в том, что византийцы применили новейшее и мощнейшее по тем временам оружие - «греческий огонь». Так называлась боевая высокоэффективная, устойчивая к воде зажигательная смесь из нефти, смолы, серы, селитры и других компонентов. Изобретённый в VII в. от Р. Х. «греческий огонь» с потрясающим боевым и психическим воздействием на противников обеспечивал успех византийцам в морских сражениях. Сосуды, наполненные зажигательной смесью, поджигались и забрасывались с помощью метательных механизмов на суда неприятеля.

Конечно, «греческим огнём» было сожжено большинство судов киевского князя Игоря. С оставшимися от разгрома киевской флотилии судами князь ушёл Чёрным морем вдоль побережья Малой Азии, пытаясь скрыться от преследования греков в районе Керченского пролива. Но греческая эскадра настигла его у входа в Азовское море и окончательно разгромила киевскую флотилию. С огромными трудностями и потерями князь Игорь прошёл через заселённое печенегами и другими кочевниками Причерноморье и добрался до Киева.

Боль неудачи и жажда отмщения три года спустя, в 944 году, подвигли князя Игоря на новый морской поход против византийских греков. Собрав многотысячное войско, в том числе печенегов и других кочевников из причерноморских степей, а также наняв на севере воинов-варягов, он отправился с крупным флотом по Днепру и Чёрному морю к Константинополю. Конница воинов-степняков, как и в прежних походах, шла вдоль днепровских берегов, а затем по западному черноморскому побережью с переправами через Южный Буг, Днестр и Дунай. В этот раз «греческий огонь» не помог византийцам, и греки сдались на милость победителей. Получив огромные богатства в виде подарков и дани, киевляне и их союзники возвратились домой. Стороны возобновили договор князя Олега об обоюдных обязательствах по охране торговых судов от морского разбоя и условиях беспощинно-

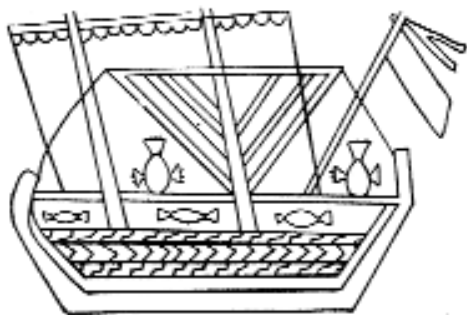
го торгового судоходства.

Наследник киевского князя Игоря, сын святой княгини Ольги князь Святослав завоевательные походы по Чёрному морю осуществил в 968 - 970 гг. Со своей флотилией он не пошёл к Константинополю, а решил захватить подвластные византийскому императору болгарские земли по Дунаю. С дружиной на судах князь Святослав прошёл вдоль черноморского побережья к устью Дуная. Затем поднялся по могучей реке вверх до Доростола и основал на завоеванных землях киевский анклав со столицей Преслав. Правда, степнякам-печенегам в Северном Причерноморье не пришлось по душе наличие у них в тылу с юга сильного киевского князя с войском и они решили выманить его оттуда, организовав нападение печенегов на оставленный князем Киев. Возвратившись домой и отогнав печенегов от Киева, князь Святослав вскоре вновь отправился в болгарские земли на Дунай к Доростолу. Весной 971 года император Византии не выдержал и, собрав огромное войско и флот в составе трехсот судов, пришёл к устью Дуная и осадил Доростол, захваченный дружиной Святослава. «Греческий огонь» сделал своё дело в развернувшихся кровопролитных боях с киевлянами. Раненый князь Святослав вынужден был запросить мира. В заключенном договоре Великое Киевское княжество обязалось не воевать с греками, отказавшись от всех завоёванных болгарских земель. Князь Святослав, сохранив ценой такого мира остаток флотилии и дружины, пытался пробиться на Киев по Днепру. Но в устье Днепра их встретили тайно предупреждённые греками орды кочевников-печенегов, мстительно настроенных за своё поражение князю при осаде Киева. В упорном бою малочисленная дружина Киевского княжества была перебита, а сам храбрый и воинственный князь Святослав пал на поле брани.

17 лет наши предки из Великого Киевского княжества держали своё слово по бесславному договору князя Святослава с греками, собираясь с силами. В 988 году киевские войска во главе с великим князем Владимиром - сыном Святослава - решили смыть с себя позорные обязательства. Владимир-Красное солнышко нашёл слабое звено: богатая греческая колония с центром Карсунь (Херсонес) на южном побережье Крымского полуострова (Таврида). На многочисленных судах своей флотилии князь Владимир по Днепру и вдоль западного побережья Крыма пришёл к Херсонесу, обложив город со всех сторон, включая важную морскую. Лишив население Херсонеса пресной воды (с которой в Крыму проблема и ныне, тысячу лет спустя после этих событий), князь Владимир заставил капитулировать богатейший город греческой торговой колонии в Крыму. Видя такой поворот событий и зная об

угрозах князя Владимира не останавливаться на достигнутом, византийский император запросил мира на любых условиях. Князь-язычник, имевший множество жён в Киеве, но не имевший среди них гречанок, потребовал руки царевны Анны - сестры византийских императоров Константина и Василия, славившейся красотой и умом. Императоры согласились при условии, что князь-язычник примет вероисповедание греков - православное христианство. Сражённый красотой, мудростью и обаянием гречанки из императорской семьи, киевский князь тут же, в Херсонесе, вначале совершил крещение, приняв православное христианство, а затем обвенчался в соборе города с красавицей гречанкой, таким образом породнившись с константинопольским императорским двором.

Этот брачный союз, словжившийся в результате успешного морского похода киевского князя Владимира, провозглашённого впоследствии святым, имел серьёзные последствия и для авторитета наших предков в деле морских сражений в последующие годы. Войска киевского князя неоднократно привлекались греками для оказания помощи в морских сражениях даже в Средиземноморье. А киевские купцы путём беспопытного торгового

Корабль с «греческим огнем»
(старинный арабский рисунок).

судоходства приносили в казну княжества на берегах Днепра солидную долю от торговли по морю с Константинополем и в других обширных владениях Византийской империи.

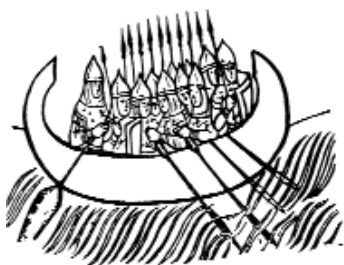
Славянские летописцы и персидские историки, наряду с описаниями черноморских боевых плаваний казацких предков на своих «лодях» из дубов и лип по берегам Днепра и его полноводным тысячу лет назад притокам, приводят краткие описания ряда

походов киевских князей в 910, 914, 943, 964 годах на судах по рекам Северного Кавказа и далее на север - по Волге, а на юг - по Каспийскому (Хвалынскому) морю. Удивительного в этом ничего нет, так как нынче никак не оспариваемая независимой Украиной кубанская земля (Тамань, Темрюк) вместе с Керченским проливом и полуостровом Крым являлись Тмутараканским княжеством - удельным в составе Великого Киевского княжества. Тмутараканские князья держали в «ежовых рукавицах» всё местное степное

и предгорное население Северного Кавказа от Азово-Черноморского побережья до Нижней Волги и северной части западного Каспия. На своих судах воинственные тьмутараканцы, продвигаясь вдоль каспийского побережья, захватывали побережья нынешнего Дагестана и Азербайджана, подвластных властям Ирана (Персии). По каспийскому побережью наши предки из Тьмутараканского княжества доходили до Апшеронского полуострова Каспия и даже поднимались вверх по течению реки Куры.

В начале нового, второго тысячелетия, в 1009-1042 гг., дружины славянских князей из Киева совершили ряд морских черноморских походов и даже вдоль европейского побережья Средиземноморья, с морским разбоем - на берегах Апеннинского полуострова, где проживали предки нынешних итальянцев.

В 1043 году наши предки из Великого Киевского княжества земли Русской, судя по сведениям летописей, осуществили при князе Ярославле Мудром свой последний разбойный набег, причем очень неудачный, на ранее дружественный Константинополь. Ярослав послал на греков своего сына Владимира, дав ему много войска и опытного в таком морском походе военачальника Ивана Вышату в качестве воеводы. Спустившись с войском, составлявшим более 6 тысяч человек, на ладьях по Днепру, князь Владимир и воевода Иван Вышата затем вдоль западного черноморского побережья пришли к устью Дуная. Отдохнув здесь, отправились вдоль болгарского побережья прямо на Константинополь. Вдруг на море разразился шторм, и большинство ладей киевлян было разбито. Воевода Иван Вышата взял к себе на борт спасшегося князя Владимира. Прочие же, около 6 тысяч воинов, с трудом выбрались на побережье и хотели идти берегом обратно на Киев, но князь Владимир и княжеская дружина, имея суда, не захотели так позорно возвращаться. Тогда воевода Иван Вышата сказал князю: «Я пойду с ними.

Речная экспедиция.
(Из жизни Бориса и Глеба).

Останусь жив - хорошо, а погибну - все лучше с дружиною». Когда византийцы в Константинополе узнали, что ладьи киевского князя разбиты в море бурей, то греческий император Мономах быстро послал свои корабли с войсками вслед пиратам из Киева. Князь Владимир Ярославович с дружиной, видя, что на них движется греческий флот, храбро атаковали его, и, к счастью, очень удачно. Разгромив посланную флотилию

греков, он двинулся домой на Киев, куда и прибыл вместе со своей дружиной и добычей. Горькая участь постигла на черноморском побережье тысячи киевских воинов с воеводой Иваном Вышатою. Греки их взяли в плен, привели в Константинополь, где около 800 киевских пиратов было ослеплено. Только через три года воеводу Ивана Вышату вместе с ослепленными пленниками отпустили греки к великому князю Ярославу Мудрому в Киев.

Бесперывные междоусобные войны в XI - XII вв. наследников покойного Ярослава Мудрого, или, по удачному, используемому в современной Украине, выражению нашего историка Н. Костомарова, - борьба за великокняжеский престол в Киеве с привлечением чужеродных племён и войск монархов из соседних стран, а затем последовавшее на землю Русскую из Азии монголо-татарское нашествие на два - три века приостановили в славянском регионе Восточной Европы масштабные акции морского разбоя на Чёрном, Азовском морях и на Каспии. Но сведения о судостроении и судоходстве на реках, впадающих в эти морские бассейны, об организации пиратского промысла и о добыче, привозимой с моря, надолго сохранились в памяти потомков, ждали времени реализации уже в новых исторических условиях в этом регионе стыка континентов Европы и Азии.

Глава 3. Происхождение вольного казачества по Днепру и Дону с распадом Золотой Орды

Ещё в XVIII и XIX веках II тысячелетия от Р. Х. самыми авторитетными российскими и украинскими историками было признано, что предшественниками первых по времени на русской земле донских казаков и первых на украинских землях днепровских казаков были казацкие войска возникшего в середине XIII в. улуса Золотая Орда Великой империи монгол, покорившего силой оружия восточноевропейские территории и славянское население земли Русской после распада от междоусобных княжеских войн Великого Киевского княжества. Ордынские казацкие войска представляли собой части легкой конницы вспомогательного назначения для ведения разведки, наблюдения за противником, подготовки основных сил Орды к бою, формировавшиеся ещё до прихода монголо-татар в Восточную Европу из Азии из выводимого в Орду населения покоренных ею народов. С захватом монголо-татарами земли Русской от Волги до Галичины и Литвы главную массу

вооруженных вспомогательных, обслуживающих и рабочих сил улуса Золотая Орда, основавшего свою столицу г. Сарай в низовьях Волги на рукаве Ахтуба, стало всё больше составлять славянское население земли Русской. Оно выводилось из покорённых княжеств в Орду с помощью татарских баскаков - сборщиков при князьях имущественной и живой дани, или дани крови. Население славянских княжеств ежегодно отдавало баскакам живую дань в виде 1/10 части из числа мужчин, не имевших жён, женщин, не имевших детей, и девиц. Кроме того, у отца, имевшего трёх и более сыновей, одного забирали служить и жить в Орде.

Только почтово-транспортное обеспечение улуса Золотая Орда по «ямским» линиям осуществлялось 400 тысячами лошадей и целой армией обслуживающего персонала с использованием десятков тысяч казаков славянского происхождения («живой дани»), размещавшегося в поселениях вдоль ордынских путей сообщения, по которым носились «в виде стрел» на конях ордынские казаки.

Кроме того, на ордынских казаков из славян возлагалась ответственная работа по обеспечению паромных переправ на восточноевропейских реках с их многочисленными полноводными в те времена притоками. Об этом писал в 1253 г. посол французского короля Людовика IX В. Рубрикос, проезжая в столицу Золотой Орды: «...Все пути передвижения обслуживаются русами. На переправах рек - повсюду русы, имеющие на каждой переправе по 3 паромов...».

Жизнь казаков славянского корня в Орде была связана с непрерывной разведывательно-дозорной службой: дальней и ближней. По Днепру велось наблюдение в сторону Галицко-Волынского княжества, покоренного, платившего дань, но не очень преклонявшегося перед Ордой, а также на границы Литовского княжества, Польского и Венгерского королевств. С границ улуса Золотая Орда производилось непрерывное пограничное наблюдение не только за покорёнными княжествами земли Русской, но и соседними улусами Великой империи монголов в сторону Средней и Малой Азии, правители которых далеко не дружелюбно, ревниво следили за возвышением Золотой Орды после покорения Восточной Европы.

Всё население ордынских казаков из славян поставлено было в условия, которые должны были отвечать наилучшим образом требованиям подготовки к военным действиям и несению военной службы в Орде, к порядкам, существовавшим в кочевом быту монголо-татар. Земледелие, как занятие, отвлекающее от основной цели и требующее непрерывного труда на земле, было запрещено. Вся жизнь ордынских казаков проходила в степи и на коне.

Поселения ордынских казаков были устроены по национальному признаку и по существовавшим во владениях Орды порядкам. Общение между поселениями, различными по национальности, воспрещалось. Раствориться в среде монголо-татар казаки из славян не могли - бытовые, культурные, религиозные особенности монголо-татар не позволяли, скорее могло быть наоборот. Так, под властью Золотой Орды происходило обособление части славянского населения из покорённых княжеств земли Русской, расселённого в степной полосе и по рекам с притоками, поставленного в управление монголо-татарских начальников и составлявшего ордынские служилые военные части из коренного завоёванного населения Восточной Европы.

Ордынские казаки из славян пользовались автономией не только во внутренней жизни Золотой Орды. За свою службу казаки получали жалование от хана, причём, если вначале это были только недостающие продукты продовольствия, взятые Золотой Ордой в виде имущественной дани от населения покорённых княжеств, то позже ханы стали платить казакам и вооружением.

Кроме того, у ордынских казаков, как и у основных монголо-татарских войск, военная добыча служила средством наживы всех участников военных операций. В отличие от монголо-татар, которые отдавали 1/10 часть захваченной добычи в ханскую казну, а остальное делили поровну, захваченная ордынскими казаками военная добыча сразу делилась между казаками поровну.

Уже через четверть века после основания Золотой Орды её население из ордынского казачества достигло 2/3 всего степного населения улуса, т. е. могло поддерживаться в следующих поколениях собственным естественным воспроизводством. Это и привело в 1269 г. к отмене ханом «живой дани» из княжеств земли Русской.

Такое событие имело в психологии ордынского казачества из славян важное значение, поскольку ставило славянских казаков в Орде в ещё большее обособленное, независимое положение от княжеств земли Русской, из которых вышли их предки и они сами по принуждению Орды. С другой стороны, у ордынских казаков славянского корня усиливалось осознание их роли в качестве значительной военной силы и внутри монголо-татарского населения самой Золотой Орды, в которой с 1280 г., когда в Великой империи монгол перестала существовать власть Великого Хана, постепенно и всё разрушительнее стали обозначаться кризисные явления как внешнего, так и внутрисполитического характера. В восточноевропейском улусе Золотая Орда распавшейся Великой империи монгол началась постепенная децентрали-

ция власти: из подчинения ставке хана в Сарае стали выходить крупные и мелкие ханы, мурзы и беи. Распад усилился в результате роста влияния соседних народов и их княжеств: на севере - Владимирского, Тверского, Московского; на западе - Великого княжества Литовского и Русского.

Децентрализованный улус Золотая Орда в XIV в., распадаясь на самостоятельные татарские ханства: по реке Волге - в Астрахани, Сарае, Казани, Крыму и на две кочевые ногайские орды в нижневолжских степях, на нижнем Дону, Северном Кавказе, Приазовье и Причерноморье, - делил и наследство - вооружённые силы, включая ордынских казаков из славян. В начавшемся постепенном распаде некогда великого и богатого государства монголо-татар в Восточной Европе стали изменяться и условия службы, и условия жизни поселений ордынских казаков.

Каждый из обретших самостоятельность ханов уводил воинов своих племён и часть общих войск Орды, в том числе ордынских казаков. Историки многих стран отмечают, что к концу XIV - началу XV веков во всех образовавшихся татарских ханствах на службе находилось много казаков славянского происхождения. Но помимо лёгкой конницы в войсках Золотой Орды на службе в улусе было примерно около 100 тысяч вооружённых ордынских казаков, нёсших пограничную службу, обслуживавших дорожно-транспортную сеть и водные переправы, обеспечивавших безопасность передвижения своих ордынских чиновников и зарубежных посольств на землях улуса, выполнявших трудоёмкие физические работы общественного характера и в частной жизни привилегированных лиц - ханов, мурз, беев, темников.

Эта людская масса вооружённых ордынцев, лишённая ханского содержания из Золотой Орды, как менее организованная часть ордынского вооружённого казачества начала срываться с ненужных теперь никакой власти мест службы и двинулась искать прибежище, новую службу и пропитание во все стороны на север и на запад от Волги, Дона и Днепра. Часть ордынских казаков, в кризисном положении Золотой Орды, не хотела бросать свои казачьи поселения с плодородными, богатыми охотой и рыболовством землями по Дону, Днепру и их многочисленным притокам. Оставаясь на своих прежних местах поселения, бывшие ордынские, а теперь вольные казаки образовывали весьма укреплённые военные городки. Пользуясь фактической вольностью, эти казаки, чтобы прокормиться, стали предлагать за вознаграждение использование себя на военном промысле русским княжествам, великому Литовскому и Русскому княжеству и даже крымскому хану, начавшему войны за власть с возникшими ханствами татар в Астрахани, Сарае, Казани.

Оставались на прежних местах обитания при распаде улуса и бывшие ордынские, а теперь вольные азовские казаки в низовьях Дона. Они теперь несли, но уже не обязательную, а наёмную службу по охране приморских городов-торговых портов и имущества местного торгового и ремесленного населения от бродячих вооружённых банд ордынских татар и от кочевых ногайских орд Причерноморья с запада и северо-кавказских степей с востока.

В 1316 г. на западе Восточной Европы в среде литовского населения стал правителем энергичный и талантливый князь Гедимин. Он правильно учёл ослабленное состояние Золотой Орды и подвластных ей княжеств земли Русской. Его княжество получило официальное название - Великое княжество Литовское и Русское. Князь начал присоединять западную часть земли Русской к своим владениям. Во всех присоединяемых княжествах, подчинённых ранее Золотой Орде, великий князь Гедимин, провозгласивший себя «кунигисом (королём) литовцев и русских», сохранял внутреннее устройство и порядки русского или украинского населения, и потому последнее охотно шло под власть его наместников при местных князьях и нанималось на службу в Литву.

Начавшееся завоевательное движение Великого княжества Литовского и Русского создало новые и исключительно важные перспективы для бывшего ордынского, ставшего вольным, казачества украинского происхождения. Поселения их в Поднепровье прилегали непосредственно к границам княжества Литовского и Русского, а политика «короля литовцев и русских» Гедимины была очень благоприятной для окончательного выхода из-под власти во всех отношениях чуждых днепровским ордынцам монголо-татар. После смерти в 1340 г. Гедимины его сын князь Ольгерд продолжил политику своего отца и принялся усердно расширять свои владения. После занятия литовцами Волынского, Черниговского, Киевского, Брянского княжеств Поднепровье оказалось полностью под властью Великого княжества Литовского и Русского. Бывшее ордынское, а теперь освободившееся днепровское казачество, чтобы выживать и кормиться, перешло на службу к литовцам в качестве служилого войска, причём в количестве до 40 тысяч казаков. Князь Ольгерд с днепровскими казаками двинулся на юг от Киева, разбил монголо-татарское войско на Синей Воде и занял Подолье. Границы Великого княжества Литовского и Русского достигли северных берегов Чёрного моря. 37 тысяч днепровских казаков, состоявших на службе в этом княжестве со времени ещё Гедимины, участвовали вначале с Ольгердом в присоединении восточного русского населения к Великому княжеству Литовскому и Русскому.

Украинский историк, николаевец Н. Аркас еще в XIX веке так описал взаимоотношения Великого княжества Литовского и Русского с украинским населением в XIV в. при князе Ольгерде: «В 1363 г. Ольгерд разбил татар и загнал их далеко на восток в степи заднепровские. Украинские земли с охотою шли под литовскую власть, так как ввиду этого освобождались из-под татар. И таким образом Украина уже во второй половине XIV века освободилась из-под татарской власти, тогда как северная, или Московская Русь, была ещё и далее под гнётом татарским. Ещё не скоро после этого, лишь в начале XVI в. Московское царство скинуло его с себя...». Отсюда поначалу и бывшие ордынцы - донские казаки оказались не в таком благоприятном положении, как днепровские, быстро нашедшие себе службу и жалование в войсках литовских князей, но уже, в отличие от своего подневольного ордынского положения, совершенно на равных правах с коренными литовцами. Донцы же оказались по своему географическому положению в менее благоприятных условиях. Расселённые на значительном пространстве по течению Дона от реки Ворона до его устья, они охотно могли бы перейти под сильную власть, способную их уважать и содержать, как литовцы днепровцев. Но бросать свои земли и насиженные места они не могли, и в истории существования донских казаков, бывших ордынских, наступал решающий момент.

Историкам известно, что донские казаки в состоявшейся в 1380 г. войне распавшейся Золотой Орды с Московским княжеством не были на стороне татар. Часть их приняла сторону московского князя Дмитрия. Часть выжидала, как и пришедшие к Куликовому полю литовские войска князя Ягайло с днепровскими казаками.

Такая неопределённость во взаимоотношениях дорого обходилась донскому казачеству конца XIV в. Разгромивший в 1391 г. хана Золотой Орды на Самарской луке Волги знаменитый среднеазиатский полководец Тамерлан, ставший повелителем соседних улусов среднеазиатской Белой Орды и персидского Ирана, занял г. Сарай и разрушил его, захватив большую добычу и много пленных из числа населения на территории бывшей Золотой Орды. В число пленных попало много донских казаков из числа ордынцев, которых мудрый Тамерлан сразу выделил, включив в состав своих войск, но навсегда уведя казаков с Дона и Волги сначала в Закавказье, а затем в походы своих войск на Бухару и в Индию.

Русские князья в течение двух веков владычества Золотой Орды были лишены права иметь свои вооружённые силы, не производилось вооружение, не было опытных военных кадров. После того, как центральная часть

вследствие распада Золотой Орды была парализована на землях вассальных ей народов, земли русских княжеств оказались в полной зависимости от воли возникших независимых осколков Орды и просто образовавшихся разбойных банд. Единственным проблеском надежды для Московского и союзных с ним княжеств оказалось полученное спонтанно право создавать собственные вооружённые силы. Усилия князей стали направляться для одной цели - к организации постоянных («нарочитых») войск, что представляло большую проблему в силу экономической, политической и культурной отсталости русских княжеств за время полуторавекового бесправия в Золотой Орде. Однако нет худа без добра. После нашествия на Золотую Орду войск Тамерлана в 90-е годы XIV в. и произведённой ими разрухи внутреннего устройства бывшего могучего государства, насильственного угона части ордынских казаков с Дона в Азию большинство населения ордынских поселений стало бросать свои места и вынуждено было искать более безопасное место жительства и службы, чтобы кормиться. Такими представлялись бывшим ордынцам на Дону и в Поволжье Московское княжество и Казанское ханство. В первой четверти XV в. в Москве, Казани, Рязани, Твери появились массы бездомного люда, называвшиеся казаками. Они и послужили московским князьям кадровой основой, взамен холопов и ремесленников, для организации первых вооружённых частей постоянных, служилых войск. Во всех русских городах стали формироваться части «служилых городовых и пограничной охраны казаков».

Возможности привлечения пришлых ордынских казаков на службу русских князей к середине XV в. постепенно расширялись. Более того, устанавливалась через них связь с бывшими ордынскими казачьими поселениями, остававшимися ещё на прежних местах жительства. К середине XV в. ордынское пришлое казачье население в Астрахани, Казани, в Крыму совершенно исчезает со службы в независимых татарских ханствах, да так, что в 1460 г. Саро-Поданская православная епархия в бывшей столице Орды г. Сарай прекращает своё существование из-за отсутствия православной паствы и перебирается под Москву, в Крутицкое. Зато на границах Московского, Рязанского, Мещерского, Чернигово-Северского княжеств на пограничной службе появились «казачьи войска», несшие службу князьям по особому договору.

В Московском княжестве продолжалось формирование постоянных служилых войск. Первую их категорию составляли части «городовых казаков»,

формировавшиеся из люда, бежавшего из ордынских владений. Они несли воинскую службу по охране внутреннего городского порядка и дозорную по наблюдению за безопасностью для городов. Находились они в полном подчинении местных князей и их воевод. Вторая категория служилых войск состояла из казацких частей, поступавших на пограничную службу окраин русских княжеств. Казаки эти наделялись землёй и льготами, но присяги на службу князьям не приносили.

Во внутренней организации они были совершенно независимыми, находясь под начальством своих казацких атаманов. Отношения казаков этих ограничивались донесениями об опасности нападения со стороны татарских ханств распавшейся Золотой Орды, Большой ногайской орды с Северного Кавказа и Поволжья и Малой ногайской орды с Приазовья, а также сопровождением дипломатических посланников из Москвы и в Москву.

За исключением среднего Дона, не тронулась, с распадом улуса Золотая Орда, на ханства со своих прежних мест проживания значительная часть бывших ордынских, ставших фактически вольными, донских казаков, составлявшая военные поселения как в верховьях Дона, так и на его притоках Хопре, Вороне, Медведице, Арчеде, Иловле, Северском Донце. На своих прежних местах в самых низовьях Дона и в Приазовье оставались поселения низовых донских и азовских, бывших ордынских казаков. Зато вся степная полоса на юго-запад от Дона утратила своё ордынское население. Она была теперь свободной от татар, казаков и кочевников-ногайцев и получила на много лет вперёд наименование Дикое поле, страшное даже для вооружённых людей, пересекавших эту безлюдную территорию по различным надобностям.

Вольные донские казаки, низовые и верховые, в бывших ордынских поселениях в борьбе за своё выживание были предоставлены самим себе. Городки низовых и верховых донцов довольно часто подвергались набегам разбойных конных орд, но хорошо организованные казаки с ними справлялись. В силу закалки из поколения в поколение прежней ордынской службой разрозненные в своём расселении теперь вольные донские казаки в военном и бытовом отношении оказались настолько сильными и жизнеспособными, что могли вести успешные военные действия даже против таких врагов, от нападений которых Московское княжество и другие русские союзные ему бессильны были защищать границы своих владений.

Среди вольных верховых донцов была значительная прослойка населения с татарскими корнями происхождения из остатков бывшей правящей верхушки казацких ордынских поселений (темников, тысяцких, сотников),

ассимилированных с распадом Золотой Орды путём смешанных браков с казацким славянским населением городков. Историки отмечают, что к середине XVI в. во главе вольных донских казаков, как верховых, так и низовых, становятся известными в Московском княжестве атаманы с исключительно славянскими фамилиями.

В конце XV - начале XVI веков в Московском княжестве, а затем царстве, начался отток казаков с пограничных поселений княжества на юг к поселениям вольных казаков Дона под влиянием разных причин. Московские князья, слабые в военном отношении, строго запрещали казакам пограничной службы без их разрешения нападать на татарские и ногайские орды, что контролировалось воеводами. Однако казаки хорошо знали психологию азиатских народов, уважающих только силу, и справедливо считали лучшей тактикой в отношении татар и ногайцев - нападение. Кроме того, служилых пограничных казаков тянуло на земли, на которых их ордынские в то время предки прожили столетия и на которых продолжало жить много, теперь уже вольных, их сородичей в верховом и низовом донских казачествах. Значительной причиной являлась боязнь пограничных казаков, несмотря на договорную независимость с русскими князьями и их воеводами, превратиться в бесправную массу княжеских холопов Московского царства. Только к концу царствования Ивана III на вольный Дон ушло 4000 пограничных служилых казаков.

Аналогичное явление наблюдалось в XV в. в соседнем Великом княжестве Литовском и Русском, объединившемся в результате династического брака литовского князя с польской королевой, единственной наследницей освободившегося престола после смерти короля Польши. В рамках возникшего тесного союза Литвы и Польши бывшие ордынские казаки с Приднепровья в составе литовских войск оказались чужеродными. Из поколения в поколение в XIV и XV веках днепровские казаки служили Великому княжеству Литовскому и Русскому, обеспечивали ему победы над Золотой Ордой, над Московским княжеством, над рыцарями немецкого Тевтонского ордена и покорили ему Крымское ханство. После Городельской унии Литвы и Польши в 1413 г. служилое казацкое воинство в независимом виде перестало быть востребованным в литовских и польских войсках католического вероисповедания под руководством литовских гетманов. В XV в. по этой причине последовал отток служилого днепровского казачества из войск Литвы, вошедшей в династический союз с Польшей. Часть ушедших днепровцев стала расселяться по местожительству своих предков в среднем течении Днепра на островах вблизи городов Черкассы и Канев. Другая часть казаков была приглас-

шена служить литовским, польским, украинским князьям и магнатам для защиты их земельных владений, замков, усадеб. Ещё часть днепровского казачества из служивших в литовском войске стала привлекаться литовскими и польскими наместниками на украинских землях пограничными повестовыми старостами к охранной службе на рубежах Литвы и Польши в Поднепровье и Побужье, к юго-востоку от которых в XV в. образовалось степное пространство с тем же, что и у русских, названием Дикое поле, аналогичное по сути и переходившее друг в друга.

Украинские историки исключительно верно характеризовали жизнь образовавшегося вольного казачества. М. Грушевский писал: «Не имея возможности свободно организоваться в пограничных городах, или, как тогда называли, «на волости», это свободное казачество чем дальше, тем глубже зарывалось в степях и устраивалось в них, создавая там свои казацкие гнёзда...». Как отмечалось выше, с самого распространения на украинские земли великокняжеской литовской власти у населения казацких поселений по Днепру был статус вольных людей, привлекавшихся по договору на военную службу в литовское войско. С объединением Литвы и Польши и постепенным переходом к законам польской власти статус казаков был не определён. В литовско-польском обществе днепровское казачество не признавалось никак: ни свободным, как шляхта, ни крепостным, как крестьяне. Отсюда повсеместно в отношении казаков следовал произвол властей на украинских землях. Как пишет Н. Аркас, - «...не будучи способным вынести панских порядков и неволи, украинский люд начал перебираться в свободные степи. Хотя и опасно было от татар в том Диком поле, да зато каждый почувствовал там себя совсем свободным. Переселенцы эти шли в степь большими ватагами с ружьями, луками, саблями....

... Казаки ставили себе для безопасности «городки» и «засеки», или «сечи» в подходящих местах, соединялись в более значительные отряды, превращались в большой казацкий союз, господствовавший над всем так называемым «низом днепровским». Центром его делается Запорожье, - побережье Днепра ниже порогов, удобное тем, что вследствие своей отдаленности было совершенно недоступно литовским и польским властям, а с другой стороны, «благодаря непроходимым плавням, бездонным трясинам и массам камышу оно было вполне обеспечено и с моря от турецких галер...».

Прав был украинский историк М. Любавский в своей посылке, что «... история малороссийского (днепровского) казачества не представляет собой процесса, отличного от того, какой представляет история великорусского (донского) казачества...». Как донское, так и днепровское казачество зарож-

далось не с вольного, а с подневольного служилого ордынского, затем прошло стадию независимого служилого в образовавшихся татарских ханствах, литовском и в русских княжествах и пришло в историческом развитии к этапу вольного казачества длительностью около двух столетий.

Глава 4. У истоков морского разбоя и пиратства вольных казаков Днепра и Дона

Истории было угодно, чтобы именно в период формирования вольного донского и днепровского казачества в регионе Черного и Азовского морей, причем по всему их побережью, в жизни народонаселения на стыке Малой Азии и юго-восточной Европы произошли события, изменившие геополитическое положение отдельных стран, территорий и народов не только Восточной, но и юга Центральной Европы. На рубежах азиатского и европейского континентов от Черного до Средиземного морей образовался очень воинственный султанат Турции. Возникшее в 1300 г. государство турецкого народа мусульманского вероисповедания во главе с династией Османов - Османская Порта - очень быстро стало развиваться как на запад в сторону Европы, так и на восток в сторону Малой и Средней Азии. В европейском направлении уже в 1389 г. турецкий султан Баязет разгромил объединенные войска балканских славян, а в 1396 г. нанес сокрушительное поражение армии европейского рыцарства, благословенного Папой римским на защиту христианства. Открыв себе дорогу на Балканском полуострове, Турция приступила к завоеваниям в Азии, угрожая владениям всемирно известного военачальника Тамерлана - властителя среднеазиатского улуса Бела́я Орда и персидского улуса Ирана из остатков почившей в истории Великой империи монгол.

Между тем знаменитый военачальник Тамерлан в это время тоже заинтересовался территориями Европы, только Восточной. Двинув свою армию на север, Тамерлан в 1391 г. прежде всего полностью разгромил соперников - ханов ослабевшего улуса Золотая Орда в Поволжье и стал завоевывать вассальные Золотой Орде слабые русские княжества - Рязанское, Московское, Тверское и пр. Неясно, какой бы была судьба современной России, захвати Тамерлан ее территорию после полуторавекового ига монголо-татар Золотой Орды. Однако провидению и воинственным туркам обязана Россия тем, что

Тамерлан вдруг резко развернул неподалеку от московских границ свои войска на Закавказье, получив известие о продвижении султана Баязета по Малой Азии в сторону улуса Иран. Идя навстречу туркам, гениальный полководец Азии Тамерлан в пух и прах разгромил султана Баязета у Анкары, похоронив захватнические намерения молодого исламского государства. Но в 1405 г. после блестящих азиатских завоеваний Тамерланом Сирии и Ирака выдающийся полководец внезапно заболел и скончался. У турецких властителей вновь возобладали захватнические намерения, включая теперь уже и северное восточно-европейское направление.

Разбитые и покоренные Тамерланом народы турецкого султаната восстанавливали свои силы и в 1453 г. снесли с лица земли пришедшую в упадок православную христианскую Восточную Римскую империю - греческую Византию, захватив и разгромив столицу империи и центр европейского и азиатского православного христианства г. Константинополь на берегах Мраморного моря. Турецкий султан Магомет в 1475 г. прислал в Крымское ханство, вассальное с 1427 г. Великому княжеству Литовскому и Русскому, свои войска под начальством визиря. Турки разгромили, вырезали и выселили в подвластное им черноморское побережье Кавказа все население генуэзских торговых факторий и крепостей в Крыму. Новый крымский хан Менгли-Гирей был вызван в Турцию, объявлен султаном ханом крымских татар, подвластных не Литве, а Турции. Союзные княжество Литва и королевство Польша вынуждены были смириться с утратой подвластного Крыма в Причерноморье. Крымский хан при поддержке турецких войск оттеснил литовцев от границ Крыма по Орской линии (Перекопский перешеек), а затем и до нижнего течения Днепра вплоть до его левого притока реки Самары.

На восток в Приазовье оставался пока не занятым центр азовских и низовых донских казаков город Азов. Эти вольные казаки вели войны то на стороне крымского хана против остатков Золотой Орды в волжском Сарая, то по тайным договоренностям с Московским царством нападали либо на крымских татар, либо на приазовских кочевников-ногайцев. Турецкий султан и крымский хан до поры до времени считали азовских и низовых донских казаков подданными московского царя. Московский царь ответил, что азовские казаки ему неподвластны и действуют вольно. После этого крымский хан расширил свои границы на востоке Приазовья до реки Миус. А в 1502 г. по приказу турецкого султана крымский хан силой войск вытеснил воинственных азовских и низовых донских вольных казаков из города Азова и из устья Дона вверх по нему, вплоть до слияния Дона с притоком Северским Донцом. Азов был занят турецким гарнизоном и превращен в хорошо укрепленный

северный форпост Османской Порты - крепость Азак (Азов), контролировавшую вход-выход из Дона в Азовское и Черное моря.

Историк М. Грушевский пишет: «...вся Восточная Европа, все соседние земли жили под тяжелым впечатлением турецких завоеваний, которых никто не мог остановить, и татарских опустошений, превративших всю Восточную Европу в сплошной невольничий загон, из которого татарские отряды свободно и невозбранно гнали табуны пленников на крымские рынки и наполняли невольниками Турцию, Италию, Францию, Испанию, африканское побережье, почти весь мир того времени...».

Московское царство, Литовское княжество и Польское королевство через послов из года в год старались повлиять через турецкого султана на крымских ханов. Султаны слали запрещения о походах татар на северные от них страны. Известен ответ крымского хана на запрещение султана о набегах: «Если я не стану ходить на валашские, литовские и московские земли, то чем же я и мой народ будем жить?..». Москва, Литва и Польша, будучи бессильными защищать границы своих владений от нападений крымских татар, пытались обеспечить хотя бы относительную безопасность подвластных материковых территорий унижительными договорами с турецким султаном и крымским ханом, причем с выплатой, как еще век назад Золотой Орде, дани в тысячах, а то и десятках тысяч червонцев, сукнами и другими товарами, если в течение года не происходило татарских набегов на польско-литовские (украинские) или московские территории.

Но военная добыча, приобретаемая путем разбойных набегов на мирное население стран-соседей Польши - Литвы и Московского царства, составляла главное средство существования крымско-татарского населения, несравнимое ни с какими откупными средствами стран-соседей. Татары, стиснутые географически на Крымском полуострове, по определению русского историка В. Ключевского, представляли «разбойное гнездо», готовое в любой момент отправить на север от 30 и более тысяч конниц.

Организованная крымскими татарами и их хозяевами турками работорговля пленными невольниками из числа захватываемого ими христианского восточноевропейского населения стала их самым прибыльным промыслом. Она процветала во всех прибрежных городах Крыма и турецких владений. В романе украинской писательницы З. Тулуб «Людоловы» досконально отражено это жуткое для подневольного украинского населения явление, прекратить которое при политическом и военном бессилии вначале ни литовские, ни объединенные польско-литовские власти украинских земель были не в состоянии. Да и особого желания к этому не было ни у литовских, ни у поль-

ских властителей, так как татарские набеги из-за дальности редко касались границ коренных литовских и польских территорий. В основном разбойничали татары на украинской земле литовских и польских владетелей.

Главной добычей крымских татар для работорговли были мальчишки и девочки. К воротам Крымского ханства крепости Перекоп плененные при набегах прибывали из польско-литовского королевства, московского царства, кумыкских, молдавских, румынских, болгарских, венгерских земель в таких количествах, что неискоренимые во все времена и у всех народов жида-менялы у ворот Перекопа из раза в раз изумленно задавали друг другу один и тот же вопрос: «Есть ли еще люди в этих странах или уже нет?».

Еще в начале XVI в. назначаемые наместники и поветовые старосты на юге украинского территориального пограничья советовали и великому литовскому князю, и польскому королю принять на постоянную военную пограничную службу вольных казаков из поселений по островам и побережьям среднего Днепра выше днепровских порогов в районе Черкасс, Канева, Киева, а также из все чаще возникавших поселений вольных казаков ниже порогов Днепра - на многочисленных труднодоступных островах реки, ее протоков и притоков и даже на территории «рискованной жизнедеятельности» - в степях Дикого поля. Тем самым предлагалось поставить с юга достаточно надежную пограничную стражу в виде казацких гарнизонов пограничной линии для наблюдения, своевременного оповещения и принятия первоначального удара, а значит, защиты населения и территорий Литвы и Польши от набегов крымских и буджакских татар и кочевых ногайцев Причерноморья. Тогда сейму было доложено, что в литовской и польской казне не находится денег для осуществления такого плана.

Затем в 1533 г., на сейме, напомнил литовско-польским правителям украинской земли этот план и предложил свой, усовершенствованный и менее дорогостоящий, проект реализации плана - прославленный и авторитетный в воинском промысле даже в Крыму и в Москве воевода литовский, староста черкасский и каневский, зачастую избиравшийся вольными днепровскими казаками своим походным атаманом в ответных набегах против татар Остап Дашкович. При этом обязательным условием ставилось принятие на пограничную службу всех вольных казаков, как выше, так и ниже порогов Днепра. Но, как всегда для таких предприятий на отдаленном от метрополий украинском юге, у литовских и польских правителей не оказывалось нужных средств. Украинскому населению и прежде всего его авангарду в отношениях с разбойными южными соседями - татарами и ногайцами - литовско-польскими властями предоставлялось негласное право самим искать стратегию,

способы и средства к выживанию.

В некотором роде по-иному в данном плане складывалась ситуация в регионе проживания вольного донского казачества. Медленно, но неуклонно усиливавшееся Московское царство очень нуждалось в пограничной, да и военной помощи быстрых на подъем вольных донцов и поддерживало с ними постоянные, когда явные, а иногда и тайные сношения в отличие от литовско-польских властителей земель, на которых жило вольное днепровское казачество. Московское царство связывали с казацкими поселениями по Дону общие цели. Во-первых, борьба с крымско-татарским ханством, претендовавшим в качестве последнего победителя, довершившего окончательный разгром остатков улуса Золотая Орда в нижнем Поволжье, на территории Поволжья с татарским населением от Астрахани до Казани и на территории Приазовья и Подонья, откуда крымчаки с помощью турок вытеснили к северу поселения вольных донцов. Во-вторых, защита от систематических нападений крымчаков как на казацкие новые поселения по Дону и его притокам, так и на слабое пограничье московских владений. Исходя из общих целей, задачи вольных донцов и московских правителей во многом совпадали. Казаки нуждались в материальной помощи Московского царства, царство - в пограничной и военной помощи донцов. Однако решение задач в достижении общих целей царства и вольного донского казачества проводилось в стратегическом плане по-разному. Донцы вели активную борьбу против крымских и астраханских татар. Московское царство вело против татар, включая еще и казанских, войну оборонительного характера, стараясь достигнуть безопасности своих южных и восточных границ путем многочисленных мирных переговоров, установления дипломатических связей как с татарскими ханами, так и их хозяином - султаном Турции.

Географическое положение донских и днепровских казацких поселений, выдвинутых далеко в сторону южных степей Дикого поля и находившихся в непосредственной близости к астраханским, ногайским, крымским, буджакским соседям-врагам, для которых разбой и пленения населения к северу составляли главное средство для безбедного существования, диктовало вольным казакам Днепра и Дона ту же стратегию взаимоотношений с такими соседями - разбойную, хорошо понимаемую и постоянно практикуемую ими.

Правильно сделанный вольными казаками выбор генеральной линии поведения с соседями-агрессорами очень эффективно проявил себя в акциях степного разбоя. Да так, что уже в 1505 г. в официальной переписке крымского хана историки находят фразу: «...От казаков страх в поле...».

По-видимому, к этому же периоду вольные казаки пришли к мысли вспомнить о возможностях военного промысла на воде из опыта предков - князей и воевод с дружинами-экипажами судов, ходивших по Днепру от Киева до византийского в то время Константинополя. Так, у украинского историка М. Грушевского находим следующую информацию: «...Зимой 1502-1503 гг. упоминается поход киевских и черкасских казаков (по-видимому, происходивший минувшим летом - авт.) лодками по Днепру, когда они погромили где-то около тягиньской (бендерской) переправы военный эскорт татарский, сопровождавший послов. Позже такие походы на лодках Днепром на татар стали так докучать Орде (крымской - авт.), что хан собрался ставить новый городок на днепровском острове и перегородить Днепр цепями, чтобы нельзя было плавать ни вверх, ни вниз по течению». В 1510 г. в сообщении М. Товмача говорится, что крымский хан уже хочет развалить и старый Очаковский замок и поставить новую крепость в устье Южного Буга, при слиянии Днепра и Ю. Буга, с бойницами и пушками. Хан пишет, что возле острова Тавани (вблизи нынешнего Берислава - авт.) речка Ярыймова образовала остров и в Днепр впадает, а той рекой прокрадываются казаки мимо укреплений татарских и потому эту речку надо переплести весною и камнями засыпать, чтобы казаки там не проходили. Историк считает, что речь здесь идет о походах казаков большими отрядами на ладьях в окрестности Очакова и на черноморское побережье, что действительно имело место в 1505-1509 гг. Тогда еще не было Запорожской Сечи, а значит, морской разбой против татар с помощью казацких флотилий был начат днепровскими вольными казаками из-под Киева, Канева, Черкасс.

А позже, так и не дождавшись помощи от польского сейма в реализации имевших место проектов укрепления южного пограничья Литвы и Польши ниже порогов Днепра, практическое решение такой задачи взяли на себя те вольные казаки, что все больше расселялись на нижнем Днепре за порогами, вне сферы досягаемости их чуждой во всем литовско-польской власти, и которых в народе, в отличие от казаков среднего течения Днепра, стали именовать запорожцами, или низовцами.

Надо признать, что возрожденная вольными казаками стратегия морского пиратства, проверенная еще предками, на долгое время будет служить им «козырной картой» не только в жизнеобеспечении, но и во взаимоотношениях как с южными разбойными соседями, так и в отношениях у днепровцев с королевской властью, а у донцов - с царской в отстаивании своего исторически определившегося права на вольную жизнь.

Глава 5. Флот вольных казаков-разбойников, пиратов и их противников на Чёрном море

Прототипом для судов речных и морских флотилий вольных казаков Днепра и Дона в XV - XVII вв. служили речные и морские суда их предков-славян VI - XIII веков, именуемые челнами, стругами, ладьями. Самым малым и древнейшим плавучим транспортным средством у славян были челны, т. е. плоскодонные лодки, выдолбленные или выжженные из целого ствола лиственных деревьев липы или дуба, реже - изготовленные из коры древесной, приводившиеся в движение шестом или веслом. Жители Днепра VI - XIII вв. челнами называли суда длиной до 10 м и шириной около 1 м с вёслами и небольшим прямым парусом на съёмной мачте, предназначенные для охоты, рыболовства и транспортировки мелких грузов по рекам и озёрам.

Следующим по величине судном славян Восточной Европы в VI-XIII веках был струг, распространённый на Дону и Волге, т. е. плоскодонное парусно-гребное судно длиной 20-45 м, шириной 4-10 м, вмещавшее 10-12 человек и имевшее 10-12 пар вёсел. В XVI-XVII вв. струги использовались для морских и речных набегов, а также и для защиты речных торговых караванов от разбоя, а потому вооружались легкими пушками (басами) и вмещали уже 60-80 человек. Позднее стругами стали называть крупные речные грузовые суда типа барок, имеющие полностью наборную конструкцию корпуса и оснащённые мачтой с парусом и 10 - 12 парами вёсел. Для защиты груза от непогоды иногда на них устраивалась лубяная кровля, а для пассажиров - каюты (чудоки).

Самым крупным парусно-гребным судном восточных славян в VI-XIII вв., предназначенным для торговых и военных плаваний, являлась ладья. Это были суда грузоподъемностью 15 т, длиной 20 и более метров, шириной не менее 3-4 м, осадкой - до 1,5 м, вместимостью 40-50 человек и более с провиантом и снаряжением. Для постройки всех трёх типов судов вырубленную из ствола дуба, липы или осины колоду - киль ладьи - наши предки раскалывали или стёсывали на 1/3 толщины, выдалбливали или выжигали середину и заостряли оконечности судов. Заготовку вымачивали, затем распаривали над костром, расширяли распорками с клиньями и сушили. Иногда в ствол подходящего дерева, не срубая его, вбивали клинья, и полученную трещину постепенно, год за годом, расширяли распорками, после чего дерево срубали, а внутренность вырубали или выжигали. Суда, изготовленные с килем-днищем из одного ствола дерева, древние славяне

называли однодревками, а византийцы - моноксилами.

В X в. для увеличения вместимости у челнов, стругов и ладей стали наращивать борта из досок. Для этого в корпус вставляли опруги (шпангоуты), основу которых составляла кокора - обтесанный еловый кряж или другие части хвойного дерева, имеющие природную кривизну подходящей формы. Доски обшивки крепили к выступающим частям шпангоутов ремнями или вицами - тонкими, особо обработанными древесными прутьями или корнями. Такие суда (челны, струги, лады) называли набойными, а обшитые вгладь, насадкой досок на шипы, - насадами. В конце XV в. набойные суда и насады были вытеснены судами наборными. Название «челны» сохранилось у лодок с одинаково острыми обводами носовой и кормовой оконечностей. Лады развились в полностью наборные плоскодонные суда с транцевой кормой и навесным рулём, а корпус стал разделяться на отсеки переборками с люками в палубе.

На Днепре у запорожских казаков в XVI-XVII вв. речная ладья приспособляется для дальних морских походов и получает наименование «чайка» от татарского искажённого слова «чаик-каик», т. е. круглая лодка. Казаки-корабелы днище чайки выдалбливали из толстого ствола ивы или липы. Основа днища была примерно 13-14 м длиной. К этой основе прибавались с обоих боков снизу вверх дубовые доски длиной 3,5-4 м, шириной 30-35 см. Наружная обшивка корпуса шла до тех пор, пока чайка не достигала нужных размерений по длине, ширине и высоте, от которых зависела как грузоподъемность, так и человековместимость. После этого сооружённую чайку осмаливали смолой и приделывали к ней два руля, или загребные вёсла: одно на корме, другое на носу, чтобы не поворачивать её с одной стороны в другую, т. е. управлять судном свободно и без лишних потерь времени в плавании. Затем к бортам осмоленной чайки с наружной стороны вдоль досок обшивки от кормы к носу посредством лыка или прутьев боярышника привязывали пучки сухого камыша толщиной от 1,8 до 5,5 м, чтобы предохранить чайку от затопления на морском волнении, а во время боевых схваток уберечь от вражеских стрел. Построенные корпуса чаек по своей внешней архитектуре напоминали итальянские фелюги (небольшое парусно-гребное судно в Средиземноморье прибрежного плавания для перевозки грузов и рыболовства в мирной жизни), любимые греческими пиратами, или испанские баркалоны (парусно-гребное военное судно с артиллерийским вооружением до 10 пушек): с кормы и носа обводы заостренные, бескилевые и беспалубные, с размерениями - длина 15-22 м, ширина 5,5-6 м, высота борта - 3-3,7 м.

У каждой чайки в зависимости от размерений с обоих бортов прикрепля-

лось от 20 до 40 вёсел. Скамьи для гребцов одновременно являлись поперечными прочностными связями в корпусе типа бимсов. Посредине корпуса ставилась одна мачта, на которой при необходимости поднимался парус. Чайка могла ходить одновременно и на вёслах, и под парусом. Из навигационных приборов использовался «нюрнбергский квадрант» - старинный астрономический прибор для измерения высот небесных светил и определения местонахождения судна в море.

В чайке могло поместиться от 50 до 70 казаков, вооружённых каждый двумя ружьями или двумя пистолетами, с запасом по 3 килограмма порошу и свинцом для пуль, с саблей и провизией. Судовыми припасами в морских походах являлись: толчёные сухари, сушёное баранье мясо, копчёное мясо, сушёная рыба, ячменная мука, саламаха из гречневой муки и пшена, пресная вода. Алкогольных напитков не брали. На каждой чайке устанавливалась бочка длиной до 3 м и диаметром 1,2 м - для сухарей.

Вначале на чайках не было артиллерии, но позже на их борт принималось от 4 до 6 фальконетов, небольших кованых железных или медных пушек. На каждое орудие полагалось по 3 кг порошу, а также припас из нескольких ядер.

Казацкий экипаж чайки брал в море две перемены белья, сорочек и шаровар, кафтан толстого сукна и шапку.

Казацкая судоверфь располагалась на Днепре пониже реки Чертомлык на острове посреди Днепра, окружённом многими другими островками, покрытыми высоким камышом, в месте, недоступном турецкому флоту. Каждую чайку сооружали в течение двух недель не менее 60 казаков-корабелов. За две-три недели Запорожская Сечь могла изготовить от 80 до 100 чаек. Позже в XVII в. казацкий флот частично строили в Сечи, а частично суда доставлялись готовыми с верховьев и притоков Днепра или даже из Московского царства, где ещё сохранялся строевой лес требуемого качества.

Из описанных казацких чаек ни одна не сохранилась в цельном виде до третьего тысячелетия. Ещё в XIX в. были найдены обломки двух таких чаек в протоке Днепра против с. Покровского Екатеринославского уезда неподалеку от места последней по времени Сечи. Большая имела 10 сажень длины и высоту борта в одну сажень (2 м). Сделана она была без киля, на вид плоскодонна, с круглыми выгнутыми бортами. Днище и подводная часть корпуса до ватерлинии состояли из дубовых досок. Бортовая обшивка корпуса выше ватерлинии - из еловых. Любопытно, что у чайки была палуба и тоже из еловых досок. По-видимому, палубный вариант чаек появился уже за пределами эры вольного казачества в XVIII в. Кокоры, т. е. шпангоуты, также были

дубовые. Вся наружная обшивка корпуса крепилась к кокорам деревянными (из ясеня) в два пальца толщиной, а также железными с небольшими шляпками гвоздями. Через каждые два деревянных гвоздя шел один железный гвоздь. По бортам чайки были сделаны уключины (кочетки) для вёсел. По всей длине внутри корпуса от носа до кормы шёл дубовый брус толщиной в 5 вершков, состоявший из двух кусков, скреплённых прямо посередине длины чайки. К бортам чайки вверху были прикреплены сохранившиеся железные болты с крючьями, очевидно, для прикрепления к ним канатов от снастей. Из этого можно заключить, что чайка помимо вёсел ходила и под парусом, имея несложную оснастку для его постановки.

Меньшая из найденных чаек по устройству ничем не отличалась от большой чайки, но имела всего 3 сажени длины, 2,5 аршина ширины и 2 аршина высоты борта.

Историки предполагают, что у запорожских казаков могли быть, возможно, в единичном исчислении не только чайки, но и корабли. Дело в том, что на большом войсковом знамени XVIII в., дарованном казакам императрицей Екатериной II, хранящемся и поныне в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, представлен образ казацкого корабля. Это трехмачтовый, двухпалубный корабль с двухъярусной рубкой. В бортах корабля видны иллюминаторы и лоцпорты для пушек. По виду, на таком корабле могло разместиться по меньшей мере 250 человек экипажа и 5-10 человек из числа комсостава. Возможно, что такой корабль и был построен казаками, но уже при включении казаков в состав царского войска второй половины XVIII в.

На Днепре и Дону строились также речные суда - каюки и байды. Каюк гребной, или парусно-гребной, обычно долбленный, предназначался для перевозки мелких грузов вдоль берега и для рыбной ловли, но мог использоваться в целях разведки и связи в военных и разбойных действиях. Длина каюков не превышала 6 м, ширина - 1,2 м, высота борта - 0,5-0,6 м, осадка - 0,2-0,3 м, а грузоподъемность - до 500 кг.

Байдаки были распространены на Днепре и его притоках. Их иногда именовали берлинами. Это речное парусное грузовое судно имело палубу и одну мачту. Длина была значительной - до 40-60 м, а ширина - 15-25 м. Управлялось такое судно большими рулевыми вёслами-потесями.

К числу судов казацкого флота относились и бударки, или будары, распространённые на Дону, его притоках, на нижней Волге и на Каспии. Они имели длину 5-8 м, ширину 1,3-1,6 м, осадку 0,3-0,4 м. У них были узкое плоское днище, широкий развал бортов, ярко выраженная седловатость и острые оконечности с большим наклоном штевней к воде. На мачте, располо-

женной близко к носу, ставился люгерный или шпринговый парус. Это были грузовые или рыбацкие лодки для лова рыбы сетями или крючковой снастью. Любопытно, что царским жалованьем вольным донцам предназначалась некоторая сумма денежных средств на постройку ими именно будар.

Военный флот противников казаков - турок начал развиваться с середины XIV в., когда первый турецкий флотоводец Кара-Мурсил получил в районе Измитского залива тимар (военное владение) с обязательством охранять тамошнее побережье от врагов, содержать войско и строить галеры для турецкого флота. Так на берегу залива неподалеку от Измита, в местечке, которое ныне является городом Карамюрселем, была основана вторая мощная верфь. Хотя первая верфь в Турции возникла в Гелибалу (Галлинали). Традиционно для Средиземноморья того времени средневековья турецкий военно-морской флот формировался из галер, которых именовали в земле Русской каторгами (название галеры по-гречески - авт.), и галиотов. Галеры - военные гребные корабли, существовали в VII-VIII вв. во флотах почти всех европейских, азиатских и североафриканских стран. Они впервые были созданы в Венеции. Их прототипом служила римская либурна. Галеры имели длину 40-60 м, ширину 4-7,5 м, осадку до 2 м. От 16 до 32 пар вёсел, достигавших в длину 15 м, располагались в один ряд. Скорость галер достигала под вёслами до 7 узлов (13 км/час). Строились с вытянутым острым носом, надстройкой в корме и тараном в носу, который с появлением корабельной артиллерии перестал быть главным элементом вооружения и поэтому стал устраиваться на уровне главной палубы и служить в качестве abordажного мостика во время схватки кораблей для перехода вооружённого десанта на неприятельский корабль. С XIV века на галерах вдоль бортов стали размещать продольные брусья для крепления уключин, а на брусьях помещался фальшборт. В это же время галеры снабдили пушечным вооружением - фальшконетами, бомбардами, кулевринами. Экипаж галер достигал 450 человек. Гребцы, по 5-9 человек на весло, сидели на скамьях, между которыми в середине каторги был продольный проход. Сначала галеры управлялись с помощью двух рулевых вёсел, а с конца XIII века - рулём. В качестве вспомогательного движителя на галерах использовались косые паруса, ставившиеся на одну или две мачты. Гребцами галер были невольники и каторжники.

Галиотами назывались небольшие быстроходные галеры, имевшие до 25 пар вёсел и одну мачту. Такие корабли часто использовались для метания «греческого огня» на суда неприятеля до появления корабельной артиллерии.

На турецких верфях Стамбула, которая вскоре стала самой главной, а так-

Русская ладья.

же Гелибалу, Измита, Синопа строились и военные суда чисто турецких конструктивных типов: боштарга - пушечное парусно-гребное судно; фыркат, подобный бригантине или фрегату; карамюрсель - крупная парусно-гребная лодка с полупалубой, названная в честь турецкого адмирала и кораблестроителя, основателя верфи под Измитом.

Из числа турецких парусных торговых судов известен тип «калита». Следует заметить, что самый лучший строевой лес для турецких кораблей был в изобилии на Анатолийском побережье Чёрного моря, причём отличных сортов на участке побережья Чёрного моря между Синопом и Стамбулом (самшит, ель, дуб, орех, платан), куда очень любили делать пиратские набеги на своих чайках и стругах вольные казаки.

Отметим, что ассигнования на постройку военно-морского флота Турции шли из казны султана, а потому и по количеству и по качеству - от мореходных до боевых - турецкие корабли, каждый в отдельности, естественно, превосходили морские суда вольных казаков - струги и чайки.

У союзников турок, крымских, аккерманских (белгород-днестровских) и буджакских (равнина Причерноморья между устьями Днепра, Южного Буга, Днестра и до Дуная) татар, которые, кстати, от крымчаков отличались большим мужеством и воинственностью, не было плавучих транспортных соору-

жений типа лодок и кораблей. У них всё заменяли боевые кони. Переправа через самые полноводные реки Европы татар на конях являла своего рода искусство. Французский инженер-фортификатор на службе польского короля Гильом Левасер де Боплан оставил описание татарского применения коней в качестве плавучих средств. «Когда им должно переправиться через Днепр, то они избирают места, где есть удобные к выходу отлогости. Каждый татарин запасается некоторым количеством камыша, делает из оного две связки длиною в 3 фута (90-100 см), толщиной около 10 или 12 дюймов (25-30 см), расстоянием одна от другой на фут (30-32 см), связывает их посредством трёх поперечных палок, укрепляет снизу палкою с угла на угол и привязывает сии связки к лошадиному хвосту. Потом кладёт на оные седло, раздевается, складывает на седло одежду, лук, стрелы, саблю, и нагой, с плетью в руке входит в воду, погоняет лошадь, имеющую на шее узду, которую он то одной, то другой рукой держит, ухватясь и за гриву. Таким образом гонит лошадь вперёд, и сам плывёт с помощью одной руки, не выпуская из другой гриву и узду. Когда лошадь приближается к противоположному берегу, и вода становится ей по брюхо, он останавливает её, отвязывает от хвоста камыши и выносит их на берег. Так все татары переправляются через реку, составляя по оной линию на полмили».

От татар освоили донцы и днепровцы переправы на конях через широкие реки. Они связывали вместе несколько пучков камыша, делали из него плотик, называемый салою, привязывали его верёвкой к шее или хвосту лошади, складывали на плотик седло и вьюк. Сам казак хватался рукой за гриву коня и переправлялся через реку вплавь.

В заключение хотелось бы рассказать, что в начале XXI в., в июле 2002 года, корабель Николаевщины на частной судоверфи бывшей турецкой крепости Очаков, ныне приморского курортного города Николаевской области, спустили на воду построенную казацкую чайку длиной 22 м. Отличительной особенностью воссозданного по образцам XVI - XVII вв. корабля запорож-

Казацья чайка. (Рисунок Боплана).

ских казаков, которому дали имя «Богун», является киль-однодеревка, изготовленный из ствола 145-летней сосны. Заказчик чайки, руководитель и «пробивная сила» реализованного проекта научный сотрудник Киевского института археологии Сергей Воронов утверждает, что он и корабли даже не предполагали, что столкнутся с такой массой неизвестного как в конструкции боевого корабля запорожцев, так и в технологии постройки чайки.

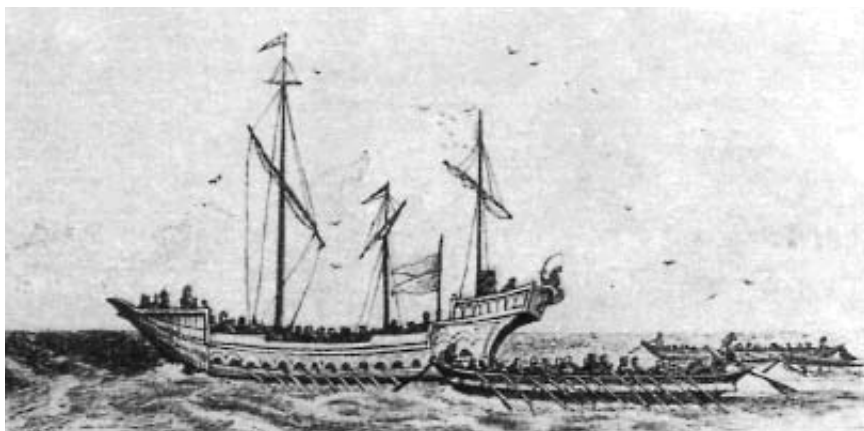
После достройки на плаву в Очакове «Богун» отправился на ходовые испытания до Киева по Днепру, пороги которого таятся в наше время глубоко под водой, и 17 июля 2002 г. был крещён звездой телеэкрана Русланой Пысанкой под звон разбитой о борт бутылки шампанского. По правилам Регистра судоходства Украины, в целях безопасности в дальних морских переходах (первый на Кубань, в Россию, на празднование 210-летия кубанского казачества) помимо 64 кв. м парусов и гребных вёсел чайка оснащена малым двигателем в 55 л. с.

Глава 6. Особые казацкие корабли ледового и подводного «классов»

Как ни странно, но о существовании у вольных казаков Днепра и Дона судов особого назначения и соответственно специальной конструкции отечественные украинские и российские историки узнали из литературных источников либо представителей неприязнеликой для казаков турецкой стороны, либо из Западной Европы. Вначале они были приняты за фантастические измышления, и лишь к концу II тысячелетия такая информация заставила многих по-новому взглянуть на суть темы.

Известный турецкий деятель и писатель, замечательный путешественник XVII в. Эвлия Челеби ибн Дервиш Мехмед Зилли (1611-1683 гг.), племянник великого визиря Османской империи Мелека Ахмед-паши, непосредственный участник многих исторических событий во взаимоотношениях Московского царства и Оттоманской Порты, турок и крымских татар с вольными донцами описал в западном и восточном мире свои путешествия, опубликованные еще в XVIII-XIX вв. Его книги были переведены более 150 лет назад в странах Западной Европы. В бывший СССР эти исключительно интересные книги дошли впервые 40 лет назад, да и то в виде извлечений, т. е. отдельных выпусков с комментариями.

Оказалось, что второй выпуск извлечений, опубликованный в Москве в

Запорожские суда (по Боплану).

1979 г., содержит сообщение сенсационного характера о флоте вольных донцов XVII века. Эвлия Челеби, излагая свое путешествие из Турции в Московское царство в 1667 г. от волжско-донской Переволоки до крепости Азов, утверждает, что значительную часть пути проделал на удивительных казацких «санных кораблях». Их описанию посвящен специальный раздел знаменитой «Книги путешествия» турецкого автора, носящий название «О поучительной и удивительной прогулке и диковинных санных кораблях». Донской историк В. Королев совсем недавно тщательнейшим образом исследовал опубликованный материал, результаты которого предлагаются читателю.

«Той ночью, - пишет Эвлия Челеби, - когда мы, по милости Бога, гостили в этой крепости (первый после Переволоки казацкий городок), внезапно ударил жестокий мороз и задул беспощадный, свирепый ветер. По воле Всевышнего Аллаха, река Дон от холода покрылась льдом. Через нее стали переезжать тысячи повозок и саней. Лица всех кяфиров (неверных) повеселели, а льды окрепли. Однако для нас мороз был слишком сильным... Была середина эрбаина (9 января) - самый разгар зимы. От жестокого мороза земля растрескалась, и каждая трещина была похожа на ущелье ада.

В конце концов пришлось выступить в следующий городок. И когда путники продвигались по донскому берегу, ледяной покров реки в нескольких местах треснул, и воды Дона совершенно затопили степь... Наши повозки, кони и пешие люди лишились возможности передвигаться... Усталые и обес-

силенные путешественники добрались до Параса (городок Паншин)».

В этом городке Эвлия Челеби и познакомился с «санными кораблями» и именно на них продолжал дальнейший путь. Согласно описанию знаменитого турка, предназначение таких казацких кораблей состояло в транспортировке людей и грузов «по ледяному морю, которое образуется в этой степи».

Устройство кораблей донских казаков, которых Эвлия Челеби считает «московскими кяфирами» (неверными), являлось у всех одинаковым. Это были большие сани, полозья которых составляли «толстые деревянные брусья». Снизу полозья имели вбитые в них и «расположенные в ряд свиные зубы, бычьи кости и рога». У каждого корабля были «в двух - трех местах» сосновые мачты, вооруженные «парусами-циновками», сплетенными «из тростника и камыша». На кораблях не было «ни руля, ни весла, ни гребцов». Управление кораблями осуществлялось «только 5-10, в зависимости от назначения, кяфирами», которые работали с парусами. 2 казака, которые находились на носу корабля «с обеих сторон, на досках, похожих на кяфирские скамейки», втыкая в лед длинные шесты - «пики, похожие на железные копы с якорями на концах», обеспечивали поворот корабля на льду в нужном направлении. В случае остановки паруса убирались, и те же 2 казака из отверстий «с небольшую конскую голову», располагавшихся по обе стороны носа, работали «подобными пикам шестами с якорями»: ударяя шесты о лед, заставляли якоря застревать в нем. Отталкиваясь этими же шестами ото льда, «10-15 матросов», располагавшихся «по обоим бортам корабля», могли приводить его в движение при встречном ветре или при полном безветрии.

Грузоподъемность кораблей была значительной. В каждый из них можно было «поместить по 20-30 коней». Они были «оборудованные как конюшни со стойлами». На кораблях, предоставленных московскому посольству и Эвлии Челеби, разместилось не только большое число людей, но и их груз, лошади, повозки, а также много баранов и быков.

Скорость кораблей была очень высокой. Они неслись по льду «подобно стрелам, выпущенным из тугих луков».

Отправление из Параса знаменитым турком описано так: «Корабли развернулись. Все войско, посол, я, ничтожный, со всею свитою и сопровождавшими, со всеми нашими грузами и поклажей разместились в этих корабельных саних. Обжарили на кострах кебаб. Кяфиры выпили водку-горилку и напитки - пиво и мед, уселись в украшенные крестами корабли, пальнули в знак торжества из пушек и ружей и пустились в путь по тому будто хрустальному ледяному морю...».

В следующем казацком городке пересели на другие «санные корабли». Путешествие на санных кораблях закончилось в Жапуха-кермане (очевидно, это был Манацкий или Багаевский городок). «В связи с тем, - пишет Эвлия Челеби, - что в окрестностях Жапуха-кермана встречаются гористые и лесистые участки, ездить в наших санных кораблях стало уже невозможно. Нам было приказано выйти из саней и пересесть на коней».

«Морской энциклопедический словарь», изданный в Санкт-Петербурге (2-е издание) в 1991 г., показывает, что это был буер донских казаков. Любопытно, что буер определяют только как парусную яхту на коньках, появившуюся в Голландии в XVIII в., т. е. на сотню лет позже случая, описанного турецким путешественником по Дону в XVII в. Правда, упомянутый современный словарь говорит любознательному: «В качестве транспортного средства и для выхода в море на подледный лов рыбы буер использовался... в Азовском и Днепро-Бугском лимане». Казаки вполне могли опередить голландцев в открытии и применении наилучшим образом буеров, как голландцы опередили донских казаков в выведении лучших в мире тюльпанов, используя луковицы диких степных донских тюльпанов («лазоревых», как их любовно зовут от мала до велика в донских степях). Донские историки И. Быкадоров и В. Королев разумно пояснили, что вольные казаки Дона и Днепра, составляя в общем очень небольшую группу людей в регионе стыка Европы и Азии в Приазовье и Причерноморье, в сравнении со своими главными противниками крымскими татарами и турками, обладавшими одной из самых крупных армий мира в то время, огромным флотом современной конструкции и вооружения, и главное - несравнимыми материальными ресурсами, - постоянно нуждались в том, как бы, если не победить, то достойно выжить. Поэтому вольному казачеству были постоянно необходимы, помимо военных и прочих особо воспитанных качеств, редкая сметливость, способность к неординарным решениям во всех сферах жизни, включая военный и разбойный промысел.

Так, казаки в пятилетней борьбе за крепость Азов, зарываясь в «осадном сидении» в землю, на 300 лет обогнали военное искусство в способе укрытия от поражения прямым артиллерийским огнем, как и в военно-инженерном деле с подкопами и приступами крепостных стен. А сколько замечательных казацких диковин и изобретений забыто потомками! Вот только некоторые из флотских действий: судно с двумя рулями, размещенными на носу и на корме; понтон из нескольких лодок для перевозки тяжелых орудий или переправ; способ плавания с камышиной под водой как дыхательной трубкой; способ варить уху в деревянном ведре на чайке; способ длительного сохране-

ния пресной воды в пригодном к употреблению виде; способ ведения непрерывного стрелкового огня посредством создания особых стрелковых групп, действовавших на чайках, и др.

Именно в период вольности казацкой европейцы и турки приписывали запорожцам изобретение... подводной лодки. Украинский историк В. Сергиенко пишет: «1595 год. Под этой датой зафиксировано появление вблизи турецкой крепости Синоп казацких подводных чаек, с помощью которых запорожцам удалось внезапно захватить город».

Согласно французскому философу Урнэ, очевидцы рассказывали и в Константинополе о казаках-подводниках: «Они появлялись неожиданно, поднимаясь просто со дна моря, и наводили ужас на стражу и всех прибрежных жителей».

В отечественной исторической науке, пожалуй, только один ученый-историк на Дону, В. Королев, попытался в конце XX в. изучить вопрос: миф или реальность эти казацкие подводные лодки в конце XVI века? История кораблестроения свидетельствует, что во владычице морей Великобритании уже в начале XVII в. (1620 г.) проводились натурные опыты по созданию подводных лодок. Значит, принцип устройства такого боевого корабля, способного погружаться, всплывать и находиться в подводном положении, был известен намного заранее в теоретическом плане англичанам - превосходным кораблям и мореплавателям, у которых были самые знаменитые в истории пираты. Если сопоставить дату французской публикации (1595 г.) о казацких подлодках в гаванях турецких городов-крепостей с исторически зафиксированной датой (1620 г.) английских опытных работ по созданию подлодки, то между ними как раз отрезок времени от осмысления информации о казацком военно-морском достижении, теоретической ее проработки

Переправа татарина через воду. (Рисунок Боплана).

и попытки практической реализации заманчивой идеи. Что тут сказать: идеи, включая гениальные, непрерывно витают в атмосфере, ища благодатную почву, а в случае с подлодкой – акваторию.

Глава 7. Организация, стратегия и тактика казацких разбоев и пиратства на морских торговых путях

Формы подготовки к морскому разбою и пиратству у вольных казаков Дона и Днепра были разными в силу различных условий проживания и причин подобных акций. Так, донским казакам приходилось бороться с набегами разбойных народов-соседей с востока (волжские татары, а позже пришедшие из-за Волги калмыки), с юга (ногайцы, крымские татары), с запада (крымские, аккерманские, т. е. белгород-днестровские, буджакские татары и ногайцы-кочевники).

Во время общей тревоги по поводу набега донцы собирались вместе по пять-шесть городков, укреплялись, распределяли силы и отсиживались в них, естественно, с боями. Есаулы, схватив в руки казацкое знамя, во весь дух неслись на конях по улицам, сзывая на оборонительные бои атаманов и казаков. Тревогу били также либо выстрелом вестовой пушки, либо звоном колоколов в церквях. Старики-казаки и жены-казачки перегоняли стада домашнего скота и табуны лошадей на острова рек и скрывали их в зарослях камыша или за болотами. Лодки приковывали к причалам цепями или затопляли под водой. Ценное имущество закапывали в землю. Отбив нападение врага, казаки городков никогда не оставались у него в долгу, а немедленного пускались в ответный набег.

Но часто, очень часто, донские казаки по собственной инициативе готовились в разбойные походы на города и поселения татар Крымского ханства. Не в диковинку был морской разбой на Анатолийском побережье Чёрного моря турецкого султаната или на берегах Каспийского моря, в особенности на южном побережье моря, где проживали богатые подданные персидского шаха. В такие походы на стругах донцы одевались в простую одежду, по-бедному, говоря любопытным: зипуны-то у нас сырые, а умы – бархатные, вот и идём за зипунами добрыми (казацкое слово «зипун» – это искажённое польское слово «жупан», означавшее богатую и нарядную верхнюю одежду – авт.).

Задумают казаки поразбойничать в море или на побережьях, то, выходя к станичной избе, на сборное место, и кидая свою шапку-трухменку (туркменку - авт.) из барашковой смушки, кричат зычными голосами: «Атаманы-молодцы, послушайте! На Хвалынь-море, или на Чёрное, поохотиться, на Кубань-реку, или Куму-реку, за ясырами (пленниками), на Волгу-матушку рыбку половить или под Астрахань, на низовье, за добычей...».

К выступавшему с такой речью со всех сторон станицы сходились донцы. И вот то один, то другой бросал свою шапку-трухменку вверх, и мало-помалу собиралось желающих в несколько сот казаков. Тогда все шли в ближайшую церковь или часовню, клали земные поклоны перед образами, а затем отправлялись в общую избу, где за чаркой вина обсуждали условия «похода за зипунами» и выбирали походного атамана. Остающиеся дома казаки помогали идущим в поход снаряжаться. Богатые казаки снабжали бедных оружием, выговаривая за собой право на известную часть добычи. Кто шёл с атаманом воевать на море с татарами, персами, турками, именовались, как и промышляющие на звериной охоте, - охотниками. Тех, кто восставал против своих братьев-донцов или шёл разбоем на московских торговых людей того времени казацкой вольницы, называли ворами-разбойниками. Обычный путь для охоты «за зипунами» был по Дону в Азовское море, а из него по Керченскому проливу - к Чёрному, до богатых прибрежных городов Крыма и на турецких берегах черноморского анатолийского побережья Малой Азии.

В Запорожской Сечи, соседей донцов по Дикому полю, задумывала прибрежный разбой или пиратство в море обычно казацкая старшина, давая команду палить из самых больших пушек. Затем посылали круговую повестку низовым казакам, жившим за днепровскими порогами в степи в хуторах, слободках, зимовниках или в бурдюгах - небольших полуземлянках в степи, в которых сезонно или круглогодично жили казаки, занимаясь мирными промыслами: охотой, рыболовством, пчеловодством. Для похода на разбой или пиратство - любое из трёх времён года, кроме зимнего. Предпочиталось осеннее время ввиду наличия большого числа пасмурных дней и темных ночей перед новолунием. Тогда легко скрывались флотилии казацких чаек и осуществлялся прорыв мимо турецких и татарских крепостей - городков и укреплений по берегам Днепра и на островах в его низовьях. Казаки отовсюду спешили к сборному пункту верхом или пешие, но с оружием и провиантом. Если дело шло о таком наступательном походе, как пиратские рейды на флотилии чаек, и притом особом, к чужеземным берегам, то запорожцы бросали клич о привлечении к таким морским походам не только днепровских

из числа реестровых, но и из сухопутных мест украинской земли. Отправляясь по Днепру вверх за пороги или по другим украинским городам, вербовщики-запорожцы обыкновенно выбирали базарные или ярмарочные дни, входили в толпу, поднимались на возы и громкими голосами кричали призыв примерного содержания: «Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов претерпеть всякие муки за святой крест, кто не боится смерти - приставай к нам! Не надо бояться смерти: от неё не уберёжешься. Такая казацкая жизнь!».

С днепровскими реестровыми и нереестровыми казаками запорожцам было проще сговориться о походе. Они знали их сборные места в Поднепровье - Беловеж, Нежин, Крылов, Канев, Черкассы, Трехтемиров (ныне затопленный Каневским водохранилищем Днепра).

Собравши таким образом охотников к пиратскому походу, запорожская старшина Сечи открывала большой совет - раду. На раде излагала «славному низовому товариству» в общих чертах план похода флотилии казацких чаек, делала отбор из желающих казаков в состав экипажей чаек в связи с ограниченным числом их, делила отобранных на походные курени, выбирала куренных и чайковых атаманов. Потом старшина Сечи распускала отобранных для морской акции казаков на несколько дней по домам, чтобы дать возможность запасться боевым оружием, снаряжением для боя, одеждой и продовольственной «харчой», характеристика которой излагалась в предыдущей главе, - особой, пригодной и стойкой в условиях жизни на воде. После этого повторно собирали раду в Сечи, объявляли о морском походе, служили молебен и, объявляя о готовности, давали выстрел из самой большой пушки.

Стратегический план действий казацкой флотилии запорожцев включал выполнение четырёх боевых задач: обеспечение прорыва - выхода из охраняемых врагом низовьев Днепра в Чёрное море; осуществление прибрежных операций морского разбоя против намеченных крепостей и окружающих их посадов; варианты боевых действий флотилии (от пиратского abordaja на вражеские корабли до ухода в открытое море) при встрече с турецким торговым или военным флотом; обеспечение возврата флотилии на Сечь с добычей или только экипажей с добычей в случае погони превосходящими силами врага.

Чайки казацкие выходили из гавани от Сечи и спускались по Днепру. Они шли на вёслах так тесно, что гребцы едва не задевали друг друга вёслами своих лодок. Впереди всех мчались две чайки разведки и за ними неслась чайка кошевого походного атамана с развевающимся атаманским флагом. За чайкой кошевого походного шли чайки каждого походного куреня. На носу

чайки сидел чайковый атаман. Во всю обозримую по длине гладь реки атели красные верхушки казацких шапок, блестели стволы ружей да мелькали полуискривлённые лопасти вёсел. Так доплывали запорожцы по Днепру до острова Тавани и до стоявшей против него на правом берегу Днепра турецкой крепости Кызы-Кермен.

Турецкий гарнизон, проведая о движении казацкой флотилии, принимал следующие меры - протягивали от крепости Кызы-Кермен до острова Тавани поперёк Днепра и от крепости Арслана до того же острова Тавани поперёк притока Днепра реки Конки, впадающей здесь в Днепр, железные цепи. Посередине реки устраивали в цепях ворота для прохода судов, а на эти ворота наводили уже пристреленные крепостные орудия. Но у казацких экипажей флотилии чаек были против турецких мер свои контрмеры. Пользуясь темной ночью, они сваливали в лесу несколько высоких деревьев, прикрепляли к ним железные цепи и потом в стоячем виде пускали деревья по течению к турецким воротам в цепях. Деревья, ударяясь в протянутые поперёк Днепра и Конки железные цепи, давали сигнал турецким гарнизонам обеих крепостей о движении казацкой флотилии тёмной ночью. В крепостях играли тревогу, стреляли из пушек, но попадали в плывшие стояком деревья, изображавшие мачты чаек, а также в протянутые цепи, обрывая их и делая в них проходы. Запорожская флотилия между тем спокойно стояла в камышах у берегов Днепра выше по течению протянутых цепей в ожидании, когда турецкие артиллеристы поистратят свои боевые припасы. Как только стрельба из крепости затихала, тогда казаки бросались либо в образовавшиеся в цепях проходы, либо к турецким цепям, прорубали их и, пользуясь кромешной темнотой, уходили на чайка вниз по Днепру. Аналогичным образом, выждав благополучного для себя времени суток и благоприятной погоды в Днепро-Бугском лимане и на выходе из него в Чёрное море, никем не замеченные в ночи, проходили флотилией слева по борту крепость Кинбурн на косе, а справа - крепость Очаков и оказывались в Чёрном море.

Иногда, вместо Днепро-Бугского лимана, казакам приходилось оттягивать свои чайки к хорошо известному им месту - Прогною, от которого шёл из Днепра проток прямо в открытое море, без неприятных осложнений для казаков между Кинбурном и Очаковым. Случалось, что турки, узнав о прорыве запорожской флотилии мимо Тавани по Днепру, расставляли для её разгрома свои галеры в Днепро-Бугском лимане, но зачастую напрасно.

Темнота южной ночи и ширина только одного Днепровского лимана, доходившая здесь до десяти и более вёрст, давали возможность казацкой флотилии ускользнуть и от второго рубежа турецкой пограничной стражи,

тем более, что скорость малых кораблей казаков превосходила скорость водоизмещающих кораблей турецкого флота. Казакам главное было про-рваться из лимана в воды Чёрного моря. А в море у них всегда было два хоро-ших варианта: либо оторваться, меняя курсы, в открытое море, где их небольшие в размерениях чайки очень сложно обнаружить противнику, либо при преследовании идти вдоль черноморского побережья до любого знако-мого им мелководья, удобного для флотилии чаек и непригодного для турец-ких кораблей с большой осадкой и водоизмещением. А бой на мелководье, как увидим далее, был одним из любимых тактических боевых приёмов фло-тилии из казачьих чаек.

Иногда, отправляясь в пиратский поход, запорожцы делились на две пар-тии. Одна шла по сухопутью вдоль берега Днепра верхом на конях. Другая прорывалась вниз по течению Днепра к морю. Пройдя Кызы-Кермен, Оча-ков и Кинбурн, они соединялись либо на востоке на побережье, чтобы сде-лать набег на татарские Перекоп, Гезлев (Евпатория) и селения Западного Крыма, либо на запад по черноморскому побережью - на Хаджибей (Одесса), Аккерман (Белгород-Днестровский), дунайские крепости и города. С тече-нием времени, когда турки открыли все потайные ходы казаков из Днепра, делая засады, стали наносить поражения флотилиям чаек, запорожцы придумали и другие тактические ходы. Возвращаясь из удачного похода, они в укромных местах побережья затапливали свои чайки до следующего похода другого отряда казаков. Эти казаки выходили из Сечи на речных лодках и, дойдя до Кызы-Кермена, Очакова и Кинбурна, тащили эти лёгкие лодки сухим путём в обход крепостей до укромных мест безлюдных побережий, где прятали речные лодки и готовили к походу притопленные в воде или при-прятанные на суше чайки и уходили в море или вдоль черноморских побере-жий на восток к Крыму или на запад к Днепру и Дунаю. Стратегия поведения казачьей флотилии в открытом море или у морских берегов при встрече с турецким военно-морским флотом была весьма гибкой. Следует признать, что в большинстве случаев флотилии чаек в основном в дневное время укло-нялись от сражений с турецкими военными кораблями в открытом море. В море флотилия атаквала только отдельные военные корабли противника, но с большим удовлетворением и мастерством нападала на караваны торго-вых турецких судов. Если флотилия казачья обнаруживала группировку турецких военных кораблей, то, пользуясь скоростью чаек, уходила по воз-можности от сражения. Отступала она и тогда, когда при возвращении после удачного набега на побережье на чайках было много походных трофеев.

Свободно двигаясь по морю, казачья флотилия значительно дольше

оставалась необнаруженной турецкими кораблями, чем эти корабли чайками. Чайки, возвышаясь над поверхностью воды своим надводным бортом до 1 метра высотой, скрывались в морских волнах на дальних расстояниях от обнаруженного противника. Сами же казаки с чаек уже на далёком безопасном расстоянии могли видеть высокие борта и надстройки турецких галер и тем более их мачты. Высмотрев днём издали турецкие корабли, казаки, зная свою ничтожную численность, исключая всякое открытое нападение на врага, выжидали или туманной погоды, или наступления ночи. Если казаки решались сделать нападение ночью на турецкие галеры, то они старались расположить свои чайки, чтобы солнце к вечеру было у них за спиной. За час до захода солнца казаки приближались к турецкому кораблю, намеченному для абордажа, на одну милю, а с наступлением темноты подходили ещё ближе на расстояние, на котором гребцы чаек могли поддерживать максимальную скорость. Надо заметить, что на каждой чайке экипажи действовали исключительно коллективно. Успешность усилий целого экипажа и флотилии в целом основывалась на взаимозависимости и взаимответственности. Коллективизм воспитывался в каждом экипаже на взаимном доверии, уважении, приязни, терпимости, профессионализме, обмене опытом боевых действий и на очень суровой дисциплине. За каждое проявленное непослушание чайковому атаману экипаж карал жестоко ослушника, а за принятие алкогольных напитков, взятых тайно в поход, захваченных при грабеже городов и селений или на взятом корабле, по распоряжению чайкового атамана пьяницу выкидывали за борт. Чайковый атаман отработывал с экипажем полнейшее взаимопонимание и единомыслие в отношении решаемой задачи и организации исполнения её каждым казаком и в целом экипажем. Боевое руководство экипажем чайки требовало от атамана многих качеств, кроме того, он должен был отличаться хорошо развитым чувством осторожности, в сочетании с решительностью, вниманием, памятью, представлением, ассоциативностью, вдумчивостью и владеть языком кратких и понятных распоряжений. Если экипаж чайки замечал в походе слабость, нерешительность атамана, то немедленно его отстраняли и выбирали более подходящего. С атаманом, проявившим трусливость в бою, расправлялись так же беспощадно, как и с пьяницей.

С наступлением полночи и затишьем на турецком корабле половина экипажа чаек во всю силу работала вёслами, а другая, с ног до головы вооружённая, бросалась с причаливанием к борту галеры на абордаж. Уничтожая экипаж, казаки брали по каютам самое ценное - деньги, золото, серебро, дорогие ткани, одежды, оружие. Всё остальное в каютах сжига-

лось, выбрасывалось за борт. Всех турок убивали, кроме знатных, пленяемых на выкуп. Невольников освобождали, но спасение их было их дальнейшей самостоятельной проблемой, так как корабль пускали ко дну прорубанием днища и обшивки бортов ниже ватерлинии. Завершив пиратское дело на турецком корабле, казаки сбрасывали добычу и сами усаживались в чайки. Гребцы отталкивали чайки от бортов галеры и мчались в море по указаниям чайкового атамана, чтобы там, в предутренней дымке рассвета, вне взоров с кораблей противника провести сбор флотилии, подвести итоги ночной битвы и получить задание кошевого или куренного на действия флотилии и отдельных чаек по отрыву от разъяренного неудачей противника.

При встрече с турецкими галерами у морского побережья на мелководье казачья флотилия делала тактический приём под названием «крутить веретено». Подойдя на возможно близкое расстояние к турецкому судну, экипажи чаек мгновенно давали залп из ружей и быстро отплывали вдоль побережья. Через какое-то время чайки вновь быстро приближались к кораблю с другой стороны, вновь давали залп и вновь уходили вдоль побережья. Галеры не могли гнаться за ними из-за мелководья и боязни сесть на мель. Доведя к ночи экипаж травимой галеры до бешенства такими набегами с залпами, казаки либо заставляли галеры убраться в открытое море, а сами уходили вдоль побережья в нужном направлении, либо, сбив с толку турок, вынужденных защищаться экипажем и с бортов, и с носа, и с кормы, производили abordаж по ранее описанному сценарию.

Стратегия пиратства казачьих чаек на побережьях Турции и подвластных ей Болгарии, Румынии и Крымского ханства была также заранее продуманной с учётом опыта предыдущих походов, передававшегося в Сечи из года в год, из поколения в поколение.

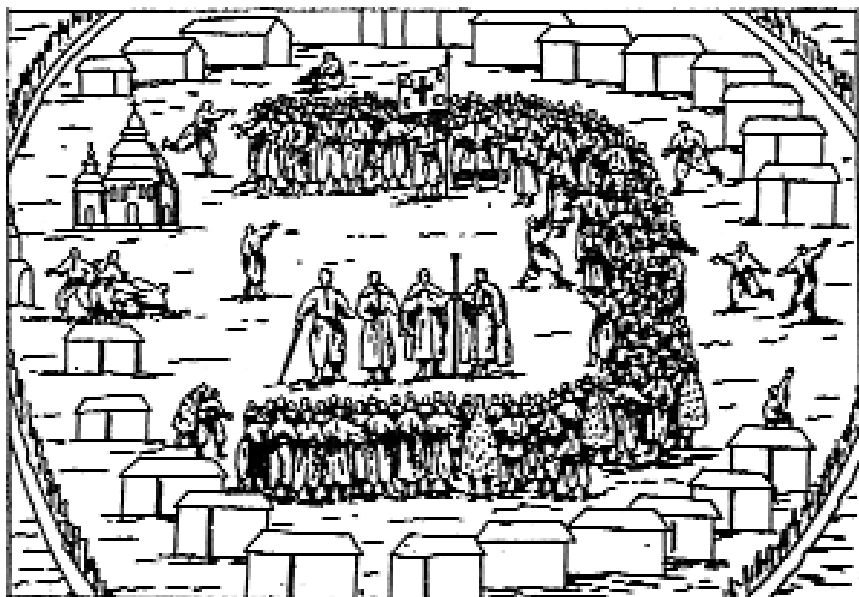
Как правило, весть об удачном прорыве казачьих флотилий в Чёрное море быстро распространялась по всему морскому побережью на запад и на восток от впадения Днепра в море и достигала столичного Константинополя. Тогда из столицы турецкого султана скакали гонцы во все приморские области и владения Турции в Чёрном море - Анатолию, Болгарию, Румелию (Румынию) и оповещали гарнизоны крепостей, жителей городов и селений о приближении страшных врагов с моря.

Запорожцев на чайках эти предостережения не смущали. Они выбирали какое-нибудь безлюдное и укромное место, знакомое им по походам предыдущих флотилий, причаливали туда всей флотилией, оставляли чайки на берегу моря, готовыми к отплытию, под охраной двух опытных казаков и

двух молодых казаков на каждой чайке. Сами же, вооружившись саблями, пистолетами и ружьями, штурмовали город или селение, имущество грабили, жилища сжигали, жителей истребляли, невольников освобождали. Потом с военной добычей быстро возвращались к чайкам, сталкивали их в море, усаживались и уходили в открытое море, меняя курсы и направления. Пробыв некоторое время в море, казаки вновь выбирали себе место нападения на берегу и повторяли пиратскую операцию, как и в первом набеге. Надо сказать, что казаки-пираты в короткое время опустошали огромные пространства на турецком побережье и на подвластных Турции побережьях Крыма, Болгарии, Румынии, Молдовы, забирая с собой только самое ценное имущество, деньги, драгоценности, оружие, ковры, ткани и др.

Исследованиями донского историка наших дней В. Королёва установлены сведения, что донские и запорожские вольные казаки не только пиратствовали в прибрежных городах и селениях Крымского ханства и Турции, но и нападали на внутренние области и селения. По свидетельству московских посланников у крымского хана в 1631 г., неизвестно какие казаки, донцы или запорожцы, пристали к берегу под Саркерманом (Херсонес вблизи Севастополя) и «почали воевать крымские улусы, отходя от моря вёрст по 10 и по 15». То же они повторяли, двигаясь между Балаклавой (вблизи Севастополя) и Гезлевым (Евпатория). В 1657 г. точно известно, что это донцы зашли в устье реки Альма и по берегам её и соседней реки Булганак проникли в глубь Крымского полуострова. По данным турецкого исследователя Эвлии Челеби, запорожцы и донцы доходили за 15 км от моря по прямой до Эски-Крыма, до ханской столицы Бахчисарая (24 км от побережья по прямой), до Карасубазара (27 км от берега), до Мангупа и иных селений, расположенных вдали от берега моря. Оказывается, разведка казацких пиратов работала отменно. В 1629 г. казаки, высадившиеся пешим походом, не случайно так далеко оторвались от своей флотилии на берегу, чтобы взять столицу крымского хана Бахчисарай, бывшего в походе, и замок Мангуп, между Бахчисараем и Балаклавой. Туда было свезено ценное ханское имущество. По свидетельству итальянца Э. Дортелли д'Аскали, служившего у хана в городе Кафа (Феодосия) префектом, в Карасубазаре, т. е. «в самом центре Татарии... разграбили и сожгли множество лавок, убивая всех им попадавшихся... с ними бежало более 150 рабов».

Порой донские казаки углублялись от своих стругов в Крыму и на турецком берегу Чёрного моря и на значительно большие расстояния. Рассказывая о казачьем походе на море в 1659 г. в Посольском приказе в Москве, донской корабельщик Кирилл Петров отмечал, что донцы «ходили от стругов на

Казачья рада в Сечи. (Рисунок XVIII века).

берег вёрст с 50 (54 км)».

Если верить знаменитому путешественнику турку Эвлии Челеби, то казаки однажды рискнули даже поохотиться на анатолийском побережье в Каракисарских горах, за городом Трабзоном. Чтобы добраться туда, казакам нужно было пешими преодолеть до 70 км по прямой от моря. Но по информации Э. Челеби, личная храбрость и пиратский опыт не спасли их в горах от множества диких зверей - тигров, чёрных волков, гиен и других экзотических хищников, плодившихся в несметном количестве в этом непуганом и богатом мелкой дичью горном крае.

Потрясши набегами Крым и турецкую Анатолию, с богатой добычей казаки спешили на чайках возвратиться домой в Сечь. Турки и здесь принимали меры для разгрома казаков. У устья Днепра выставлялась усиленная стража. У входа в Днепро-Бугский лиман напротив их крепости Очаков дрейфовала в полной боевой готовности турецкая эскадра.

Стратегия обеспечения благополучного возвращения казаков из пиратских набегов предусматривала разные тактические варианты. Вместо того,

чтобы подниматься к самому входу в Днепро-Бугский лиман, казацкая флотилия приставала в известном ей заливе в трёх или четырёх милях на восток от города Очакова и по этому заливу, а потом по низкой ложине, идущей от залива к Днепру и заливаемой морскою водою на 1/4 мили, поднимались лодками до суши. По суше ложины перетаскивали свои чайки на руках, работая по 200-300 человек над каждым судном. Таким образом, через 2-3 дня, одолев препятствия, флотилия входила уже в Днепр, прорывалась мимо турецких и татарских городков-укреплений и приходила на Запорожскую Сечь с богатой добычей.

Если же турецкие войска из Очаковского гарнизона преграждали путь запорожцам и у низкой ложины вблизи Очакова, тогда казакам предстояла сложная дорога для возвращения на Сечь. Из западной части Чёрного моря, огибая побережья Крымского полуострова, чайки с добычей плыли к Керченскому проливу, через который плыли в Донской лиман Азовского моря, из Донского лимана двигались к устью реки Миус. По Миусу поднимались вверх до того участка, где река становится несудоходной. Отсюда проходили небольшое расстояние волоком и добирались до реки Волчья Вода, впадавшей в реку Самару - приток Днепра. Так чайки попадали в реку Самару, а из Самары, выше польской крепости Кодак, прямо в Днепр. Но этот трудный, тяжкий путь редко избирался запорожцами или совместно с донцами - только в исключительных случаях: когда флотилия не превышала 20-25 чаек, или же тогда, когда другие пути были абсолютно блокированы турками, а пиратская добыча была весьма ценной, чтобы её утратить.

Вольные казаки Днепра и Дона в большинстве случаев возвращались из пиратского промысла с большой добычей, позволявшей им выживать независимыми от королевской или царской власти даже в голодные годы тех веков. Но платили за неё казаки своими головами, чайками и стругами, а потому пиратская добыча обходилась очень и очень не дешёвой платой за казацкую волю.

Аналогичной стратегии и тактики придерживался казацкий флот на Дону. Морское пиратство донцов на стругах заставило турок укрепить находившийся в устье реки Дон город-крепость Азов. Сам Дон турки перегородили цепями из тяжёлых брёвен, скованных железными кольцами. Но донцы научились прорываться и через них в Азовское море. Завидев вдали турецкие корабли, струги рассыпались и уходили против ветра, а затем перед закатом солнца, так, чтобы солнце светило прямо в глаза турецкому экипажу, кидались на корабли с топорами и саблями, прорубали дно и топили корабль,

забрав ценное имущество, уходили с борта тонущего корабля на струги. Если корабли турецкого флота гнались за донцами, распустив паруса, струги казаков неслись к берегам. Казаки затопляли свои струги в камышах, а сами рассеивались по берегу, выжидая ухода флота. Этот приём у донцов назывался «назойливой лавой». Но доставалось нередко и казакам, и много костей казачьих покоится глубоко в иле на дне Азовского моря. В эти годы морских разбоев и пиратства сложилась среди донцов поговорка: хоть жизнь собачья, так слава казачья.

ЧАСТЬ 2

ГЕОГРАФИЯ, ХРОНИКА И ФАКТЫ РАЗБОЯ НА ВОДЕ И ПОБЕРЕЖЬЯХ, ПИРАТСТВА ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ ДО ПРИНЯТИЯ ЦАРСКОГО ПОДДАНСТВА

Глава 8. На притоках Дона и Днепра и переправах через реки

1480 год.

Концы и днепровцы разведали о речной стоянке татарских войск хана Ахмета из ослабевшего улуса Золотая Орда, промышлявшего степным грабежом в Московском царстве. Вольные казаки предложили хану Ивану кочевавшей Малой Ногайской орды совместно осуществить разбой на водной переправе. 16 тысяч казаков и кочевников-ногайцев разгромили отягчённых добычей татар, зарезали золотоордынского хана и завладели татарским награбленным добром из московских земель.

1559 год.

По договору с московским царём Иваном IV Грозным, в январе атаман днепровских казаков Дмитрий Вишневецкий - основатель первой выстроенной на острове М. Хортица Запорожской Сечи, разорённой вскоре турками и крымскими татарами, на притоке Дона Северском Донце строил суда, чтобы весной с вольными донцами атамана Михаила Черкашина напасть на улусы крымских татар вблизи турецких крепостей Асак (Азов) в низовьях Дона и Керчи в Таманском (Керченском) проливе в Крыму. Татарская разведка проведала, и крымский хан двинулся в поход, чтобы разрушить казацкую судоверфь. В верховьях Северского Донца объединённые днепровцы и донцы разбили и прогнали татарское воинство, сохранив верфь и суда.

1588 год.

После смерти польского короля Стефана Батория и последовавших запретов польского сейма выходить в море по Днепру против турок и татар вольные запорожцы с атаманом Матвеем Федоровичем вынуждены идти на берега Северского Донца, где занимались разбоем на водных переправах самых разных посольских делегаций.

1628 год.

Летом атаман черкасских нереестровых казаков Малай собрал 1500 казаков и повёл их разбойничать на приток Днепра - реку Самару. Караулили на переправе татарский караван, который вёз деньги от крымского хана Шагин-герая его жене в Персию. Казаки удачно пограбили на реке татарский караван и забрали ценную добычу: на каждого казацкого пирата пришлось по 70 золотых и по 5 коней.

1635 год.

Возвращаясь вместе с донцами после очередной неудачной осады турецкой крепости Азов, запорожцы на чайках решили подняться вверх по Дону и Северскому Донцу, так как вдоль азовского и черноморского побережий их ждали с моря турки, а с суши отряды польских войск. Чайки с Северского Донца удалось перетянуть на приток Днепра - реку Самару. Однако пока запорожцы были в набегах по морю на турецкие берега, польское правительство соорудило возле впадения Самары в Днепр крепость Кодак с польским гарнизоном и французом-комендантом Морионом. Крепость препятствовала не только походам казаков с Днепра на Самару и обратно, но и перехватывала сплавляемый сверху по Днепру лес для постройки казацких чаек.

В полночь казаки кошевого атамана Ивана Сулимы взяли по приставным лестницам замок. Коменданта расстреляли, а гарнизон польский порубили саблями, крепостные сооружения разрушили до основания. Атамана И. Сулиму коронному гетману Конецпольскому удалось обманом захватить в плен в Сечи. Он был казнён в Варшаве в присутствии турецкого посла. Крепость лежала в руинах до 1639 г.

1641 год.

Весной 40 человек днепровских казаков вышли на речной разбой при впадении в Дон притока Богучара.

Летом подобная казацкая ватага в 80 человек с атаманом Василием Копанём до осени промышляла разбоем на Северском Донце, на Дону и в соседних притоках.

1642 год.

Весной на реке Жеребец возле Славянска при впадении её в Северский Донец у атамана Василия Рябухи с запорожцами и полковника Григория Горского с днепровскими казаками числом в 700 человек произошло столкновение с другим отрядом казацких разбойников на притоках Дона за «пиратские хлеба».

Несколько позже отряд казаков запорожских в 100 человек Василия Рябухи на притоке Северского Донца Митякине погромил и побил много людей московского гонца Засекина.

В том же году пришли с Днепра ещё 220 казаков с атаманом Семёном Забузьким и Григорием Горским и перехватили у отряда Василия Рябухи разбойный промысел на притоках Дона.

1644 год.

По Дону и Северскому Донцу пришло с Днепра более 700 казаков и разбойничали на переправах. Туда же набежало из Крыма человек 150 конных татар за «языками». Когда татары вели пойманных «языков» к себе, то в верховьях речки Бахмут погромили их находившиеся в этих местах на речном разбое днепровские казаки с атаманом Матвеем Миргородцем и отбили пленных украинцев у татар, отвезя их в Святогорский монастырь на Донце.

1645 год.

Пришедшие на Донец и Дон днепровские казаки помимо пешего и конного состава завели суда, стали объединяться с местными донскими казаками и громить на переправах московские, турецкие и крымские посольства.

1646 год.

Ранней весной 300 днепровцев появляются у впадения речки Богучар в Северский Донец. Сначала они на Дону непрерывно громили суда. Затем напали на донской городок Решетов и полностью разорили его.

1648 год.

На Северском Донце речным разбоем занимались в разных местах его

татары, днепровцы и донцы.

Глава 9. В низовьях Днепра при выходе в Чёрное море

1556 год.

29 июня 300 днепровских черкасских и каневских казаков во главе со своими атаманами Масинским и Еськовичем на 18 чайках и с пришедшим из Московского царства отрядом конницы в 600 человек под началом дьяка Ржевского по Днепру спустились в низовья реки и опустошили предместья крымско-татарской крепости Ислам-Кермен, построенной, чтобы препятствовать выходу казацкой флотилии в Чёрное море. Затем сводный интернациональный отряд морских и конных разбойников двинулся из Днепровского лимана к морскому побережью.

При возвращении с моря и по берегу вдоль Днепра казацкой флотилии и московской конницы крымский калга с татарским войском атаковал их под Ислам-Керменом (г. Каховка). Шесть дней длились бои, в конце которых ночью казаки сумели отбить у татар конные табуны и переправить их по воде на остров на Днестре. После чего казаки, превратившись из речного войска в конницу и притопив чайки, ушли вместе с московской конницей напрямую степями к острову Малая Хортица, где строилась и укреплялась первая Запорожская Сечь.

Осенью на казацкий праздник Покров Пресвятой Богородицы 1 октября основатель первой Сечи запорожской вольницы атаман Дмитрий Вишневецкий с казаками на чайках штурмом взял крымско-татарскую крепость Ислам-Кермен. Перебив полностью гарнизон, он на чайках вывез вверх по Днестру крепостные пушки в укрепляемую им напротив впадения в Днепр реки Конские Воды (Конка) первую Запорожскую Сечь.

1557 год.

В январе по поручению турецкого султана Сулеймана крымский хан Давлет-Гирей с татарами 24 дня осаждал первую Сечь запорожской вольницы. Казаки мужественно оборонялись и сумели устоять. Татары отвели свой войска.

Но крымский хан вновь подступил с войсками под Хортицу, а вместе с ним прибывшие на судах турецкие войска и вспомогательные войска турок из покорённых молдаван. Они блокировали Сечь на Малой Хортице. Снаря-

жение и провиант у казаков закончились. Вишневецкому удалось организовать прорыв блокады вверх по реке в Черкассы к днепровским казакам.

Турки и татары до основания уничтожили укрепления первой в истории украинского казачества Запорожской Сечи.

1558 год.

Летом запорожцы вместе с частью ушедшего из Сечи военного московского отряда непрерывно атаковали на Днестре крымско-татарскую крепость Ислам-Кермен, но так и не сумели овладеть ею.

1559 год.

Весной 1500 запорожцев во главе с атаманом Недригайло, объединившись с остатками ушедшего в Москву военного отряда, спустились на чайках в низовья Днестра и разорили предместья всех татарских и турецких крепостей на выходе Днестра в Чёрное море.

1576 год.

Герой прошлогодней кругосветки по берегам Чёрного моря Богдан Ружинский, удостоенный впервые официально польским королём звания гетмана запорожского казачества, проводит осаду татарской крепости Ислам-Кермен в низовье Днестра, препятствовавшей выходу казацкой флотилии в Чёрное море. Казаки неудачно заложили в подкоп заряд под крепостную стену. При производстве взрыва погибла часть подрывников вместе с гетманом Б. Ружинским. Отчаявшиеся запорожцы штурмом овладели крепостью и в горести по любимому гетману до основания разрушили её.

1616 год.

Весной султан отправил к устью Днестра турецкую эскадру с 14 тыс. войск. В море против турок вышли на чайках 2 тыс. запорожцев во главе с гетманом П. Сагайдачным. Заманив эскадру в Днестровский лиман, казаки отбили у турок 15 галер и около 100 вспомогательных судов. Сам Али-паша с остатками эскадры бежал в открытое море. Далее флотилия П. Сагайдачного пошла в море. Тогда другой турецкий адмирал двинулся с кораблями вверх по Днестру до самой Запорожской Сечи, где было всего несколько сот казаков. Ибрагим-паша, захватив казацкие пушки и до 15 чаек, разорив несколько куреней, ушёл с флотилией на речку Конские Воды, приток Днестра.

1620 год.

Во время Хотинского сражения объединённых сил поляков и казаков против турецкого султана, одновременно с действиями П. Сагайдачного на

суше, в море вышли 10 тысяч запорожцев под предводительством молодого сотника З. Б. Хмельницкого, они разбили 12 галер и отогнали турецкий флот.

1628 год.

Весной гетман реестровых днепровских казаков М. Дорошенко, объединившись с запорожцами, двинулся на крепость Ислам-Кермен (Каховка), чтобы не допустить постройки турками новых укреплений в низовьях Днепра. Для этого султан турецкий во главе с пашой послал через Чёрное море несколько десятков крупных галер и несколько сот малых. М. Дорошенко опередил турок, взял крепость, замок уничтожил и переправил на чайках вверх на Сечь 20 турецких крепостных пушек.

1641 год.

В апреле, за две недели до Пасхи, донцы с атаманом Тимофеем Яковлевым и запорожцы с атаманом Михаилом Тараном с Дона вышли за «языками» в количестве 600 казаков на 12 стругах. После поимки нескольких татар Яковлев с частью донцов на 7 стругах вернулся на Дон. 5 стругов казаков под началом М. Тарана были посланы к турецким берегам к городу Риза для поимки ещё «языков» турецких. При возвращении путь в Керченском проливе перекрыла турецкая эскадра. Турецкие 5 галер и 12 полукаторг гнались за М. Тараном по Чёрному морю и под Очаковом сумели казаков погромить. Спасшиеся в небольшом числе прорвались вверх по Днепру. Однако перед Сечью с польской стражей встретил их полковник Душинский. Он позволил им укрыться от турок, принял подарки, но потребовал отдать и струги. Когда казаки не согласились на это, полковник дал знать очаковскому паше, чтобы тот ударил по казакам с низовьев Днепра, а поляки ударят с верховьев. Казацкая малочисленная флотилия была разгромлена, а атаман М. Таран попал в турецкий плен.

1660 год.

Чтобы обеспечить проход казацкой флотилии в Чёрное море через устье Днепра, которое турки завалили камнями, 5000 запорожцев во главе с кошевым атаманом Иваном Сирко сделали отвлекающее нападение с суши на турецкую крепость Очаков. Казаки опустошили предместья Очакова, захватили в устье Днепра крепостные укрепления татарского Аслан-городка, но казацкие суда так и не сумели пробиться в море.

1665 год.

Турки послали по Днепру из крепости Гаван (Берислав) на Сечь флоти-

лию военных кораблей. Запорожцы атаковали флот и потопили несколько турецких галер, взяв 60 турок в плен.

Глава 10. У очаковского побережья Северного Причерноморья

1493 год.

Вольные днепровские казаки под началом атамана Богдана Глинского из Черкасс, спустившись на судах по Днепру, взяли штурмом и разгромили турецкую крепость Очаков у выхода из Днепро-Бугского лимана в Чёрное море.

1523 год.

Атаман Остафий Дашкович из Черкасс собрал новый отряд днепровских казаков, спустился вниз по Днепру к Чёрному морю и взял штурмом турецкую крепость Очаков, в которой сжёг все укрепления.

1545 год.

30 октября атаман Исачок из Брацлава, Карпо Масло и Иван Держок из Черкасс с 800 днепровскими казаками на 32 чайках по Днепру подплыли ночью под стены турецкой крепости Очаков у впадения Днепро-Бугского лимана в Чёрное море. Крепость взяли приступом, убив 5, ранив 4 и пленив 32 турецких стражников. С 20 пленных казаки получили выкуп в 406 тыс. аспр и их имущество на 19 тыс. аспр. За остальных турок был получен выкуп в 36 тыс. аспр. Уходя вверх по Днепру, казаки гнали табун из 97 коней.

1552 год.

Днепровские казаки на чайках подплыли из Днепровского лимана к турецкой крепости Очаков у выхода в Чёрное море и на abordаж захватили стоявшее в гавани турецкое торговое судно вместе с экипажем.

1556 год.

В конце июня 300 вольных казаков из только что сооруженной первой Запорожской Сечи на острове Малая Хортица во главе с атаманом Дмитрием Вишневецким - основателем Сечи - на 18 чайках прорвались по Днепру к выходу в Чёрное море у турецкой крепости Очаков. По суше к ним присоединился отряд московской конницы в 600 человек дьяка Ржевского. Они атаковали турецкую крепость Очаков, взяли её, подвергнув полному разоре-

нию.

1562 год.

Запорожцы с атаманом Мыколою, черкасские казаки с Поднепровья во главе с атаманом Кобелей, соединившись с пришедшими в Сечь московскими стрельцами русского воеводы Данила Адашева, произвели на чайках по Днепру атаку на турецкую крепость Очаков, отобрав пленных с украинских земель. Кроме того, было захвачено сборным отрядом и турецкое судно, на котором перевозили по морю коней.

1563 год.

Запорожские казаки по Днепру дошли до крепости Очаков и опустошили её окрестности, забрав с собой много скота.

1624 год.

В сентябре 150 чаек с запорожцами из-за штормовой погоды, прорвавшись по Днепру, вынуждены были задержаться с выходом в море возле турецкой крепости Очаков. Крепость взять не смогли, в море нельзя было идти. Запорожцы стали страдать от недостатка провианта, и часть из них возвратилась по Днепру на Сечь, а часть, дождавшись в начале сентября хорошей погоды, ушла в набег на турецкие берега Анатолии.

1630 год.

Запорожцы под началом атамана Соленика в августе попали под удар турецкой эскадры под Очаковом. Капитан-паша на галерах разгромил небольшую флотилию казаков из 15 чаек и взял в плен 150 человек, привезя их в Константинополь.

Глава 11. От берегов Днестра до берегов Дуная

1492 год.

Вольные казаки Днепра из-под Киева и из Черкасс взяли приступом торговое судно крымских татар в Молдове на реке Днестр под Тягиней (Бендеры).

1516 год.

Днепровские казаки с атаманами Остафием Дашковичем из Черкасс и Предиславом Лянцкоронским из Хмельника пытались взять на Днестров-

ском лимане турецкую крепость Аккерман (Белгород-Днестровский). Разгромив предместья, казаки угнали 30 тысяч голов скота, табун в 500 коней и взяли много ценной добычи.

1557 год.

Основатель первой Запорожской Сечи на Малой Хортице Дмитрий Вишневецкий не дает покоя со своей вольницей турецким крепостям в Северном Причерноморье. В том числе им разгромлены предместья сильно укрепленной крепости Аккерман (Белгород-Днестровский) на Днестровском лимане Черного моря.

1574 год.

Гетман днепровских казаков Иван Свирговский весной по просьбе молдавского господаря возле г. Сороки разбил турок и послал нарочного в Сечь Запорожскую, чтобы кошевой атаман Ф. Покотыл выслал казаков на чайках в Черное море и не допустил турецких десантов в Дунай и Днестр. Запорожцы на судах в море и в устьях обеих рек перехватили и взяли в плен много военных турецких судов с войском и припасами. Войдя в Дунай, многие прибрежные укрепления турок и жилища разорили и пожгли. Гетман, разделив своё войско на две части, полковника Ганжу послал на Бухарест, а сам повернул от Дуная, но был спровоцирован, что в крепости Килия хранятся бесценные сокровища. Он без разведки пошел на дунайскую крепость турок Килию и начал скоропалительную атаку. Но заложенные турками и взорванные заряды похоронили Свирговского и множество его казаков. Напавшие со всех сторон турки добились остатков войска гетмана и разогнали по Молдавии. Немногие нашли отряд полковника Ганжи и возвратились в родной край с ним. Позже запорожцы предпринимали попытку захвата турецкой крепости Аккерман (Белгород-Днестровский) на Днестровском лимане, но неудачно.

1576 год.

Первый гетман запорожцев Богдан Ружинский, официально признанный польским королем, при возвращении из знаменитого набега вокруг побережья всего Черного моря на Сечь, переправясь через Дунай на чайках и трофейных турецких судах между крепостями Варной и Силистрией, вступил в Молдову, захваченную турками и крымскими татарами. На дунайских берегах гетман внезапно напал на турецкую крепость Килию. Вырезали всех турок и татар, город разграбили и выжгли до основания.

1598 год.

Запорожцы во главе с есаулом Федором Полоусом штурмовали турецкие крепости Килию и Силистрию на Дунае, Аккерман (Белгород-Днестровский) и Тигину (Бендеры) на Днестре, но неудачно.

1602 год.

Запорожцы на 30 чайках и нескольких галерах, отбитых у турок, вступили в бой с турецкой флотилией на Дунае вблизи крепости Килия. Отбив у турок еще одну галеру и взяв на бордаж несколько турецких торговых судов, казаки двинулись из устья Дуная по Черному морю к Днестровскому лиману. Здесь они захватили корабль турецкого военачальника Гасон-аги. Далее казачья флотилия направилась к турецкой крепости Аккерман (Белгород-Днестровский), где захватила турецкое торговое судно, прибывшее из крымской крепости Кафы (Феодосия). После этого, дождавшись попутного ветра, казаки двинулись вдоль северочерноморского побережья к устью Днепра и пришли домой на Сечь.

1603 год.

Запорожские чайки видели в устье Дуная у турецкой крепости Измаил.

1606 год.

Летом казаки-запорожцы несколько раз ходили на чайках к дунайской турецкой крепости Килия и днестровской крепости Аккерман (Белгород-Днестровский), а затем вдоль западного черноморского побережья. Здесь им посчастливилось захватить в море 10 турецких торговых галер с экипажами, припасами и перевозимым на судах скотом.

1609 год.

Морской десант запорожцев на 16 чайках вошел в устье Дуная, захватил и опустошил турецкие крепости на дунайских берегах - Килию и Измаил. Потом вдоль черноморского побережья казаки поднялись к северу. Войдя в Днестровский лиман, казаки штурмом взяли турецкую крепость Аккерман (Белгород-Днестровский) и возвратились с добычей на Сечь.

1615 год.

Запорожцы совершили удачный налет на чайках на турецкие берега и вдоль болгарского и румынского побережий возвращались к родным берегам. Посланная вдогонку султаном флотилия у румынских берегов настигла флотилию казаков. Запорожцы решили принять бой на мелководье возле устья Дуная. Они успешно взяли на бордаж несколько турецких военных галер, включая судно командующего турецкой флотилией, который был

ранен и взят в плен. За него казаки хотели взять с турок выкуп в 30 тысяч акчей, но адмирал умер от ран ранее выкупа.

1619 год.

Запорожские казаки весной на чайках вышли в Черное море, несмотря на запреты польского правительства нападать в море на турок и крымских татар. Казаки дошли на запад до Днестровского лимана и поднялись по Днестру до турецкой крепости Тигина (Бендеры) в Молдове.

1621 год.

Казацкие чайки успешно атаквали поселения на турецком берегу под Константинополем. Султан передал турецкому адмиралу халил-паше приказ идти с эскадрой от крепости Килия на Дунае на перехват казацкой флотилии. При встрече казаки заманили турецкие суда на мелководье и, атакуя, потопили до 20 турецких кораблей. Турки преследовали казацкую флотилию до устья Дуная, где опять развернулось сражение. Здесь турки утратили еще до 20 кораблей, но и захватили несколько казацких судов. Пленных казаков-пиратов карали жестоко: часть раздавили слонами, других, привязав к галерам, разорвали на части, третьих закопали на берегу живыми, а около 40 запорожцев, посадив в лодки, облили смолой и сожгли посреди Дуная.

1625 год.

После недружных и неудачных совместных разбойных операций донцов и запорожцев на турецком побережье у Трапезунда и Синопа, последние на чайках отправились на запад вдоль побережий Турции, Болгарии и Румынии. На румынском побережье в устье Дуная казаки захватили несколько судов из подкрепления для турецкой эскадры. После этого началась битва с основными кораблями эскадры. На каждую турецкую галеру в числе 21 выходило по 15-17 чаек. Турецкий капитан-паша и его экипажи оказались готовы к жестокому бою. Из 350 чаек едва 30 добралось до берега, и казаки, спасая себя, ушли от турок. Испортившаяся во время боя погода помогла турецкому адмиралу и экипажам его галер, сражавшимся весьма отважно. В итоге турки потопили 100 чаек, а 172 казацких судна взяли в плен и вместе с 786 запорожцами доставили в Константинополь к султану.

В конце этого года по Куруковскому договору Польша запретила днепровской вольнице «воевать турков на море». Запорожцы попрятали чайки в ожидании проверки поляками их наличия.

1627 год.

Запорожцы на чайках напали на турок в устье Дуная, перебив от 3 до 4 тысяч, разграбили и сожгли все в округе на берегах. Немного позже казаки на чайках атаковали преследовавшую их турецкую флотилию и отбили, взяв в плен, 5 военных галер.

1628 год.

1800 казаков с атаманом Филоненко из Корсуня пытались взять штурмом на реке Днестр турецкую крепость Тигину (Бендеры).

1629 год.

Крупный отряд запорожцев вошел в воды Дуная и разрушил гавани турецких крепостей Килии, Измаила, Балчика.

1634 год.

Объединенный отряд донцов и запорожцев, выйдя с Дона и обойдя на чайках Крым, вышел на западном побережье Черного моря к устью Днестра, где разорил турецкую крепость Аккерман и в устье Дуная захватил крепости Килию и Измаил. После этого казацкая флотилия опять пересекла море на восток и возвратилась зимовать на Дон, где зимой сговорился кошевой атаман Иван Сулима с донцами про совместный поход на турецкую крепость Азов на следующий год.

1659 год.

В июне кошевой атаман запорожцев Иван Сирко организовал на чайках нападение на турецкую крепость Аккерман (Белгород-Днестровский) в Днестровском лимане и освободил у татар по пути в степях всех пленных и невольников, отпустив их по домам.

Глава 12. У черноморского болгарского побережья

1606 год.

Запорожцы под руководством кошевого атамана Петра Сагайдачного взяли на abordаж 10 турецких галер со всеми припасами в гавани Варны. Штурмом с моря овладели на болгарском берегу турецкой крепостью Варна. В их руки попало добычи на 180 тысяч червонцев.

1612 год.

На 60 чайках запорожцы атаковали на болгарском побережье турецкие

крепости Варну и Месембрий.

1620 год.

25 августа запорожцы на 150 чайках опустошают все западное побережье Черного моря, разграбив и предав огню на болгарском берегу турецкую крепость Варна.

1628 год.

Осенью запорожцы на 80 чайках напали на Андос (Бургас), захватили турок в плен и пограбили их имущество.

1629 год.

В мае 2000 запорожцев и донцов атаковали с Дона побережья крымских татар. После этого часть казаков ушла домой, а часть донцов и запорожцев, каждый отряд на трех стругах, двинулись на запад Черного моря к болгарским берегам. Во время высадки казацкого десанта на берег у города Созополя с моря неожиданно появилась турецкая эскадра в составе 15 каторг с 4300 янычарами на борту.

Половина казаков и все их суда попали в руки турок. 150 донцам и запорожцам удалось укрыться за стенами православного монастыря, и 8 дней они бились с янычарами. Вдруг с моря появились 80 чаек запорожцев по 40 казаков на каждой. Янычары побежали от монастыря на турецкие каторги. Пришедшие на помощь запорожские казаки отбили 150 осажденных донцов и запорожцев в монастыре и 2 каторги турецкие с янычарами взяли в плен. Остальной турецкий флот бежал к Константинополю. Узнав об этом, султан послал к Созополю новую эскадру из 14 галер. В поисках 80 чаек турки встретили в море у болгарского побережья, поблизости от своей крепости Варна, суда другого отряда запорожцев в числе всего 160 казаков. Турки половину казаков перебили, а оставшихся в живых привезли в турецкий плен.

В том году, возвращаясь с турецких берегов, еще один отряд запорожцев на болгарском побережье захватил турецкие крепости Варну и Созополь.

1630 год.

В мае казаки на чайках опустошили побережье возле Варны и Созополя. Визир Кенан-Паша выступил против них на 14 галерах, и возле острова Монастырь турки встретились с казаками. Казаки пошли от галер в камыши. Визир смог захватить только 7 чаек и с триумфом доставил их по морю в Константинополь.

1640 год.

Летом 6 запорожских чаек с казаками напали на предместья турецкой крепости Варна. Один из казаков в бою попал в плен к туркам и рассказал, что они вышли на море по Днепру без уведомления старшины на Сечи, за что и заплатились.

Глава 13. На татарских берегах Крымского ханства

1499 год.

Казаки с Днепра на судах вышли в Черное море и сделали нападение на татарские береговые порты Крымского ханства.

1523 год.

Атаман черкасских казаков Днепра Остафий Дашкович, убежав из татарского плена в Крыму, с отрядом днепровцев в Причерноморье объединился с кочевниками ногайской орды, враждебной Крыму. Воспользовавшись борьбой ханских наследников за освободившийся на время трон, казаки с ногайцами ворвались через Орскую линию (Перекопский перешеек) в Крым и разорили татарские юрты от побережья до побережья.

1528 год.

С началом весны атаман запорожцев, основатель первой Сечи Дмитрий Вишневецкий, воспользовавшись уходом хана из Крыма в поход на Московское царство, с флотилией чаек спустился по Днепру и вдоль побережья Северного Причерноморья прошел с казаками на восток под татарскую крепость Ор (Перекоп). Крепость не взяли, но на 6 верст в округе запорожцы перебили всех татар. А отряды атаманов Рожна и Рыхлика сумели отбить у перекопских татар 15-тысячный табун коней. После набега запорожцы спокойно возвратились в Сечь на М. Хортицу.

1559 год.

После неудачи овладеть Азовом казацкая вольница отступила от стен этой крепости, после чего на своих судах пересекла Азовское море и появилась под стенами крепости Керчь на крымских берегах. Атака казаков была также здесь отбита с помощью подошедших военных кораблей турецкой эскадры.

1560 год.

Атаман Д. Вишневецкий с Дона по Керченскому проливу на судах пере-

ходил с запорожцами, донцами и черкесами от Азова в Черное море и попросил атаковать турецко-татарскую крепость Кафу (Феодосия) на юго-восточном побережье Крыма. Нападение закончилось неудачей, так как другая часть турецкой военно-морской флотилии уже подстерегала казачий флот и сумела отбить такую атаку. Французский историк Ш. Лемерсье-Келькеже имел основания для версии, что сведения о намерениях запорожцев с донцами и черкесами могли быть добыты шпионами, посланными крымским ханом на Северный Кавказ в черкесские земли. Дело в том, что турецкий диван при султানে Турции неожиданно наградил не своих военачальников, а Синана, бея крепости Кафа (Феодосия) суммой в 30 тысяч акчей за какие-то важные услуги, оказанные турками при защите крепости Азов от объединенных сил запорожцев, донцов и черкесов племени «жане».

1561 год.

В начале года вольные казаки Запорожской Сечи и Дона вместе с теми же черкесами племени «жане» спустились на судах Доном и, пройдя параллельным основным фарватеру реки протоком, миновали турецкий Азов, овладели несколькими турецкими укреплениями на азовском и крымском берегах и достигли крепости Кафа (Феодосия). В случае успеха намерения казаков с черкесами направлялись в сторону грузинского побережья Черного моря (Мингрелия) и далее по турецкому черноморскому побережью Анатолии вплоть до Трапезунда. Турки подготовили военный флот из 20 галер для защиты крымских татар под Феодосией, самой феодосийской крепости и крепости Азов, а затем своих кавказских владений на грузинском побережье. Казаки с черкесами вынуждены были оставить свои разбойные, далеко идущие намерения в отношении турецких владений на грузинском берегу и азиатского побережья Турции.

1568 год.

В сентябре запорожцы, выйдя по Днепру на чайках к побережью Крымского ханства, взяли в плен 25 татар, 5 тыс. овец и 1 тыс. коней.

1572 год.

Атаман объединившихся верховых и низовых донских казаков Михаил Черкашин, у которого татарами был взят в плен и казнен сын, ворвался на стругах в Крым, захватив много пленных, в том числе 20 видных людей из окружения хана и шурина турецкого султана.

1575 год.

Крымский хан, воспользовавшись трехлетним безвластием на троне польского королевства, буквально опустошил украинские земли вплоть до Волыни. Новый атаман запорожцев Богдан Ружинский в свою очередь использовал отсутствие ханских войск в Крыму в связи с татарским походом в Молдавию и направил войскового есаула Нечая на чайках с 5 тысячами запорожцев в Черное море, блокировав татарские крепости Гезлев (Евпатория) и Кафа (Феодосия) до подхода казачьей конницы через Крым. Напав на город Ор (Перекоп) и взяв его штурмом, казаки выбили весь татарский гарнизон, разорили укрепления и предали крепость огню. Затем на южном берегу Крыма казаки с моря и с суши взяли приступом Кафу (Феодосия), предав все население уничтожению, грабежу и огню, оставив живыми только 500 пленных татар. Когда казацкие отряды двинулись на Бахчисарай и Гезлев (Евпаторию), то на реке Салгир были встречены знатнейшими мурзами крымского хана, просившими о мире. Получив богатые подарки, выкуп и 713 украинских пленников, атаман возвратился на Днепр.

1583 год.

Запорожский гетман Демьян Скалозуб получил тайное поручение польского короля попытаться выручить сотни плененных крымскими татарами земляков в результате внезапного набега. Гетман дал секретное поручение кошовому атаману Нечая обеспечить чайками 3 полка реестровых казаков под командой Ивана Богуславца и Карпа Перебийноса. Одному отряду надлежало пройти Днепровским лиманом и вдоль морского побережья до приморских крымских городов, запереть суда в гавани, выходящие из гаваней суда осматривать и забирать славянских пленников. Другому отряду - подойти к Перекопскому заливу повыше Сербулоцкой пристани. Гетман сушей должен был перейти Орскую (Перекопскую) линию.

Когда отряд на чайках вошел в Перекопский залив, то там сам гетман, заменив Перебийноса, перебрался на суда, а сухопутным войском стал командовать Яков Сурмило. Отплыв в море, гетман соединился с остальной частью флотилии и, назначив ей разные гавани крымские, сам поплыл в Керченский пролив, где надеялся застать самую большую переправу пленников в Турцию из Крыма. Но в заливе его неожиданно окружил турецкий военный флот. В длительном сражении Демьян Скалозуб был взят в плен с остатками своих казаков, доставлен в Константинополь, и там его уморили голодом. Иван Богуславец был захвачен турками в плен при блокаде его чайками города Гезлева (Евпатория). Сухопутные войска реестрового и запорожского казачества с Яковом Сурмило и Карпом Перебийносом возврати-

лись домой.

1587 год.

Атаман Захар Кулага на чайках пришёл с запорожцами на западный берег Крыма под Гезлев (Евпатория) и захватил прямо в порту несколько торговых турецких судов. После этого казаки напали на город, погромили сотни торговых лавок, позабирали товары, вырезали жидов и турок, но некоторых позабирали в плен на выкуп. Но им не повезло. Внезапно к городу подошёл крымский калга. Атамана Кулагу турки убили, несколько десятков казаков взяли в плен. Остальные казаки-пираты бежали на чайках в глубь моря.

1594 год.

Весной на море выходили на судах 1300 казаков во главе с гетманом Богданом Микошинским, которые дождались возвращения крымских татар из Московского царства и отбили 600 русских пленных.

1603 год.

Запорожские казаки по морю делают набег в Крым.

1606 год.

Кошевой атаман запорожцев Петр Сагайдачный приходит на чайках к сильно укрепленной крепости Кафа (Феодосия) и штурмом овладевает ею.

1608 год.

В октябре 3000 запорожцев сели в чайки и двинулись по Днепру, а затем вдоль северного черноморского побережья с намерением взять турецкую крепость Гезлев (Евпатория), где новый крымский хан Саятмет-Гирей присягал на ханский престол. Однако сильнейший шторм разметал казацкую флотилию. Лишь через 2 недели запорожским чайкам удалось собраться на острове Тендра. Сообразив, что хана в Гезлеве теперь уже нет, казацкая флотилия поплыла в восточном направлении к Крымскому перешейку, вход в который перекрывала сильная турецкая крепость Ор (Перекоп). Казаков возглавлял храбрый, мудрый и искусный в военных делах атаман Михаил Найманович.

Высадившись ночью на берег перешейка, с ранней зарей казаки двинулись на Перекоп, гарнизон которого состоял из 1400 турецких янычар и имел на стенах откатные орудия. Стремительный неожиданный штурм помог казакам быстро овладеть пушками и по пятам отступавших ворваться в город

Перекоп. Помимо добычи запорожцы освободили очень много пленников, предназначенных к отправке на продажу на южное побережье Крыма и в Турцию.

1609 год.

Запорожские казаки на чайках на южном берегу Крыма берут штурмом крепость Кафа (Феодосия).

1612 год.

В начале года запорожская флотилия из 60 чаек осуществила удачные нападения в Крыму с захватом городов Гезлев (Евпатория) и Бабодаг.

Осенью запорожцы совместно с донцами высадились десантом под крепостью Гезлев (Евпатория) и успешно громили поселения крымских татар по всему западному побережью полуострова.

1613 год.

Дважды казаки с М. Хортицы выходили в Черное море, и оба раза успешно. Запорожцы грабили черноморские города крымских татар. Когда по приказу турецкого султана его эскадра подошла к устью Днепра с целью отрезать путь возвращения казацким чайкам на Сечь, то она ночью неожиданно была атакована запорожской флотилией. Казаки отбили у растерявшихся, спавших турок 6 военных галер и ушли вверх по Днепру на Сечь.

1616 год.

Запорожский кошевой атаман Петр Сагайдачный с 2000 казаков после боя с турецкой эскадрой привел свою флотилию к южному берегу Крымского ханства к крепости Кафа (Феодосия), в районе которой пополнил свои ряды подошедшими с Дона 700 казаками. Объединенный отряд штурмом овладел крепостью, освободил множество украинских невольников, подогнанных на продажу за море, а крепость Кафу спалил.

1623 год.

24 июля 1000 запорожцев и донцов на 30 судах приблизились к крепости Керчь на восточном побережье Крымского ханства. Потопив один турецкий корабль и пленив многих татар, казаки стали готовиться к штурму города. В это время в Керчи находились 2 посланника из Московского царства, объявленных турками заложниками. Казаки оставили Керчь в покое и ушли в Черное море.

1624 год.

12 марта запорожцы на 80 чайках спустились по Днепру в Черное море и высадились на крымский берег вблизи Кафы (Феодосия), разгромили город и побили много татар.

1629 год.

В мае около 2000 донцов и запорожцев с Дона напали на крымский город Карасу-базар и окружающие селения татар. После этого часть казаков возвратилась на Дон.

1630 год.

В марте на Дон прибыло 500 запорожцев с предложением донцам захватить турецкую крепость Керчь на восточном побережье Крыма. Вместе с 1000 донских казаков на 28 стругах в апреле состоялся набег. Однако потеряв под стенами Керчи около 100 казаков убитыми и ранеными, вынуждены были отступить.

1631 год.

Летом запорожцы и донцы в составе 1500 казаков двинулись с Дона в Крымское ханство. Вначале громили татарские улусы в окрестностях Керчи, а в августе вдоль крымского побережья прошли и овладели Инкерманом (в Севастопольской бухте), затем крепостью Гезлев (Евпатория) и окрестными поселениями.

Крымский хан Джанибек-Гирей приказал отрезать казаков, и 800 татар напали на них неподалеку от Мангула. Казаки разбили татар и захватили у них 2 пушки. Затем направились к столице хана Бахчисараю и, разгромив его предместья, снова овладели Инкерманом.

К этому времени из Турции прибыло подкрепление татарам, преградившее казакам проход через Керченский пролив обратно на Дон. Тогда донцы с запорожцами пошли с моря вверх по Днепру на Сечь. Из Сечи на Дон пришло 500 донцов, а часть их осталась зимовать у запорожцев, что было обычной практикой.

1633 год.

Запорожский полковник Павел Енков привел зимой на Дон более 400 казаков и вместе с донцами сделал набег на Крым.

1638 год.

В начале мая с Дона, куда прибыло 10 тысяч запорожцев, вышло в море

75 стругов по 70-80 казаков в каждом для морского разбоя в Крыму под Кафой (Феодосией) и в других местах.

В конце мая казацкая флотилия вернулась в захваченный казаками Азов, добыв татарских «языков» в Керченском проливе.

1640 год.

26 августа на 25 стругах донцы и запорожцы ходили в разбойный набег на татарские юрты крымского побережья Азовского моря.

1645 год.

20 апреля из Дона в Крым пошли донские казаки на 34 стругах - всего 2 тысячи человек. В море к этому отряду присоединились запорожцы на 30 чайках. Затем из устья Днепра прибыли запорожцы еще на 20 чайках. Пытались овладеть Керчью, но безрезультатно.

1646 год.

24 августа на 37 стругах донцы и запорожцы пошли через Азовское море на татарский Крым к Казанрогу. Однако поднявшийся шторм в Азовском море понес казацкие суда вдоль Гнилого моря (Сиваш) к Бирючьей косе. Крымские татары засекли казаков, и флотилия вернулась на Дон.

1648 год.

600 запорожцев на чайках пошли к побережью татарского Крыма. На реке Тонкие Воды встретили крымчаков, возвращавшихся с большой добычей из Украины. Казаки, перебив 50 татар, пятерых взяли в плен, отбили всех пленников.

1649 год.

С началом освободительной войны украинского народа против польско-го королевства под руководством гетмана Зиновия Богдана Хмельницкого в союзе с крымскими татарами, предложившими запорожцам военную помощь, морской разбой и пиратство запорожцев и донцов против татар и турок прекращается на 5 лет до 1654 г.

Однако донские казаки, воспользовавшись походом на Украину в помощь Б. Хмельницкому, организовали морской поход на крымское побережье и пограбили его. Гетман Б. Хмельницкий шлет суровый ультиматум донцам, чтобы они больше не ходили в море, чтобы не испортили «вечного братства» с крымским ханом в войне с поляками. Донцы послали к гетману своего посланца, прося не запрещать им ходить в море и посылать своих казаков

против Крыма. Гетман пригрозил войною. Чтобы успокоить хана, гетман организовал поход своего сына Тимофея с полковниками каневским и черкасским на Дон с Полтавы через Орчик, Берестов, Орель, Самару, Волчьи Воды, Медвежьи Воды, Терновку, Калын, Крымки и до реки Миус. На Миусе запорожцы и донцы стояли 2 недели и вели переговоры с донским атаманом Корнилой Белгородцем. Донцы привезли 40 мешков муки и 4 бочки вина, рыбу с Азова и питье. Приняли решение: «Войско казачье на войско казачье никогда не ходит». Назад шли через татарские улусы, где их татары кормили, чтобы весть о походе дошла до хана. Через посла хан вскоре уведомил гетмана Хмельницкого, что «гетман на Дону», видно, завернул своих казаков от походов на Крым.

1654 год.

В начале лета был организован с благословения З. Б. Хмельницкого, разорвавшего договор с крымским ханом и заключившего союз с Московским царством, совместный морской поход против татар. 3000 донцов и запорожцев во главе с походными атаманами Павлом Чесночихиным и Семеном Ворчуном на 43 судах вышли в Черное море. Высадившись на юге Крыма, казаки взяли штурмом крепость Судак. Опустошив город и окружающие татарские поселения, казаки двинулись к Кафе (Феодосии). Гарнизон не выдержал штурма. Казаки уничтожили крепостные укрепления. Кроме того, казаки захватили 2 торговых судна с пшеницей и разными товарами, прибывших в Кафу из Константинополя.

1656 год.

В черноморском походе с Дона приняло участие 2000 донцов и запорожцев. Возле Гезлева (Евпатория) казаки отбили 200 плененных татарами украинцев и русских и сами взяли в плен 600 турок и татар.

1657 год.

Прибывшие на Сечь 300 донцов с атаманом Михаилом Лукьяновым вместе с запорожцами пошли в Крым за «языками», но неудачно. Атаман, оставив 20 донцов в Сечи, вернулся на Дон.

Запорожцы с этими донцами ходили под крепость Очаков и на восток вдоль черноморского побережья - к крепости Перекоп. Везде пожгли предместья крепостей.

В следующем походе запорожцам и донцам удалось захватить 5 турецких торговых судов.

1663 год.

Запорожцы на стругах, поставленных из Москвы новыми союзниками, вышли в Черное море и 3 дня и 2 ночи сражались с кораблями турецкой эскадры. Бой оказался настолько неудачным, что казаки, уничтожив струги, вынуждены были отступить по суше на Сечь.

Глава 14. У турецкого побережья Черного моря

1575 год.

Этот известный набег на турецкие берега через Черное море был совершен морской флотилией чаек есаула Нечая по распоряжению первого официального гетмана запорожских казаков, а тогда еще атамана Богдана Ружинского, к городам, покупавшим украинских невольников у крымских татар. Во время захвата турецкой крепости Кафа (Феодосия) Б. Ружинский узнал о недавней продаже пленников в Турцию. Атаман с добычей и сухопутным казацким войском возвратился на Сечь. Казаки Нечая, удачно перейдя море, внезапно напали на беспечно жившие города-порты анатолийского побережья Трапезунд и Синоп. Добыв из плена соотечественников и много ценного имущества, запорожцы предали оба города и многие малые турецкие поселения побережья разрухе и огню.

1576 год.

Наградив казацкого атамана Богдана Ружинского впервые официально гетманскими клейнодами за морские победы над татарами в Крыму и над турками на побережье их империи, новый польский король Стефан Баторий поручил казацкому гетману Б. Ружинскому сделать набег в тыл турецких земель, чтобы отвлечь турецкие войска, которые напали на дунайских славян - болгар, македонцев, сербов, черногорцев, боснийцев, хорватов и продвигались в Центральную Европу. Гетман пустил чайки атамана Нечая с 3000 казаков вдоль крымских и кавказских берегов Черного моря, а с остальными казаками двинулся через Приазовье к донским казакам, прошел мирно через земли кавказских черкесов. Потом, выйдя на черноморское побережье Кавказа, вместе с флотилией атамана Нечая стал громить и жечь земли горцев, подвластных туркам. Затем казаки пришли по берегу в турецкую Анатолию, разграбили и выжгли предместья Синопа и Трапезунда и дошли по турецко-

му побережью Черного моря до предместий Константинополя, которые также разграбили и сожгли. Переправившись с помощью запорожской флотилии чаек и захваченных турецких судов через пролив Босфор на европейский континент, вступили на землю болгар. Болгары провожали казаков вдоль своего побережья до самого Дуная, всячески помогая припасами.

1595 год.

Возле побережья турецкой крепости Синоп на анатолийском побережье Черного моря запорожцам с помощью скрытно передвигавшихся под водой чаек специальной конструкции удалось захватить порт.

1614 год.

Весенний поход запорожцев в Черное море оказался неудачным: шторм раскидал казацкие чайки в разные стороны. Часть из них затонула, другие пронесло через все море и выкинуло на анатолийское побережье Турции. Там запорожцам пришлось принять неравный бой, в котором их частично перебили, а частью забрали в плен.

Но в июле запорожцы рискнули на отчаянный переход морем на 40 чайка» на анатолийское побережье к городам Трапезунд и Синоп. Разграбив под Трапезундом окружающие селения турок, казаки двинулись на крепость Синоп.

Как описывает турецкий историк Наима, казаки-пираты «напали на крепость Синоп, сооруженную на берегу анатолийскому и по причине ее роскошных окрестностей известную под названием «город влюбленных», захвативши здешний старинный замок, вырезали стражу, ограбили и опустошили дома мусульманские...». Кроме того, был уничтожен военный арсенал турок, сожжено все, что было там, - большие корабли, галеоны и галеры общей стоимостью на 40 миллионов акчей.

Затем казаки, воспользовавшись растерянностью местной власти, успели погрузить свою добычу на чайки и пустились через море в обратный рейс.

Турецкий султан, узнав про набеги запорожцев на Синоп, в гневе приказал повесить главного визиря Наух-пашу, а бейлербею Румелии Ахмет-паше поручил перехватить казацкую флотилию в устье Днепра. Для усиления военной экспедиции из Аккермана с Днестровского лимана в крепость Очаков при впадении Днепровского лимана в Черное море были переброшены пушки и 4 тысячи янычар, а из Константинополя пошла к Очакову турецкая эскадра Али-паши.

Запорожцы, предвидя такой ход событий, разделились надвое. Одна

часть казаков пошла через турецкий заслон по Днепру, а другая - по суше на восток от Очакова. В боевых стычках с турками в плен попало около 20 запорожцев, которых султан выдал для казни жителям анатолийских городов.

1615 год.

80 запорожских чаек с казаками приплыли под стены турецкой столицы Константинополя, гарнизон которой насчитывал 24 тысячи янычар и 6 тысяч спагов. Казаки, высадившись на берег между столичными портами Мизевной и Аркиокой, сожгли гавани и благополучно повернули назад. Султан приказал догнать казаков, но безуспешно.

1616 год.

Осенью 2000 запорожцев собрались атаковать Самсун на анатолийском побережье. Однако шторм отнес чайки к Минеру. Казаки вошли в порт и потопили там 26 торговых галер. Выйдя на берег, казаки неожиданно зашли с суши в тыл крепости Трапезунд и заняли ее. Адмирал Циколи-паша с флотилией из 6 крупных галер и многих меньших кораблей попробовал атаковать казацкий флот. Запорожцы приняли бой и выиграли сражение, потопив 3 турецкие военные галеры. Узнав, что на входе в Днепровский лиман им приготовлена засада в виде эскадры Ибрагим-паши, казаки стали двигаться от Трапезунда вдоль анатолийского побережья Турции на запад. Снова темной ночью овладели крепостью Синоп и затем продвинулись вдоль турецкого берега вплоть до пролива Босфор. За это султан покарал смертью главного визиря Насыр-пашу.

Казацкие чайки от Босфора взяли курс через Черное море не к Днепровскому лиману, а на Азовское море. Не доходя до крепости Азов, поднялись в Приазовье речкой Молочной, после чего подтянули чайки в Конку - приток Днепра.

1617 год.

Новый гетман запорожцев Дмитро Барабаш, объединив силы с казаками Дона, повел казацкие чайки прямо на столицу Турции Константинополь. Встретив в море турецкий флот и вступив в бой, казаки одержали победу, наведя страх на турецкую империю. Султан стал угрожать войной как польскому королю, так и слабому после «смутного времени» Московскому царству, полагая вольных запорожцев подданными короля, а вольных сынов Тихого Дона - подданными царя.

1620 год.

В начале весны на 300 чайках запорожцы атакуют турецкое побережье. С 9 августа повторяют раз за разом набеги в Турцию, захватывая огромную добычу.

1621 год.

Весной 400 запорожцев пришли на Дон и вместе с 1300 донскими казаками двинулись на донских стругах через Черное море к городу Риза. В этот раз объединенный казачий поход был неудачным. Казаки понесли большой урон при штурме турецких укреплений, а также при отступлении в морском бою с 27-ю преследовавшими их турецкими галерами. На 8 оставшихся стругах вернулись из похода менее 300 донских казаков и около 30 запорожских.

Другой морской набег казаков в июне-июле на турецкое побережье близ столичного Константинополя был блестящим. Всего на 16 чайках казаки разорили и сожгли все селения на берегу в течение двух дней. После паники и неразберихи в столице 3 галеры и 40 фрегатов и кораблей двинулись через пролив Босфор преследовать казаков, грабивших очередное турецкое селение на берегу, но побоялись приблизиться, стреляя издалека.

Осенью на Черном море одновременно действовали морские десанты общим числом до 10 тысяч запорожцев. При этом потопили казаки 12 турецких кораблей.

1622 год.

С наступлением весны 300 запорожцев выступили на помощь 1500 донцам, которых в отличие от запорожских казаков враги называли рыжеволосыми. К ним на 5 судах присоединились днепровские казаки из Черкасс числом в 150 человек. По пути к Константинополю запорожцы на чайках захватили в море турецкое судно. 1 мая, прибыв на турецкие берега, сводный казачий отряд захватил сразу несколько турецких кораблей. 12 июня казаки появились на 30 судах в 60 км от столицы по анатолийскому побережью с попыткой захватить город Кадриа, расположенный в 24 км от черноморского берега, но захватили только около тысячи пленников в Карамусали.

18 сентября 4 казачьи чайки курсировали вдоль анатолийского побережья Турции.

1623 год.

С ранней весны турки готовились к боям с казаками на Дунае и западном побережье Черного моря. Казаки же появились летом на 300 чайках на анатолийском побережье Черного моря возле турецкого города Трапезунд. Здесь они сожгли предместья, захватили в плен турецких купцов, очень много цен-

ного имущества, включая корабли и пушки.

9 июля на 100 чайках к столице турецкого султаната приплыли 6000 запорожцев. Они сожгли 2 квартала города, но потом были разгромлены турецкими войсками и бежали в море.

1624 год.

20 июля казаки на 100 судах разгромили большой город Неокорнис вблизи Константинополя. Пробыв там 10 часов, казаки не утратили ни одного человека.

В начале августа казаки вновь направились к столице империи Османов флотилией в 102 чайки. Турецкая эскадра из 25 военных галер и 300 мелких кораблей попыталась перехватить запорожскую флотилию еще на выходе из Днепровского лимана в Черное море. Однако запорожцам во главе с будущим гетманом Григорием Черным в итоге горячих сражений в течение нескольких дней удалось прорваться в море.

Осенью 150 чаек из-за штормовой погоды около месяца вынуждены были задержаться с выходом в море неподалеку от турецкой крепости Очаков. В результате запорожцы стали страдать от недостатка провианта. Часть из них возвратилась на Сечь. Остальные, дождавшись в начале октября хорошей погоды, пересекли Черное море и приплыли к предместьям турецкой столицы. Вскоре с большой добычей казаки вернулись домой на Сечь.

1625 год.

Несмотря на заблаговременную отправку из Турции в крымскую Кафу (Феодосия) эскадры Реджиб-паши для перехвата галерами казачьего флота и недопущения его к турецкой столице, турки прозевали выход 350 чаек в море с 10 тысячами запорожцев к Трапезунду. Там их уже ждали на стругах 2 тысячи донских казаков, осаждавших крепость. Преждевременный штурм донцами не принес успеха и общим силам казаков, что привело к размолвке между донцами и запорожцами. Далее каждый отряд казаков действовал сам. Казаки разгромили около Трапезунда 250 селений. После чего донцы на стругах вернулись на Дон.

1626 год.

Весной 60 казачьих чаек в море встретились негаданно с турецким флотом. Турецкие корабли захватили 30 чаек и повели их ко дворцу султана в Константинополе. Остальные запорожские суда разбежались по морю. Небольшая флотилия из них в 12 чаек под главенством Мыська была за Тра-

пезундом обнаружена турецким флотом и загнана в Мингрелии (Грузия) к устью реки Риони. Видя безвыходность положения, 300 казаков сошли на берег и с помощью судов создали укрепленный лагерь. Однако силы были неравны, турки разгромили укрепление и перебили запорожцев.

Другой совместный поход в начале весны организовал бежавший из турецкого плена и живший на Дону запорожский полковник Алексей Шафран. На 8 стругах в числе 400 казаков за месяц до Пасхи вышли через Азовское море и Керченский пролив, пересекли Черное море и взяли на турецком побережье крепость Трапезунд. Затем благополучно с добычей возвратились на Дон. В тот же год Алексей Шафран на двух стругах, а с ним 100 донцов и запорожцев опять пересекли два моря, разгромили на турецких берегах селения и благополучно пришли на Дон.

Неудачно закончилась летом совместная попытка донских казаков и запорожцев на 70 стругах с Дону пересечь Черное море и высадиться в Турции у Босфора. В Черном море казацкую флотилию перехватили турецкие галеры. Казаки потеряли в бою 25 судов и вернулись восвояси.

Осенью 2000 донцов и 10000 запорожцев на 300 стругах пересекли Черное море, идя с Дона, и на турецком берегу захватили крепости Трапезунд, Синоп и другие города. Им далее не повезло. Через эти места в войне против персидского шаха двигалась регулярная турецкая армия под Багдад. В неравном поединке с турками донские казаки потеряли 500 человек, а запорожские - до 800 человек.

Запорожцы на своих судах пришли к проливу Босфор, грабя и сжигая все селения на западном и восточном берегах пролива. Ужас охватил турок в Константинополе: в порту не было галер, чтобы отогнать казаков. По-быстрому турки вооружили мелкие суда - фанки, кимберсаи и другие. Большими железными цепями перегородили акваторию Босфора. Казаки расположили свои парусники полумесяцем посредине пролива против 400-500 турецких малых судов. Такое противостояние длилось до захода солнца. После этого казацкая флотилия с большой добычей ушла в море. Но через несколько дней казаки возвратились к побережью у входа в Босфор. 3 или 4 дня кружили их суда возле морского побережья пролива. Разграбили все селения на берегу и сожгли все турецкие маяки, после чего ушли в море совсем.

1627 год.

Весной запорожцы на 86 чайках вышли в море, где соединились с донцами и атаковали черноморские берега Турции, подойдя к самой столице Константинополю. Здесь захватили и разграбили многие города, селения и пере-

били в них турецкое население.

1628 год.

С мая запорожцы на 80 чайках под парусами напали на турецкое побережье, пограбили и опустошили. Затем долго бродили на чайках по морю, парализовав турецкое торговое судоходство.

1629 год.

Отряд запорожцев на чайках по Черному морю пришел к Константинополю и опустошил его предместья, взяв богатую добычу.

1630 год.

Летом совместный отряд запорожцев и донцов на 150 стругах с Дона пересек Черное море и под Трапезундом взял добычу и много плененных турок.

1632 год.

Летом состоялся совместный поход запорожцев и донцов с Дона через Черное море на Синоп. С богатой добычей казачья флотилия возвратилась по Днепру на Сечь. Оттуда часть донцов степью на возах добралась в донскую столицу Черкасск, а часть зазимовала у запорожцев.

1635 год.

20 апреля 34 струга донцов с атаманом Алексеем Ломом и 30 чаек атамана запорожцев Ивана Сулимы вышли по Дону в Азовское море, где соединились еще с 20 чайками приплывших запорожцев. Весной и летом казаки 5 раз делали смелые вылазки через Черное море на турецкое побережье, но не всегда удачно. Так, в мае 7 чаек с Днепра прорвались в море и дошли до берегов пролива Босфор. Казаки много забрали у турок имущества. Турецкие галеры погнались за ними и взяли в плен 2 чайки, которые выбросились на берег.

1641 год.

За две недели до Пасхи донцы и запорожцы выслали в море разведку - 600 казаков на стругах во главе с Тимофеем Яковлевым, а затем на 5 стругах еще 300 казаков во главе с Михаилом Тараном. Этот отряд казачий прошел по Черному морю к городу Риза на турецком побережье. Но возвратиться в Азов казачья флотилия не могла, так как устье Дона было преграждено турецкими галерами (каторгами).

1643 год.

На Черном море казаков - донцов и запорожцев, шедших на промысел из Дона тропой разбоя, - встретила огромная турецкая эскадра из 90 каторг. Битва с переменным успехом и перерывами длилась два месяца, пока у казаков не кончились порох и свинец. После этого турки часть казаков перебили, а часть взяли в плен.

1644 год.

В октябре запорожцы, возвращаясь из заморского похода к турецким берегам на 30 чайках, зашли на Дон.

1646 год.

Весной запорожцы вместе с донцами на 200 стругах и 80 чайках двинулись по Черному морю к турецкому побережью. Они взяли штурмом город Трапезунд, а затем Адрианополь и еще ряд городов. Турецкий султан выслал против казаков эскадру из 50 каторг.

1647 год.

Летом донцы с пришедшими к ним запорожцами на 35 стругах ходили в Черное море, где потеряли 4 струга с казаками.

1649 год.

Донские казаки, воспользовавшись походом на помощь З.Б. Хмельницкому против поляков, организовали морской разбой и пограбили населенные пункты турецкого побережья. Гетман в письме донцам поставил суровый ультиматум не ходить больше на море, не портить ему отношений с ханом и султаном, союзниками против поляков, пригрозив, что в случае ослушания пошлет на Дон войска.

Глава 15. В низовьях Дона на выходе в Азовское море

1502 год.

По приказу турецкого султана «Всех пашей казачьих и казаков доставить в Константинополь» крымский хан Менгли-Гирей выступил с татарами против казаков, живших в Приазовье, и занял город Асак (Азов). Казаки были вытеснены из Азова и устья Дона вверх по течению и обосновались при слиянии Дона и Северского Донца.

1559 год.

В мае отряды вольных донцов с атаманом Михаилом Черкашиным и запорожцев с атаманом Дмитрием Вишневецким, спустившись на судах к низовьям Дона, осадили турецкую крепость Асак (Азов) - военный форпост Оттоманской империи на севере, закрывавшую казакам выход в Азовское море. Осада была неудачной, крепость устояла.

1569 год.

Используя свой военный форпост в устье Дона крепость Азов, турецкий султан начал очищать Дон от казаков с последующим захватом по Волге Казани и Астрахани, занятых Московским царством. В Крыму было собрано 90 тысяч войск, из них 70 тыс. крымских татар, под начальством турка Касим-Паши и татарского хана. Суда с пушками шли от Азова вверх по Дону до Переволоки (излучина Дона, максимально сближающая его с Волгой по притоку донскому Иловля и притоку волжскому Камышинка). При наступлении турецко-крымской армии донские казаки оставляли городки и уходили к московским стрельцам на Астрахань. По просьбе московского царя Ивана Грозного атаман запорожцев Богдан Ружинский с 5000 казаков из Сечи и Черкасс пошел на помощь на нижнюю Волгу к Астрахани через Бахмут и Переволоку, где соединился с донцами. Турки рыли судоходный канал в степи между реками Иловля и Камышинка, пытаясь соединить Волгу с Доном (в поселке Петров Вал сохранились до наших дней остатки канала и валы, под названием Турецкий - авт.). Касим-Паша приказал прекратить рытье канала между Доном и Волгой и тянуть суда по суше с Дона на Волгу и плыть на Астрахань. Подойдя к Астрахани в сопровождении с севера объединенного отряда днепровских и донских казаков, Касим-Паша велел строить турецкую крепость. Но турецко-татарская армия оказалась в астраханской степи в окружении казаков, блокировавших подвоз продовольствия и связь с волжскими татарами. Несмотря на строгий приказ турецкого султана взять Астрахань, построенные укрепления были сожжены, а войска турок и татар в окружении казаков двинулись обратно в Крым. Прямой путь по реке Маныч на крепость Азов был перекрыт казаками, и армия Касим-Паши пошла безводной степью, обходными путями. В Крым дошло всего 16 тысяч войска.

Донские казаки возвратились на освобожденный от турок и татар Нижний Дон, восстановили свои прежние городки и прочно укрепились на своих землях в низовьях Дона.

Часть днепровских казаков из Черкасс, недовольная разделом атаманом Б. Ружинским военной добычи с запорожцами, отделилась из отряда Ружинского и осталась в понравившихся им низовьях Дона. Многие расселились по донским городкам и островам, где основанное ими селение Черкасск превратилось впоследствии в столицу Всевеликого Войска Донского до 1805 г., когда войсковой атаман Матвей Платов отстроил на притоке Дона реке Тузлов новую донскую столицу Новочеркасск.

1560 год.

В июле казачья вольница из числа запорожцев и донцов вместе с привлеченными Дмитрием Вишневецким кавказскими черкесами племени жане, спустившись на судах по Дону, снова попытались штурмовать турецкую крепость Азов. Штурм не увенчался успехом в связи с прибытием по Азовскому морю 7 военных кораблей турецкой эскадры с войсками на борту.

1574 год.

Объединившись, донские и запорожские казаки сделали нападение на турецкую крепость Азов, разгромив её предместья.

1589 год.

Казаки атамана Матвея Федоровича, спустившись по Северскому Донцу и Дону, весной захватили предместья турецкой крепости Азов и пограбили их.

1614 год.

Осенью запорожцы объединили силы с донцами, сходя на судах на Дон. Возвращаясь из совместного морского похода на 60 судах, недалеко от крепости Азов напали в Азовском море на эскадру турецкого военачальника Ибрагим-паши. Турецким морякам удалось взять в плен до 40 казаков - донцов и запорожцев.

1626 год.

Гетман Михаил Дорошенко вместе с реестровыми казаками польского короля весной уничтожил в Запорожской Сечи рыболовные лодки, не найдя спрятанных чаек. Однако по призыву донских казаков запорожские казаки объединились на Дону против турецкой крепости Азов. Отряд числом в 2000 казаков - донцов и днепровцев - осадил крепость Азов, но не взял, а лишь уничтожил предместья.

1627 год.

Весной на 86 чайках запорожцы вышли в море вместе с донцами. Действия под Азовом не удались.

1633 год.

Атаман запорожцев Иван Сулима на чайках по Днепру обошел Крым и вошел в Азовское море, атаковав турецкую крепость Азов. Саму крепость казаки не взяли, но окрестности пограбили сильно.

1634 год.

30 запорожских чаек во главе с Иваном Сулимой тем же путем, что и в прошлом году, войдя в Азовское море, пробовали штурмовать турецкую крепость Азов вместе с сотней донцов. Штурм с использованием пушек длился 4 дня, но успеха не принес.

1635 год.

Возвращаясь на Дон после разбоя в море, казаки Лома и Сулимы попытались штурмовать, но не смогли взять крепость Азов, гарнизон которой был сильно укреплен султаном.

1637 год.

9 апреля в Монастырском яру, что в четырех верстах ниже Черкаска, состоялся войсковой Круг донских казаков. В марте на Дон пришло до 1000 запорожцев с женами и детьми, притесненных вконец поляками, в надежде на переход на службу к персидскому шаху, воевавшему с Турцией. Донцы пригласили на Круг запорожцев, где предложили не искать счастья в далеких краях с иной верой, а взять вместе турецкую крепость Асак (Азов), чем открыть свободный путь в Азовское и Черное моря с Дона.

Осада Азова длилась 2 месяца и завершилась впервые взятием этой сильной турецкой крепости. Запорожцы-подрывники во главе с Иваном Арадовым сделали подкоп под крепость и взрывом образовали в крепостной стене пролом шириной около 20 м. Казаки расположили в крепости свой гарнизон. Началось историческое «Азовское сидение» казаков.

1638 год.

В апреле из Азова на 40 стругах отправились под Томань 2000 казаков для боя с 42 каторгами, но бой был неудачным. Летом запорожцы на 53 чайках вошли в устье реки Кубань, но были окружены 40 галерами и сухопутными войсками турок и татар, прибывших после взятия Азова из Очакова и из Крыма. 7 дней длилось преследование казаков, в ходе которого погибло много донцов и запорожцев и почти все чайки уничтожены, а 250 запорожцев взято в плен.

1640 год.

Ранней весной казацкая флотилия в 23 струга во главе с запорожцем Андреем Гуней, жившим в Азове, возле Керченского пролива вступила в бой с 40 турецкими каторгами, блокировавшими путь к Азову. Две галеры удалось потопить. В Азов приплыли с пятью татарскими «языками». В мае 1500 казаков на 36 стругах вступили в бой с кораблями турецкого флота, блокирующего Азов в составе 80 каторг и 100 мелких боевых судов. За 3 недели боев казаки утопили 5 каторг вместе с пушками. Но и турки разбили около 30 стругов.

В тот же год казацкий гарнизон Азова, на помощь которому подоспело 4000 запорожцев и донцов, выдержал 14-недельную осаду турецких войск и флота. Последний состоял из 100 каторг больших, 80 крупных кораблей и 90 малых военных судов. В турецком флоте было еще 20 больших кораблей, на которых имелось 100 стенобитных орудий с порохом и специальными ядрами. После 24 штурмов 27 сентября, в преддверии зимы, турки сняли осаду и ушли из-под Азова. Под стенами Азова турецкий султан потерял 7000 янычар, 3000 спагов и всю их конницу и 800 прочих союзников из числа молдаван, румын и крымских татар.

1641 год.

За две недели до Пасхи донцы и запорожцы из Азова на 12 стругах - всего 600 казаков - под началом атамана Яковлева наловили татарских «языков».

1642 год.

Земский собор московского царя принял решение не поддерживать осажденных казаков в крепости Азов. Казаки оставили крепость туркам, чтобы не обострять отношения Москвы с султаном, победоносно закончившим войну с персами. Турецкий султан повелел возвести новую крепость напротив Азова на крупном протоке Мертвый Донец. Однако завезенный на турецких

судах лес «на городовое дело» казаки сожгли.

1644 год.

В октябре пришло с моря 34 судна с запорожцами на Дон. Объединившись с донцами, пошли на штурм укрепленного турками Азова. В том приступе они побили много турок, но крепость не взяли, а предместья все разорили.

1646 год.

В ноябре казаки донские на стругах выходили в море за «языками» турецкими и татарскими.

1647 год.

За две недели до Пасхи 1500 донских казаков на 50 стругах ходили за «языками» в трех направлениях по Азовскому морю: под Темрюк на кавказском побережье, под улусы татар на крымском берегу и на запад под Арбаток (Аработская коса). Привели на Дон до 30 «языков».

1655 год.

15 июля 2030 донцов и 700 запорожцев на 34 стругах штурмом овладели важной стратегической крепостью Таманью на кавказском побережье и 2 месяца держали в страхе татар Крыма.

1656 год.

Летом под Азовом собралось 3000 донцов и запорожцев. Штурм был неудачным: погибло 1500 казаков, а донской атаман Павел Федоров попал к туркам в плен.

Глава 16. На побережье Балтийского моря

Польский король Владислав IV весной 1635 г. мобилизовал свое войско на войну со шведами в Пруссии и сам прибыл туда. В королевском окружении в связи с отсутствием польского флота вспомнили о морских разбойных подвигах на юге запорожских казаков, которым было запрещено нападать на Крымское ханство и турецкий султанат во избежание войны на два фронта (в Прибалтике и Причерноморье) и которые систематически пренебрегали королевским запретом. Королевское окружение задумало использовать богатый боевой опыт казацкого пиратства против шведского флота и портов в

Пруссии.

Дело в том, что еще в 1621 г., а затем в 1626 г. казаки сами предлагали свои военно-морские услуги королю в войнах со шведами. Но в то время этот проект не нашел в придворных кругах понимания. Поляки ссылались на трудности с переправой запорожских чаек на Балтийское море, на незнание казаками особенностей этого моря и побережья и т. п. отговорки.

Теперь поляки поверили в действенность проекта. Несмотря на только что принятое сеймом постановление, чтобы украинских нереестровых казаков не привлекать к военной службе, король Владислав IV в мае дал поручение Константину Вовку, одному из известных казацких старшин, набрать для прусской кампании против шведов 1500 казаков из числа вольных и привести их в Пруссию. Одновременно привлечь казацких мастеров кораблестроения, чтобы быстро построить казакам на реке Неман 30 чаек. Кроме того, должны были поставить королю 500 вольных казаков в союзное войско литовское.

От К. Вовка долго не было вестей с Сечи, и 5 июля король написал на Украину о том, что если Вовку не удалось набрать вольных казаков, то взять 1000 из семи тысяч реестровых, но хорошо знакомых с морскими операциями, и прислать на реку Неман под началом какого-либо солидного полковника, способного не позволять казакам по дороге своевольничать. Однако вскоре объявился К. Вовк с запорожцами. Король заторопил своих министров с постройкой судов. В результате к прибытию 1500 казаков мастера вместо 30 сумели соорудить только 15. Но мастера подсказали, что в городке Кролевец видели у местного населения суда подобного типа, которые способны заменить недостающие чайки. Король приказал реквизировать местные суда и обшить камышом подобно казацким чайкам.

Король и его двор возлагали большую надежду на действия импровизированной казацкой флотилии в Балтийском море. Увидев это, английский и французский послы усилили посредническую деятельность между Швецией и Польшей, склоняя к договору. Австрийский посол по-прежнему склонял польского короля к войне за шведский престол.

К. Вовк привел запорожцев на прусскую границу где-то в начале июля, причем провел казаков через Литву в большом порядке, без случаев грабежей местного населения, чего все опасались. Часть казаков была на конях, а часть пешими. До городка казаки шли отдельными отрядами. От городка конные казаки пошли лесной дорогой к ожидавшим их судам, а пешие поплыли на лодках рекой днем и ночью до Ковно, где казацкую старшину встретили горилкою и медами. Мещане охотно угощали казаков едой с напитками. В

тот же день Неманом казаки ушли под Юрбург на прусскую границу, где ждали их готовые чайки, сделанные за счет короля Владислава IV, и реквизированные недостающие до потребного числа суда местной постройки, отделанные внешне под чайки. Из устья Немана запорожская флотилия пошла морем под Кролевец.

Ночью остановились казаки на чайках у Пилавы, что на проливе из Висленского лимана в Балтийское море. Когда рассвело, то флотилия возникла перед очами шведских моряков, которые вначале остолбенели, а потом открыли огонь ядрами из орудий. Но расстояние между казаками и шведами на воде было достаточное. Наконец шведы послали парламентаров спросить, что это за флотилия, чьи люди и по какому приказу прибыли, чего хотят. Запорожские казаки спокойно разъяснили, кто они, что пришли по приказу польского короля и ждут его дальнейших распоряжений. Вскоре казацкие чайки плавали по всему заливу. А потом словно по незримому приказу ринулись на шведский военный корабль и взяли его на abordаж. Захват корабля, наполненного амуницией и провиантом для шведского войска, очень напугал шведов. Жители Пилавы и шведы на берегу никак не могли поверить, как такие малые суда, оплетенные вязанками сухого камыша, способны устоять в разъяренном море. Казалось, сильный ветер разнес чайки по заливу, а они носятся на волнах, охраняемые от заливания водой плетеными вязанками сухого камыша, повязанными по обоим бортам чайки. Когда волнение стихает, чайки быстро двигаются с помощью весел.

В это время пришло сообщение, что поляки со шведами договорились о мире. Казаки спокойно возвратили шведам их военный корабль, но, как выяснилось, провианта для шведских войск не доставало.

В 20-х числах августа король передал приказ К. Вовку возвращаться с казаками на Украину. Но они ушли только в 20-х числах сентября после окончательного подписания мирного договора. Король Владислав IV приказал суда и все их снаряжение аккуратно укрыть, возможно, до другого подобного случая, а казакам идти домой скромно, стараясь не давать повода для каких-либо жалоб местного населения.

Этот эпизод надолго запомнился не только прусскому и литовскому населению, но и шведской армии и королевскому флоту Швеции - угрозе побережий Балтийского моря тех веков. Королю Владиславу IV, в принципе, как и ранее Стефану Баторию, с уважением относившемуся к военному искусству украинских казаков на суше и на море, в переговорах со шведами все-таки пришлось снять свои притязания на шведский престол, но без войны.

Глава 17. По Волге и Каспийскому морю

1467 год.

Московский великий князь Иван III собрался в поход на Волгу штурмовать столицу татарского ханства город Казань, соперничавший с Москвой за влияние в Поволжье после распада Золотой Орды. Неискушенному в военных делах, а потому нерешительному князю предложили привлечь искушенного в разбое на Дону и Волге донского атамана Ивана Рудого. Татары с крепостных стен Казани издевались над московским войском, неопытным и неумело топтавшимся под стенами крепости. Донской атаман Иван Рудой со своими казаками сходу взял штурмом Казань. За ним в город ворвались войска князя. Казаки принесли московскому правителю множество разной военной добычи и привели огромное число пленных казанских татар для последующих обменов. Великий князь высказал обиду великому донскому разбойнику за действия без совета с князем и его окружением.

1552 год.

Использував момент борьбы между претендентами на ханский престол в Казани, московский царь Иван IV Грозный, зная о готовящемся на Волгу походе войск крымского хана, двинул войска на Казань. При этом он привлек и вольных донцов, заявив, что все войска, желающие идти под Казань, он берет на свое содержание, и в походе, и под Казанью будет жаловать и кормить. 20 июля 10 тысяч донцов под началом атамана Федорова подошли к Казани, из которых 6 тысяч переданы были под руководство князя А. Курбского. Обнаружив на этом северном участке подземный ход, по которому казанские татары доставляли в крепость воду, казаки сделали в нем подкоп и вкатили 11 бочек пороху и взрывом перекрыли ход, лишив Казань связи с Волгой.

К октябрю подготовили 3 подкопа для взрыва крепостных стен. После первого взрыва казаки забросали ров хворостом и землей и пошли на штурм, который проводился в 3 линии. В первой линии шли казаки. Произошел бой. Татары потерпели поражение и все были уничтожены главными войсками и войсками поддержки из третьей линии царской армии.

Наличие вольных донских казаков подтверждается сохранившимися официальными московскими актами и сведениями из записок князя А. Курбского. Иван Грозный очень высоко ценил военное искусство вольных казаков и благоволил к ним до конца дней своих.

1554 год.

Весной московский царь Иван Грозный начал подготовку к походу на Астрахань в низовье Волги. 3000 войск князя Пронского-Шемяки поплыли по Волге, а стрельцы с привлеченными царем донскими казаками атамана Морозова двигались вдоль Волги по суше с задачей добывать «языков». Астрахань была взята легко. Но внезапно после этого по всей татарской Волге, от Казани до Астрахани, последовали восстания против московских воевод, посаженных в городах царем. Воевода Салтыков и атаман Морозов были захвачены восставшими астраханскими татарами в плен. В отряде воеводы было убито до 500 стрельцов, а казаков погибло 450 человек. Посаженный в Астрахани царем хан Дербеш-Али отшатнулся от Москвы и принял сторону турецкого султана.

Против Астрахани с Переволоки между излучиной Дона и Волгой царем был направлен атаман Лякун с донскими казаками. Он взял снова Астрахань и изгнал из города все мусульманское население. Затем казаки передали город пришедшим стрельцам с московским воеводой Тургеневым и отошли на север на Переволоку для пограничной службы на этом важном перешейке, где то и дело появлялись хищные ногайцы Большой Орды с Северного Кавказа, которым безразлично было кого грабить - крымских и волжских татар или население Московского царства.

1572 год.

В начале мая в Каспийском море на караван английских торговых судов, следовавших из Персии в Астрахань, напали «русские казаки, поставленные вне закона». Они захватили один торговый корабль и 2 морские ладьи. Два отряда астраханского воеводы разыскали разбойников, почти всех перебили, вернув английским купцам 5000 весовых фунтов товара и до 4000 английских фунтов денег.

1631 год.

С запретом поляками выхода запорожским казакам через Днепр в море и московского царя донским казакам выхода с Дона в море около 1000 донцов и запорожцев попытались пиратского счастья на Каспийском (Хвалынском) море. Соединившись в устье Волги с отрядом яицких (уральских) казаков, они на стругах удачно громили торговые суда персидских купцов.

1649 год.

Донской казак Иван Кондырев, набрав 200 казаков, перебрався с Дона на

Волгу, а по ней прокрался на стругах в Каспийское море. Там вольные донцы напали на персидские торговые суда, грабили богатые селения местных народов, живших на каспийском побережье. На зимовку поднялся на север Каспия на реку Яик (Урал). На следующий год, явившись с повинной и богатыми подарками к царскому воеводе в Астрахань, у которого получил полное прощение и пропуск на Дон, И. Кондырев и его казаки с большими и ценными трофеями морского разбоя и пиратства возвратились в родные донские края.

1667 год.

Выход в Азовское и Черное моря с низовой Дона был заперт вновь отстроенной турками неприступной крепостью - Азовом, где был сосредоточен пятитысячный турецкий гарнизон, а устье реки Дон перегорожено цепями. Во внешнеполитические планы российского самодержавия не входило и столкновение с Персией. Между тем персидский посол в Москве не переставал обращаться к царю «Тишайшему» с жалобами такого рода: «С вашей государевой стороны всякие набродные, худые люди, безыменные, беглые, приходят на Гилянские и Мазандеранские места, воюют, людей бьют, грабят, в полон берут; то же делают и над торговыми людьми, которые ходят по морю». Царские власти позаботились перекрыть Переволоку - привычный путь казацких отрядов, где они по суше перетаскивали свои суда с верхних притоков Дона на Волгу. Донцам по пути к Каспию никак нельзя было миновать город Царицын, а здесь-то и стали круглосуточно нести охрану специально направленные сюда для этого государевы сторожевые люди. Причем даром времени они не теряли и свою службу несли исправно. Германский дипломат Адам Олеарий, как раз тогда проплывавший вниз по Волге, пишет, что он видел на высокой горе недалеко от Царицына виселицу, на которой, как ему объяснили, вешали пойманных вольных казаков-пиратов.

Перенаселенность Дона, скученность там массы беглого элемента, бедственное положение голутвенного (неимущего) казачества толкали недовольных выступить, несмотря на все препоны и преграды, в большой поход. Добровольцы стали группироваться вокруг слышавшего удачливым головщиком (казачьим командиром) Степана Разина. Старшина, с одной стороны, косо смотрела на это происходившее помимо нее формирование казачьей ватаги, с другой - ее вполне устраивал отток с Дона лишних ртов и голов, будораживших весь край. Однако она отнюдь не безучастно наблюдала за приготовлениями Разина и решительно воспрепятствовала попытке отряда пробиться к Азовскому морю. «Домовитые» донцы понимали, что такие дей-

ствия могут нарушить мир с Турцией, а следовательно, привести к новым осложнениям, а то и разрыву с Москвой, что вовсе не входило в их планы. Но когда в начале мая 1667 года Разин, собравший под своим началом более 600 человек, обосновался близ Паншина городка, между реками Тишиной и Иловлей, на высоких буграх, окруженных водой, старшина ему не препятствовала. Не выступила старшина против и когда в первой половине мая Разин направился к Волге, где для него и его отряда открывался гораздо больший простор, чем на запертом у устья Дону. У казачьей верхушки был свой прямой расчет, который заключался вовсе не только в том, чтобы «сбагрить» беспокойную вольницу, но и в ожидании своей половинной доли добычи, ибо многие «домовитые» именно на этих условиях снабдили разинцев оружием, амуницией, провизией, одеждой, предоставили свои гребные суда и струги.

Во второй половине мая 1667 года флотилия Разина с Иловли, затем по реке Камышенке вышла на Волгу. Все начиналось как традиционный поход «за зипунами» («зипун» - от польского слова «жупан» - богатая и нарядная верхняя одежда, позже и до наших дней стал элементом казацкой одежды в виде кафтана из грубого толстого сукна обычно без ворота). Разве что на казачьих стругах следовало не 150-200 человек, как обычно во время пиратских рейдов, а около 1500, что было грандиозным для того региона.

Севернее Царицына пираты взяли на abordаж торговые струги и насады гостя Василия Шорина, других именитых купцов, патриарха Никона, а также самого царя. В атакованном разинцами караване были и суда с канальниками - ссыльными, которых везли в Астрахань и на Терек. В короткой схватке донцы одолели сопровождавших корабли государевых стрельцов, расправились с начальными чинами и купеческими приказчиками.

Разин спешил. Задержка в Царицыне не входила в его планы. Ближайшей целью отряда были захват Яицкого городка - опорного пункта на Каспии и выход в море. Разин поддерживал связь с жившими в этом городке донскими казаками, рассчитывал на их помощь.

Затем струги разинцев достигли крепости Черный Яр. Здесь их поджидали два отряда стрельцов общей численностью более тысячи человек. Высадившись на берег, разинцы на виду у царских ратников стали готовиться к приступу на город. Стрелецкие головы Б. Северов и В. Лопатин стянули все свои конные и пешие силы к стенам Черного Яра. Казалось, непокорные донцы сами шли в руки государевым людям, навстречу своей гибели. Чтобы уж наверняка решить исход сражения в свою пользу, стрелецкие командиры были намерены бросить в бой все резервы и с этой целью сняли с судов весь

наличный состав. А Разину только того и надо было! По его приказу повстанцы мгновенно откатились к реке, прыгнули в лодки и отчалили. Прибегнув к этому чисто казачьему маневру, С. Т. Разин сумел уклониться от боя и продолжить движение вниз по Волге.

Но на подступах к Астрахани донцам пришлось вступить в сражение. Чтобы блокировать казакам выход из дельты Волги на Каспий, астраханские власти послали навстречу Разину стрелецкий отряд во главе с воеводой С. Беклемишевым. Донцы сразу же захватили инициативу в свои руки. Царевы ратники под их натиском дрогнули и ударились в бегство. Часть их перешла на сторону разинцев. С. Беклемишев, попав в плен, был высечен плетью и с тем отпущен восвояси. Несмотря на попытки астраханских воевод организовать «со многими государевыми ратными служилыми любыми с стрельцы и с солдаты» погоню за казачьей флотилией, донцы продолжали свой путь. 2 июня они разгромили у Красного Яра еще один стрелецкий отряд и по одному из волжских протоков вышли в открытое море, взяв курс вдоль северного побережья Каспия к Яицкому городку на реке Яик (Урал).

Укрыв в камышах основную часть отряда, Разин в сопровождении всего 40 человек неспешно приблизился к мощным, выложенным из камня крепостным стенам. На вопрос стражи, за какой надобностью направляются казаки в городок, Разин ответил: «К церкви помолиться». То же самое он повторил стрелецкому голове и начальнику местного гарнизона И. Яцыну. Тот, не усмотрев в этой «смирненной» просьбе ничего необычного, велел отпереть входные ворота. Неоднократно в Яицкий городок группами и поодиночке приходили на богомолье разные люди, в том числе и промышлявшие в этих местах казаки. И хотя Яцын получил накануне из Астрахани наказную память об усилении охраны вверенной ему крепости, появление Разина со спутниками не вызывало у него подозрений. Между тем впущенные в город «богомольцы» тотчас завладели воротами, а тут подоспел и весь донской отряд.

Воины яицкого гарнизона в большинстве своем поддерживали Разина. Расправе подверглись только те, кто оказал сопротивление. Массовый переход стрельцов на сторону повстанцев объясняется тем, что Разина здесь ждали. В Яицком городке было немало выходцев с Дона, с которыми он состоял в переписке и которые к его прибытию хорошо подготовили почву.

При известии, что донские казаки и приставшая к ним гольтьба захватили Яицкий городок, астраханского воеводу И. Хилкова охватила настоящая паника. Он знал, что ему не поздоровится, когда посылал в Москву отписку такого содержания: «Стрельцы с казаками не бились и по воровских казаках

из пушек и из ружья не стреляли». Определение «воровские», которое употреблял в отношении разинцев царский воевода, позднее будет встречаться почти в каждом вышедшем из правительственного лагеря документе, где идет речь о действиях разинцев. Этот термин был пущен в ход не случайно: слово «вор» в официальных бумагах того времени было равнозначно понятиям «бунтовщик», «мятежник». Тот факт, что представители царской администрации уже летом 1667 года называют Разина и разинцев «воровскими» людьми, свидетельствует о том, что власти быстро распознали за традиционной для донских казаков разбойной оболочкой разинского похода опасную социальную подоплеку.

Стремясь оправдаться перед Москвой, Хилков силится хоть как-то исправить положение. Один за другим отряжает он к Яицкому городку новые отряды государевых ратников, но тщетно. Между ними нет согласованности, к тому же они с большой неохотой выступают против разинцев и подчас участвуют в карательной экспедиции только с одной целью: перейти при удобном случае к донским пиратам.

Все это побудило правительство Алексея Михайловича сместить нерадивого Хилкова с воеводства и назначить ему на смену братьев Прозоровских и князя Львова. В сопровождении четырех приказов (так тогда назывались полки) московских стрельцов, «служилых пеших людей» из Симбирска, Самары, Саратова, «с пушки и з гранаты и со всеми пушечными запасы», новые воеводы двигались в Нижнее Поволжье, исполненные решимости установить во вверенной им территории должный порядок. Рассадником «воровства» в глазах властей был Яицкий городок. Туда и намечено было нанести главный удар и разом покончить с разинской вольницей. Чтобы действовать наверняка, тем силам, с которыми ждали воевод, было решено придать еще 1600 астраханских стрельцов и солдат. Кроме того, делались подстрекательские попытки местной администрации склонить к выступлению против разинцев татар и калмыков.

Одновременно, пока основное государево войско находилось в пути, из Москвы на Дон для Разина была прислана «милостивая» царская грамота, сулившая повстанцам монаршье прощение с условием «отстать от воровства». Земляки-казаки доставили ее по назначению в Яицкий городок. Степан Тимофеевич на собранном по этому случаю кругу выказал полную готовность повиноваться царской воле, но усомнился в подлинности полученной им бумаги. Он потребовал из Москвы повторного документа, дабы уже твердо удостовериться, что здесь нет обмана. Опять Разин с помощью нехитрой

казацкой уловки вышел из затруднительной ситуации и тем самым выиграл время.

Между тем войско стягивалось медленно, и пока суть да дело, Разин с ноября 1667 по февраль 1668 года еще дважды получал предложения «вины свои принести». И каждый раз ответом Разина была крутая расправа с присланными парламентарями. Это вовсе не проявление бессмысленной жестокости: донцов, прибывших к нему с царской грамотой, он принял с уважением и почетом.

1668 год.

Отчаявшись утихомирить непокорного атамана увещаниями и уговорами, царские власти вновь уповают на силу, но предпринять активные боевые операции в зимний период было непросто. Поэтому большой карательный поход к Яицкому городку откладывался на весеннее время, тем более что посланный против разинцев с трехтысячным отрядом в феврале 1668 года Я. Безобразов потерпел сокрушительное поражение, а попытки расправиться с восставшими руками калмыков успеха не имели: Разин и раньше, ведя от имени Москвы в качестве посла переговоры с калмыцкими тайшами, легко находил с ними общий язык. Без труда нашел он его и теперь.

23 марта 1668 года, упредив подход к Яицкому городку из Астрахани крупного карательного войска, Степан Тимофеевич Разин начал свой легендарный, воспетый в народных песнях и сказаниях поход на Каспий. Его маршрут проходит от устья Терека к Дербенту, из Дербента - к Ширвану и Баку, затем - к Свиному острову с заходом по реке Куре в «Грузинский уезд», далее через города Решт, Фарабат, Астрабат - к полуострову Миян-Кале, где флотилия останавливается на зимовку.

На Каспий повстанцы вышли многочисленным отрядом, насчитывавшим около двух тысяч человек. В его первоначальный состав влились несколько сотен донских, яицких и терских казаков под предводительством своих атаманов. Они спешили на соединение с Разиным, чтобы действовать с ним заодно. Например, известный на Волге дерзкими налетами на купеческие караваны Сергей Кривой привел к западному каспийскому побережью, где был в это время Разин, 700 удальцов, разгромив преградивших ему путь стрельцов под командованием головы Г. Авксентьева.

Разинцы плыли на десятках легкоманевренных, удобных на каспийском мелководье стругов, у них были свои и захваченные у стрельцов пушки, запас пороха и провианта. В целом они были неплохо экипированы для длительного похода.

На персидских берегах стремительные действия разинского отряда вызвали настоящий переполох. Молниеносно высадив с судов казачий десант, удалая дружина опустошала шахские дворцы в городских предместьях и склады кызылбашских купцов в рассыпанных от Дербента до земли туркмен населенных пунктах. Разинцы брали большой «ясырь» – пленных, чтобы потом обменять их на попавших в свое время в персидский «полон» русских. «...Имали за одного кызылбашенина» от двух до четырех соотечественников. Стараниями разинского отряда немало русских невольников обрело свободу и вернулось на родину.

Персидский шах, располагающий огромной армией, сильным флотом, почти в течение двух лет не мог сокрушить отважных донских пиратов.

Участники каспийского похода добывали «зипуны», не брезговали никакими попадавшими к ним в руки восточными товарами, чтобы сохранить отряд на будущее.

С плаваньем к персидским берегам Разин связывал надежду отыскать «вольную землицу». Он посылает к шаху трех своих товарищей с просьбой «указать ему место, где им жить и питатца». Правитель Персии, ища способ положить конец хозяйничанью казаков в своем государстве, велел выделить им зону для поселения, но с явным расчетом заманить их в ловушку и расправиться с ними. Заподозрив это, Разин «на то место прийти не похотел, а просил себе ... крепкого острова, на котором взять было ево ... не мочно».

Сейчас трудно сказать, как устроили бы жизнь разинцы, если бы шах все-таки выделил им подходящую территорию для колонизации. Вероятно, эта область стала бы чем-то вроде второго Дона. Однако главными помыслами Разин оставался на родине.

К тому же от царя Алексея Михайловича пришла грамота, в которой «шахову величеству» предлагалось «своей персидской области околь моря Хвалынского велеть остереганье учинить», позаботиться о том, чтоб «воровским людем пристани бы нихто не давал и с ними не дружился, а побивали бы их везде и смертью уморали без пощады».

Получив такие «рекомендации», шах не только немедленно прервал всякие переговоры с Разиным, но и распорядился одного его посла отдать на растерзание голодным псам, а двух других заковать в кандалы. Эта расправа ожесточила участников похода. Они больше не пытаются дипломатическим путем склонить шаха на свою сторону, а отправляются «воевать многие кызылбашские города и уезды». Опять в ход идет уже не раз выручавшая разинцев казачья хитрость. Понимая по-персидски, Степан Тимофеевич, переодевшись в старое платье, неоднократно самолично отправлялся в

Исфагань - богатейший персидский город послушать, о чем там говорят. Благодаря такой разведке он хорошо знал, что творится в неприятельском стане, и упреждал действия противника. В крупный торговый город Ферабат разинцы проникли под видом купцов. Поскольку у них были полные трюмы самых завидных товаров, они в течение пяти дней продавали их по умеренным ценам и за это время узнали наперечет всех местных богатеев. Обобрав их до нитки, мнимые купцы покинули Ферабат, а в городе еще долго рассказывали о том, как Разин обвел вокруг пальца тех, кто столько лет обирал и обманывал других.

1669 год.

Персидский поход вошел в историю как победоносный. Действительно, поразительные успехи пиратского отряда ошеломили не только персов, но произвели сильное впечатление и на царские власти. Разин чувствовал себя уверенно в сражениях как на суше, так и на море. Огромную славу ему принес бой у Свиного острова весной 1669 года. Опытный персидский флотоводец Мемед-хан, бросивший против разинцев 50 кораблей с почти четырьмя тысячами человек на борту, потерпел тогда катастрофическое поражение. У него уцелело всего три судна с жалкими остатками воинства. В плен попал сын Мемед-хана Шабын-Дебей, а по преданию - также и его дочь, девушка необычайной красоты, широко известная из фольклора как персидская княжна. Вопрос о том, была ли эта прекрасная дева, позднее якобы принесенная Разиным в дар матушке-Волге, реальным историческим лицом или вымышленной фигурой, остается открытым. Домыслов на этот счет более чем достаточно, факты же крайне недостоверны и противоречивы. Ведь в изображении легенды, бросая за борт струга молодую девушку, к которой он успел прикипеть всем сердцем, атаман жертвует самым дорогим и любимым, что есть у него в жизни, и такой ценой доказывает, что он весь, безраздельно, без остатка принадлежит боевому казачьему братству.

Как бы удачно ни складывались действия разинцев на персидских берегах, сколь блестящие и внушительные победы они ни одерживали, представлять каспийский поход как цепь сплошных триумфов - значит грешить против истины. Чтобы выдержать те лишения и испытания, которые выпали на долю разинского отряда, чтобы перенести все невзгоды, преодолеть все препятствия, встретившиеся им на пути, нужны были суровая казацкая закалка и выучка, недюжинная сила духа. Разинцы знали не только сладость побед, но и горечь поражений. Неблагоприятным для них исходом завершилась, например, кровопролитная схватка с крупными силами персов под Рештом.

Сам Разин во время этого жаркого боя был ранен, его отряд лишился многих пушек, ружей, стругов и всяких запасов.

Тяжелой утратой была гибель соратника С. Т. Разина атамана Сергея Кривого. Он был убит на восточном побережье Каспия, отправившись с небольшой группой казаков пополнить запасы продовольствия для отряда.

Потери были не только в сражениях. Людей косили болезни, они страдали из-за нехватки воды, тяжелого и непривычного климата. Некоторые, чтобы утолить жажду, пили соленую воду и от этого неимоверно распухали. Ряды участников похода редели, силы таяли. Пора было возвращаться на родину.

И пиратская флотилия берет курс к дельте Волги. Молва о сказочно богатой добыче разинцев, об их неслыханной воинской доблести и торжестве над ратями шаха, о вызволении русских пленных опережает прибытие легендарного отряда на родные берега. В свою очередь, участникам похода неожиданно становится известно, что в Астрахани их ожидает царская грамота, в которой им гарантировано прощение при условии мирного возвращения на Дон.

У истощенных, измотанных долгим, изнурительным плаванием разинцев, среди которых многие едва держались на ногах из-за жестокой лихорадки, не было другого выхода. Во время переговоров с воеводой С. И. Львовым они заверили его, что выполнят все требования властей, если им предоставят возможность беспрепятственно проследовать на Дон. В знак своей покорности пиратский атаман на глазах у всех поцеловал бумажный свиток с объявлением монаршей милости и как государева наместника щедро одарил Львова.

Конечно, царская администрация, располагая большим войском, вынашивала планы расправы со «смутьянами» и государевыми послушниками, но вся Астрахань - огромный город с многочисленным населением - была взбуждена вестью о прибытии разинского отряда из заморских краев и с нетерпением ждала героев каспийского похода. Опасаясь, что астраханцы переметнутся к Разину, воеводы И. С. Прозоровский и С. И. Львов сочли за лучшее, отобрав у казаков пушки и главные военные трофеи, пропустить атамана с отрядом на Дон.

За те несколько дней, которые Разин и его товарищи провели в Астрахани, они стали безраздельными властителями дум местных жителей. «Казакки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканые золотом, - свидетельствует очевидец событий голландский парусный мастер Я. Стрейс. - Стенку нельзя было бы отличить от остальных, ежели бы он не выделялся

по чести, которую ему оказывали».

Но куда большее впечатление, чем одежда, на астраханцев произвело то, с каким достоинством держали себя Разин и его сподвижники. Объединенные заветной мечтой найти вольную волюшку, они называли себя князьями казачьей вольницы и держались на равных с воеводами и боярами, словно и впрямь принадлежали к сановным князьям. Стрейс оставил выразительный словесный портрет С. Т. Разина: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что б ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно».

Короткое пребывание участников каспийского похода в Астрахани произвело ошеломляющее впечатление на население города. Неведомый иностранец, англичанин по национальности, воочию видевший, как восторженно встречали разинцев, не преминул отметить в своих записках, какой огромной популярностью они пользовались у местных жителей. В лучах славы донские пираты С. Разина вернулись на Дон в городок Кагальник, быстро затмивший старую казачью столицу Черкасск на время, пока у донских пиратов была в руках огромная добыча.

ЧАСТЬ 3

КОНЕЦ ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА НА ДНЕПРЕ И ДОНУ И НАЧАЛО СЛУЖБЫ В ПОДДАНСТВЕ МОСКОВСКОМУ ЦАРСТВУ

Глава 18. История приобщения вольных казаков Днепра от польского к московскому подданству

Литовско-польские власти украинских земель уже в конце второго десятилетия XVI в. стали носиться с идеей принятия казаков среднего (до порогов) и нижнего (за порогами) Днепра на государственную службу. Смелая мысль о постановке на учет в специальном реестре степных и морских разбойников была не нова. Именно так поступали многие европейские монархи, с особым удовольствием привлекая на службу как сухопутных разбойников, так и морских пиратов. Нужно было взять в свои руки организацию и управление вольным казачеством, этой военной силы, в начале его развития и ценой определенных субсидий обратить днепровскую и запорожскую вольницу на службу правительству Литвы - Польши. Но у литовских и польских правительств и их шляхты был однозначный менталитет: зачем дорогостоящим содержанием облагораживать украинских разбойников? В результате все прения в сейме оставались на уровне слов либо предложений, чтобы наместники и поветовые старосты привлекали вольное казачество по Днепру в качестве пограничной стражи южных границ и охраны усадеб и замков шляхты, либо на уходах - территориях земель с охотой, рыболовством, пчеловодством.

Поэтому в XVI в., в отличие от Московского царства, вольное казачество в украинских землях развивалось стихийно в виде авантюрной военной силы либо самостоятельно, либо под опекой провинциальной литовско-польской

администрации, с ее мотивированным интересом к любому добычничеству вольных казаков в расчете на долю прибыли из походов.

А при таком раскладе вольным казакам и не требовались опека и помощь государства для постепенного развития своей военной мощи. Только вот силы, энергию и способности свои казацкая вольница обращала не на оборону южного литовско-польского пограничья, как хотелось бы правителям Литвы и Польши, а на более опасную, но интересную, а главное очень прибыльную деятельность - степной и морской разбой, небезынтересный для начальства южного пограничья. Посольством крымского хана литовскому великому князю в 30-е годы XVI в. сообщается: «...Приходят казаки черкасские и каневские, стают на Днепре под нашими улусами и причиняют разорение нашим людям».

В степном разбое аналогичные акции казаков были обозначены выражением - «лупление чабанів татарських». Все это заставило литовско-польское правительство серьезно задуматься над деятельностью вольного казачества по Днепру, но далее бумажных мероприятий, содержащих запреты, решение проблемы вольных казаков не продвигалось.

Результатом явились циркуляры, разосланные великим литовским князем в июне 1541 г. поветовым старостам: его представитель объедет все киевские, каневские и черкасские владения по Днепру и для контроля запишет в реестр всех местных казаков. То же повторило литовско-польское правительство и в 1560 г., где в циркуляре великого князя литовского запрещалось казакам в степи и море ходить за добычей.

В конце 1568 г. великий князь рассылает письмо вольным казакам Днепра, чтобы они вышли из степей Дикого поля, из низовьев Днепра, со всех уходов, что давались им за долю на южном пограничьи поветовыми старостами, и прибыли в замки и города украинские. Великий князь обещал казакам найти там службу каждому, за которую каждый будет получать жалованье. Все это обещалось при условии прекращения казаками своеволия в отношении татар и турок. Иначе князь литовский грозил строгими карами.

На это вольные казаки ответили отказом, жалуюсь на большую несправедливость и давление от воевод и старост на украинских землях при их вольном положении, а потому не ожидая добра в качестве служилых.

В 1572 г. польский король издает грамоту, поручая коронному гетману Польши Юрию Язловецкому и специально назначенному судье Яну Бадовскому произвести по сути первую в истории реформу в вольном украинском казачестве, в особенности среди возрастающего в количестве низового дне-

провского казачества, целью которой было формирование казачества в качестве особого полупривилегированного общественного сословия, т. е. королевских казаков. Но все ограничилось каплей в море - казацким полком с реестром в 300 человек под началом польских шляхтичей.

С приходом на польский трон нового короля из венгров Стефана Батория вольные днепровские, браславские, винницкие и запорожские низовые казаки под руководством избранного ими атаманом князя Богдана Ружинского по просьбе короля помочь сдержать слово, данное европейским монархом об отвлечении нашествия турок на Балканы и в центральную Европу, в 1575-1576 гг. своим походом на Крым по сухопутью и по морю поставили крымского хана буквально на колени, а затем потрясли набегами все черноморские побережья Османской Порты. Впервые тогда атаман вольных казаков низового Днепра Богдан Ружинский получил официальный титул в королевской грамоте - гетману низовых казаков Днепра за заслуги перед Польшей и европейским христианством.

В конце 70-х - начале 80-х годов XVI в. польское правительство продолжало вялые попытки вербовать казаков украинской земли на королевскую службу.

Король Польши Стефан Баторий накануне своей смерти, в 1582 г., также пытается развить реформу вольного казачества в украинских землях, издавая особую грамоту. В ней король приказал местным властям, воеводам и старостам в местах обитания низовых казаков Днепра не простираť над казаками своей власти: на это у них есть своя казацкая администрация. По сути, это было продолжением предыдущей реформы 1572 г. Но было уже поздно. Фантастически богатая добыча низовых казаков Днепра в морском разбое на побережьях татарского Крыма и турецкого султаната не могла идти в сравнение ни с каким жалованием в казацком полку королевской службы. Истинно вольные казаки не спешили записаться в служилые.

Формально польскому правительству к 1582 г. удалось зачислить в реестр до 6000 казаков, но это были не низовые днепровские, а скорее назвавшиеся казаками наемники самого разного рода, чтобы иметь службу и жалование от польского короля за участие в войнах против Московского царства.

Болель и смерть короля Польши Стефана Батория в 1586 г. и начавшееся «бескоролевье» на троне только придали сил и духу вольным казакам-запорожцам. Это они продемонстрировали крымскому хану, воспользовавшемуся безвластием в Польше для очередного набега. Татары во главе с ханом пытались весной 1586 г. переправиться через Днепр возле Таволжанского

острова. Запорожцы стояли насмерть и сорвали переправу татарам. Но еще ранее начались пиратские набеги казаков на чайках на турецкую крепость Очаков в устье Днепровского лимана при выходе в море.

Затем казаки запорожские объединились частично с казаками, числящимися в реестре польского короля, и на чайках двинулись к западному побережью татарского Крыма. В Гезлеве (Евпатория) казацкие пираты сначала взяли на abordаж несколько турецких торговых судов, потом напали на город, пограбили татар, а турок и жидов забрали в плен для выкупа.

Вскоре запорожцы на чайках напали на турецкую крепость Аккерман (Белгород-Днестровский) и сожгли и разграбили город.

Польша без короля была на краю гибели: турецкий султан двинул на них войско крымского хана через молдавскую территорию в обход казаков.

И опять казаки-запорожцы успели на Днестр. На реке Каменец казаки сильно потрепали крымских и буджакских татар, причем погибло на переправе через Днестр очень много татар, а сам хан был ранен. Это охладило турецкого султана. Но он поставил в 1589 г. условие Польше: уничтожение низовых днепровских казаков, иначе - военный поход уже турецких войск с Дуная на Польшу и наложение ежегодной дани на королевство.

Созванный весной 1590 г. польский сейм ломал голову. С одной стороны, на казаков низового Днепра летели громы и молнии за доведение конфликта с Турцией до кризиса. С другой стороны, польская шляхта в сейме, после успешных действий вольных казаков в течение всего XVI в. против крымских татар и турок, без всяких затрат на них имела в лице низовых казаков сильное, дешевое и ежеминутно готовое на любой поход войско - как по суше, так и по морю.

И тогда сейм принял решение: нужно, чтобы эти казаки были, но надо привести их к порядку. Называлось это постановление сейма от 1590 г. «Порядок, касающийся низовцев и Украины». В нем в том числе содержалось и следующее: «Для воспрепятствования запорожцам и казакам украинским подавать причины к нарушению мира, находиться им навсегда под начальством коронного гетмана, от которого должны быть поставлены начальники их. Казаки обязаны присягать в том, что без воли гетмана не будут воевать ни на море, ни на суше, не станут нападать на соседние страны и на купцов, не будут принимать никого в свое товарищество...».

Постановивши такое, сейм, учитывая опасность от Турции, поручил правительству, а то - гетману коронному взять как можно больше на службу военную казаков запорожских низовых и их соседей с востока - вольных донских казаков, проявивших себя против литовцев и поляков на стороне Мос-

ковского царства.

Из этих польских правительственных распоряжений опять ничего реального не вышло. Взятому на службу казачеству в 1000 человек для охраны южных границ не платили жалованья. И они продолжали вместе с вольными промысливать степным и морским разбоем, чтобы выживать: на XVI в., как я отмечал в предисловии, пришлось 45 лет голодоморов. Такой образ жизни вольных казаков начинает оцениваться неказацким оседлым населением украинских земель под властью Польши, в волостях как выход из крепостной зависимости. И оно начинает объединяться с казаками и разбойничать в поместьях и замках юго-восточной части Речи Посполитой. Более того, начинается первый военный конфликт вольного казачества с польской администрацией - казацкие войны 1590-х годов. Сначала их возглавил выдающийся в разбойных делах атаман Криштоф Косинский, сумевший захватить даже Киев. В 1593 г. польскому войску удалось вместе с привлеченными венграми разгромить казаков К. Косинского, а самого атамана убить. Но с запорожцами полякам пришлось заключить договор - не стеснять их вольностей, признанных польским королем до постановления сейма 1590 г. После смерти К. Косинского среди казацких атаманов выступает Григорий Лобода, опытный разбойник, предводитель низового запорожского казачества. Казацкие добровольцы брацлавского и волынського пограничья объединились вокруг Северина Наливайко, мещанина, избравшего себе военное казацкое ремесло, человека смелого и удалого. Но между запорожцами и приграничными казаками, как и между атаманами Лободой и Наливайко не было доверия друг к другу. Вначале оба казацких разбойничьих войска успешно противостояли королевскому и даже наносили поражения. Когда же начались трудности, то на одной общей раде произошла свалка, в которой был убит атаман запорожцев Лобода. Запорожцы не остались в долгу, отбили себе атамана Наливайко и выдали его в 1596 г. польскому гетману (заместитель коронного гетмана, главного начальника польских войск) Жолкевскому, который обещал им перемирие и проход от реки Сулы под Лубнами в Запорожскую Сечь. Казаков в лагере было 6 тысяч и столько же членов их семей. Но вопреки заключенному перемирию Жолкевский напал на казаков, собиравшихся в обратный поход, и устроил резню. Современник-поляк так описал эту бойню вольного казачества: «Так их немилосердно разбили, что на милю или более лежал труп на трупе». Только часть запорожцев под началом только что избранного вместо убитого Лободы гетмана Кремпского ушла на Сечь. Поляки отрубили Наливайко голову, а тело четвертовали.

Хотя королевской власти не удалось окончательно истребить вольных

казаков Днепра, однако лубенский погром придавил казацкую энергию и силу. Как всегда под влиянием гнетущего упадка среди запорожского казачества начинается внутренняя борьба между радикальными и умеренными, примирительно настроенными, стремившимися задобрить правительство Польши и восстановить прежние отношения. Через три года, в 1599 г., в казацкой разбойной среде нашелся новый предводитель Самойло Кишка. Он объединил казаков и вновь пустил в ход действенное казацкое средство - морской разбой и пиратство против татар и турок и сухопутный разбой на подвластных туркам и татарам молдавских территориях. Ну а затем фортуна надолго, на целую четверть нового XVII в., улынулась вольному днепровскому казачеству. Да так, что в 1600 г. польское правительство само обратилось за военной помощью вольных казаков. С. Кишка блестяще использовал это обстоятельство, задержав ответ и заставив самого короля обратиться с просьбой помочь в начавшихся войнах сначала между Валахией и Молдавией, а вскоре между Польшей и Швецией из-за Ливонии. Польский сейм вынужден был принять казацкое требование об отмене осуждения, издав закон, которым отменялось прежнее уничтожение казачества, снималось с него осуждение и, хотя с оговорками и ограничениями, возвращались старые права на казацкую вольность запорожцев до 1590 г.

Оказав помощь Польше в обеих войнах, вольные казаки потребовали, чтобы с ними считались наравне с польским войском и на украинские земли не вводили польских войск. Казачество с 1603 г. становится господином фактического положения в Поднепровье, как было до лубенского разгрома в 1596 г. И снова фортуна благоволит вольным днепровцам. С 1604 г. польская шляхта встряла в начавшееся в Московском царстве «смутное время» - борьбу за престол в Москве в связи с прерыванием престолонаследия древним княжеским родом Рюриковичей и множеством претендентов на царскую корону.

С 1604 г. по 1613 г. Московское царство становится добычей различных самозванцев-авантюристов, называвших себя царями или царевичами и поддерживаемых магнатами Речи Посполитой с молчаливого разрешения польского короля и правительства, которые увлеклись перспективами московской добычи тысячи и десятки тысяч вольных казаков с Поднепровья и других украинских земель. Отряды польской и литовской шляхты вместе с днепровскими и донскими казаками разоряли земли Московского царства: горели города, кровью людскою покрывались московские снега, и в Литву, Польшу, в Поднепровье бочками вывозились московские деньги, возами - дорогая утварь, имущество, одежда и прочий ценный скраб.

Днепровские казаки, запорожцы и люди, приставшие к ним и считавшие себя уже оказаченными за годы разгула смуты на московских землях, не забывают и о благоприятных возможностях разбоя на землях татарских и молдавских, а также о возможностях прибыльного морского пиратства против турецких владений на Чёрном море.

Практиковавшиеся и во время «смутного времени» частые пиратские вылазки казаков достигают с окончанием московской добычи небывалых масштабов и частоты за год. С 1613 г. пришедшая к власти в Москве с помощью донских казаков и народного ополчения царская династия Романовых во главе с царем Михаилом, используя также донцов и войско стрелецкое, начинают изгонять из московских земель казаков днепровских и примкнувший к ним оказачившийся украинский люд.

Эта огромная масса военных добытчиков во главе с запорожцами в 1613 - 1625 гг. бросается в морской разбой и пиратство на Чёрном и Азовском морях, захватывая турецкое побережье. Французский посол в Константинополе пишет: «Слух о четырех казацких лодках на Чёрном море пугает турок больше, чем весть о чуме».

В это же время запорожцы с гетманом Петром Сагайдачным опять оказали по просьбе Польского королевства огромную услугу королю под Хотинном в начавшейся в 1621 г. турецко-польской войне из-за Трансильвании.

Турецкий султан под своей крепостью на Днестре не смог разгромить объединенное войско поляков и запорожцев, заключил мир с поляками и отвел свои войска обратно. Здесь был ранен гетман П. Сагайдачный, умерший от раны в следующем, 1622, году.

Казачество в это время держало в руках все южное Поднепровье, но король Сигизмунд III в «благодарность» за спасение Польши поручил своим комиссарам свести казацкое войско до 3 тысяч. Шляхта мечтала после казацких заслуг под Москвой и Хотинном устроить запорожцам такую же резню, какая была под Лубнами в 1596 г.

Днепровское казачество привлекло к себе внимание крымских панов, поссорившихся с Турцией. 24 декабря 1624 г. братья-правители Крымского ханства Махмет-гирей и Шагин-гирей заключают с новым казацким гетманом Жмайло союзный договор о взаимопомощи в борьбе с турками, причем ни много, ни мало, как помощи морской пиратской войной казаков против турецкого султаната. В 1624 - 1625 гг. ходили казаки пиратствовать у турецких берегов и на море большими силами.

Используя отвлечение крымскими татарами военных сил запорожцев, польский коронный гетман Конецпольский послал польское войско на

украинские земли, не встречая сопротивления, а сам с комиссарами короля двинулся следом. Много казаков было в это время в морских набегах на Турцию по союзному договору с крымскими татарами. Оставшиеся в Поднепровье успели объединиться, хотя были хуже снаряжены и вооружены, да и не подготовлены морально к войне с поляками - своими должниками за помощь в «смутное время» на московской земле и за спасение Польши от турок в хотинской битве. Комиссары короля требовали от казаков, чтобы они выдали предводителей морского разбоя против турок и домогались уменьшения казачьего войска до 3 тыс. человек.

Казаки это не приняли, и переговоры прервались. А затем произошла кровавая битва под г. Крюков на реке Цибульник. В ней казаки стали постепенно уступать полякам и ночью отступили на юг к Куруковому озеру возле г. Крюков. Здесь коронному гетману Польши Конецпольскому не удалось разгромить главный укрепленный лагерь казаков, и он опять повел с казаками переговоры. Наконец казаки убедились, что иного пути пока нет, и подписали в урочище Медвежьи Лозы на Куруковском озере протокол от 6 ноября 1625 г., в котором записано: казачьего реестрового должно быть не более 6 тысяч; ограничены казачьи права на привилегии; в течение 12 недель должен быть составлен реестр казачьего войска; всем казакам реестровым и низовым запорожским запрещалось делать разбойные и пиратские выходы в море и приказывалось сжечь чайки в присутствии польских комиссаров от правительства.

Перед подписанием договора 5 ноября 1625 г. казаки избрали вместо Жмайла нового гетмана Михаила Дорошенко, который от имени казаков присягнул на верность польской короне. Новый гетман как мог сдерживал «выписчиков» - казаков, не включенных в реестр, от организации морского разбоя. Но, к счастью, подоспела новая война крымских ханов Махмет-гирея и Шагин-гирея с турецким султаном. Польское правительство тайно дало понять, что запорожцы могут активно заниматься морским разбоем и пиратством как в отношении турецких крепостей на берегах Крыма, так и путем набегов к турецким берегам, где в одном из них погиб гетман М. Дорошенко - дед знаменитого впоследствии внука гетмана Петра Дорошенко.

Казаки 5 лет были придавлены статьями Куруковского договора. Гетман реестровых днепровских казаков Грицко Черный, поставленный королевским правительством, исполнял все желания гетмана коронного, в отличие от гетмана запорожского Тараса Трясило. Но когда Черный послал в Сечь наказ выйти всем на волости и присоединиться к реестровым казакам для военной службы, то началось казачье восстание запорожцев. Запорожцы

взяли в плен Г. Черного и по приказу Т. Трясило изрубили его. Казацкое выступление поддержало православное духовенство, притесняемое униатами. Так неожиданно восстание вольных казаков превратилось в войну с поляками за православную веру. В 1630 г. в сравнении с 1625 г. казаки помнялись ролями с поляками, напав первыми на войска Конецпольского. Казацкие отряды ходили по всему Поднепровью, громили и грабили польские ряды, расставленные коронным над Днестром. Наконец, произошла страшная и необъяснимая по своим последствиям Переяславская битва.

Казаки разбили поляков, разгромили лагерь коронного, забрали артиллерию, но потеряли в горячке боя гетмана Т. Трясило, плененного поляками и тут же казненного. А вскоре коронный гетман Польши едва не попал к казакам в плен и вынужден был предложить перемирие. Битва прекратилась, последовали переговоры, и был заключен мир на принципе амнистии как взбунтовавшимся запорожцам, которым разрешили реестр до 8 тыс., так и днепровским реестровым казакам, которых было 2 тысячи в составе польских войск. Главное - поляки не возбраняли казакам пользоваться своими вольностями, но добились назначения гетманом Г. Арендаренко из каневских днепровских казаков. Его в 1631 г. запорожцы переизбрали. А с новым гетманом И. Петрищичем-Кулагой они по-прежнему занимались на чайках морским разбоем турецких и татарских побережий.

Но вот в 1632 г. умирает король Сигизмунд III, а вместо него избирают королем старшего сына Владислава IV. Он благожелательно был настроен к казачеству, нужному ему в борьбе за трон Московского царства, с которым начал сразу войну за Смоленск. Ну а для этого требовались мирные отношения с Турцией, которая страдала от казацкого морского пиратства запорожцев.

Коронный гетман Конецпольский начал действовать по инструкциям сейма в отношении практики морского разбоя казаков. Решено было построить возле 1 днепровского порога польскую крепость, чтобы преградить казакам вход-выход из Днестра в море и возвращение их на Сечь, включая запасной путь через Азовское море, вверх по рекам, впадающим в него, волоком до рек, впадающих в реку Самару - приток Днестра. Для возведения крепости было выбрано место на правом берегу Днестра против устья речки Самары, острова Князева и первого порога Кодацкого. Крепость, на строительство которой сейм немедленно ассигновал 100 тысяч злотых, сооружалась французским инженером Г. Бопланом и представляла собой редут бастионного укрепления по периметру длиной 900 сажен с валами до 10 м и глубокими рвами. В крепости был как пеший, так и конный гарнизоны во

главе с комендантом - французом полковником Морионом.

В Сечи с 1663 г. гетманом запорожцев стал Иван Сулима, имевший медаль от Папы Римского Павла за морской подвиг против турок с захватом галеры и приведением ее через Средиземное море к итальянским берегам для обмена мусульманского экипажа на пленных христиан. В августе 1635 г. И. Сулима возвращался из пиратского набега на турецкие побережья по запасному пути из Азовского моря до реки Самары, где увидел крепость Кодак. Ночью гетман с запорожцами взяли Кодак штурмом, польский гарнизон истребили, коменданта Мориона зарубили, а всю крепость раскопали до основания.

Коронный гетман Конецпольский, вернувшийся с несостоявшейся польско-шведской войны, был вне себя. Подкупленные поляками реестровые казаки, находившиеся в Сечи, обманным путем схватили И. Сулиму и доставили в Варшаву. Там его казнили, разрубив тело и повесив на четырех углах польской столицы. Во главе казаков в Сечи стал Карпо Павлюк - по происхождению турок, ярый враг султана и польской власти и союзник крымского хана, начавшего войну против буджакских татар и привлечший Павлюка с частью запорожцев.

Пока последние успешно воевали в Крыму, изгоняя буджаков, другая часть числом 4 тыс. под начальством гетмана Михаила Татаринова, не вынеся польских притеснений, двинулась весной 1637 г. к персам через Кавказ, которые воевали с турками. Проходя через Дон, приняли предложение донцов о взятии турецкой крепости Азов. Взяв крепость, запорожцы с добычей возвратились на Сечь, а донцы стали владеть Азовом и выходом из Дона в Азовское и Чёрное моря.

К этому времени у поляков коронным гетманом стал Н. Потоцкий, а запорожцы избрали гетманом Павлюка, который двинулся на Н. Потоцкого, но проиграл сражение под Кумейками в декабре 1637 г. и под Боровицей 20 декабря 1637 г. Павлюк был захвачен в плен и казнен в феврале 1638 г. в Варшаве, а его помощники Скидан и Гуня успели спастись бегством на Сечь.

Реестровые казаки вынуждены были подписать под Боровицей условие - обязательство по первому требованию коронного гетмана и польских комиссаров идти походом на низовых казаков Сечи и сжечь там все суда. В феврале 1638 г. польский сейм в числе прочего постановил, что правительство Речи Посполитой ввиду предупреждения морских походов со стороны запорожцев... должно завладеть всем Запорожьем и поставить там постоянную стражу; реестровые казаки в числе двух полков должны стоять на Запорожии и оберегать Низ от чужих и своих.

Король Владислав IV подписал постановление такого содержания: «Назначенные полки с полковниками своими должны ходить на Запорожье попеременно для обережения тех мест и для запрещения татарам переходить через Днепр, а также для предостережения, чтобы своеволие не укрывалось на островах и реках Низа и не предпринимало оттуда никаких экскурсий на море...».

В 1638 г. снова началось восстание казаков-запорожцев во главе с Острицей, оказавшимся малоспособным и нерешительным. Сначала им удалось разбить поляков под Голтвою, но под Жалниным 13 июня 1638 г. поляки окончательно разбили казаков. Острица бежал в Слободскую Украину, а казаки выбрали себе в гетманы Дмитра Гуню. Он укрепился близ устья Сулы и долго отбивался от поляков. Измученные недостатком съестных припасов, окруженные со всех сторон, казаки вынуждены были сдаться на условиях, что их не будут преследовать, когда они станут расходиться по домам. Обещание поляками, как обычно, не было сдержано: масса схваченных казаков была казнена.

Д. Гуня подписал с поляками самый унижительный по своим условиям договор за всю историю взаимоотношений вольных казаков Днепра с их польской властью на украинской земле:

а) казаки должны были принести присягу в верности польскому королю и Речи Посполитой, так как все их оружие, хоругви, булавы, клейноды и прочие атрибуты вольных запорожцев были в руках поляков;

б) гетманская власть у запорожцев уничтожалась, а вместо гетмана для управления казаками назначался комиссар от польского правительства Петр Комаровский с правом назначать полковников;

в) реестр для запорожских казаков был уменьшен до 1200 человек, но казаки были лишены права выбирать себе старшин, ими назначались только поляки. Из казаков было разрешено всего 2 есаула и несколько сотников, в число которых был избран чигиринский сотник Зиновий-Богдан Хмельницкий.

г) за казаками, вошедшими в запорожский реестр, были оставлены их наследственные земли, но коронный гетман польский Н. Потоцкий сделал все, чтобы этого не произошло;

д) члены семей казаков, погибших во время последних казацких восстаний против поляков, были обращены силой в крепостное состояние;

е) крепость польская Кодак на Днепре поблизости от Запорожской Сечи восстанавливалась.

Вольное казачество Поднепровья почти полностью было уничтожено властью Речи Посполитой, по крайней мере, на 10 лет - с 1638 г. по 1648 г. Запорожцы попытались для осуществления морского разбоя и пиратства уходить к пока еще вольным донским казакам, и из низовьев Дона, мимо крепости Азов, отбитой на 5 лет казаками у турок, делать набеги на крымское и турецкое побережья через Азовское и Чёрное моря. Но объединенный морской набег донцов и запорожцев уже в 1638 г. закончился полным разгромом казаков турками на Чёрном море, откуда остатки казацкой флотилии были загнаны в устье Кубани и добыты с помощью турецких союзников на кубанской земле.

Разгромив казаков-запорожцев на море, турецкий султан стал претендовать на обладание запорожцами и самой Запорожской Сечью, предъявив претензии польскому королю Владиславу IV. Вследствие беззащитности запорожских земель и населения, крымские и буджакские татары делали постоянные набеги по два раза в год.

30 января 1644 г. произошла битва между поляками и крымскими татарами, которых разгромили.

Оставив свои мечты о пиратстве в Чёрном море, запорожцы затаились: на юге их зорко стерегли татары и турки, а с севера за ними бдительно следили поляки, засевшие в крепости Кодак, а также и в самой Сечи, куда посылался из Польши особый гарнизон, состоявший наполовину из поляков и наполовину из реестровых королевских казаков, старшиной у которых были тоже поляки. Вольные казаки низовьев Днепра были сдавлены с обеих сторон до 1648 г., когда началась национально-освободительная война во главе с Зиновием Богданом Хмельницким против поляков по всей Украине.

История этой борьбы З. Б. Хмельницкого в союзе с крымским ханом и турецким султаном хорошо известна и описана в литературе. Гетман запорожского войска З. Б. Хмельницкий ввиду союза с крымскими татарами вынужден был наложить мораторий на морское пиратство запорожских казаков против татар и турок. Надо отметить, что опыт у запорожского гетмана в морском пиратстве был неплохой. При гетмане П. Сагайдачном молодой З. Б. Хмельницкий предводительствовал 10 тыс. отважных запорожских пиратов. Так, в 1621 г. спустившись Днепром на чайках в открытое море, запорожцы с участием З.Б. Хмельницкого захватили и потопили 12 турецких галер, а остатки турецкой флотилии преследовали до самого Босфора, после чего с добычей и пленными вернулись на Сечь.

Любопытным является содержание уникального договора о прекращении на 100 лет морского пиратства и о торговле на Чёрном море, заключен-

ного в числе первых договорных отношений между восставшим против польского угнетения Войском Запорожским и ставшим их союзником турецким султаном, текст которого приведен ниже.

«1. Султан турецкий разрешает казацкому войску и его государству плавать по Чёрному морю ко всем своим портам и к портам иностранных государств и христианских стран, а также по всем рекам и местам, с которыми хотят вести торговлю. Товары, которые захотят продавать, покупать и менять, по своей воле оставлять в портах, входить в них по желанию, без каких-либо задержек, препятствий и трудностей.

2. Для поддержания новой торговли Запорожского Войска и его государства султан турецкий освобождает его купцов от всяких сборов, платы и налогов, а также их товары, которые они захотят вывозить до турецкого государства, на 100 (!) лет (если не может быть на 100 лет, то хотя бы на 50 или, по крайней мере, на 30), чего все правительства должны придерживаться. Если пройдет 100 лет, дай Боже, то товары должны облагаться не большими налогами, чем у самих турок.

3. Султан турецкий разрешает казацкому войску устраивать и покупать здания под склады в городах и портах султана, которые находятся как на Чёрном, так и на Белом (Мраморном) морях, а также его купцам проживать свободно, без каких-либо налогов 100 указанных выше лет.

4. Резидент Войска Запорожского и земли его будет проживать в Стамбуле с надлежащим достоинством и безопасностью. Такой резидент имеет право добиваться справедливости для обвиняемых казацких купцов. Войско Запорожское также принимает резидента страны в своем портовом городе, который имеет право выдавать паспорта галерам или казацким судам, которые хотят куда-либо плыть, а за паспорт не должны брать более одного червонного золотого. Перед резидентом старший хозяин галеры и судна должен присягнуть, что не замышляет измены против государства султана. Резидент султана тоже должен дать каждому такое право на письме, кому оно необходимо будет, которое пишется в таком случае на турецком языке, с подписью своей руки и печатью.

5. Чтобы задержать своевольных людей, которые захотят на море выходить, Войско Запорожское с уведомлением султана основывает несколько портовых городов ниже порогов вплоть до слияния реки Южного Буга с Днестром. Оттуда и торговля должна вестись, и безопасность на море от своевольников должна быть укреплена.

6. Если какой-то своевольный из Войска Запорожского вышел бы в море,

то Войску Запорожскому исполнить по отношению к виноватому справедливое наказание в присутствии резидента султана. По этой причине казацкую торговлю и его купечество в государстве султана никто и нигде не будет придерживать или затруднять.

7. Если на Дону какое своеволие случилось бы и оттуда вышли на море для разбоя, то казацкие суда вместе с турецкими галерами должны своевольников ловить и наказывать и взаимно одни другим помогать, чтобы море было чистое и свободное.

8. Если казацкое судно или корабль погибнет на берегу султана, то чтобы вещи, какие на нём оставались, были сберегаемы и переданы наследникам.

9. Если казацкое судно, упаси Боже, нарушило бы в этом право султана, то чтобы был наказан старший такого судна, а оно само с товарами и работниками должно быть свободным, как и другие суда, что имеются в компании с ним, чтобы и невинные не страдали, и мир был ничем не нарушен.

10. За турецкие долги у казацких купцов должно быть такое право, как у турок во всей турецкой стране, а также немедленная справедливость.

11. Казацкие суда или корабли султан турецкий не должен разрешать использовать на услуги, а также людей на них, товары, оружие, но обещает им обеспечивать свободный переход и отход со всем тогда, когда они захотят.

12. Если какой-то купец умер бы в стране султана, или на море, или на суше, то всё его имущество будет принадлежать его наследникам и не может быть никем задержано, а если же что кому передано или записано перед смертью, то это не имеет никакого значения.

13. Христианских узников у турок, так и турецких у христиан казацким купцам можно свободно выкупать. А если христианский узник в стране султана убежал бы на казацкое судно или корабль, старший на судне не должен его таить или перепрытывать, но должен его выдать. Но за это не должен понести никакого вреда или обвинения, ни он сам, ни судно, ни товар его, как в случае, если какой-то работник вольный или невольник убежал бы с казацкого судна, то турки должны выдать его казакам.

Пункт 7 этого договора с султаном едва не привёл к конфликту с донским казачеством, но делегация запорожцев во главе с сыном Хмельницкого Тимофеем сумела утрясти по сути вмешательство днепровцев в дела донцов. Договор морской продержался вместо 100 всего 5 лет.

В 5-летней борьбе с поляками гетман Запорожского Войска З.Б. Хмельницкий метался в поисках союзников и покровителей: крымского хана, турецкого султана, московского царя. Турецкий султан и крымский хан

звали казаков в своё подданство, а в Москве вопрос о приёме казаков Запорожского Войска был решён отрицательно. Осторожный царь Алексей Михайлович и боярская дума не торопились на помощь, а только вели переписку с Польшей о выполнении ею договоров с казаками.

6 июля 1653 г. в Москве узнали, что у гетмана Хмельницкого находятся турецкие послы, ожидающие принятия присяги Войском Запорожским на верность и службу султану Турции. Тогда царь Алексей заторопился. Он послал стольника Ладыженского к Хмельницкому с грамотой, в которой сообщалось: «Мы позволили принять вас под свою руку, да не будет врагам Креста Христова в притчу и поношение, а ратные люди наши собираются». 9 августа 1653 г. гетман письмом ответил царю: «Пребываем благонадёжны на премногую милость, которую нам твоё царское величество показать изволил. Мы иному царю служить не хотим, только тебе бьем челом».

1 октября 1653 г. в Москве был созван Земский Собор «из всех чинов и людей, которым объявили о приёме Войска Запорожского с городами и о неправдах польского короля Казимира». Собором приговорили: «За честь царей Михаила и Алексея стоять и против польского короля войну вести. И чтобы гетмана Богдана Хмельницкого и всё Войско Запорожское с городами и землями государь изволил принять под свою руку».

В Чигирин к гетману были посланы московские послы и войско. Казачье войско должно было впервые в своей истории вольности быть приведено к присяге московскому царю. 8 января 1654 г. в Переяславле была собрана казачья Рада, и Хмельницкий объявил о принятии им подданства московского царя. Присланный из Москвы боярин-воевода Бутурлин вручил гетману знамя, булаву, феразь и соболиную шапку от царя. Хмельницкий и часть казаков принесли присягу на службу московскому царю. Для них вольное казачество с этой минуты завершилось, хотя казакам были обещаны их вольности, а число казачьего войска было определено в 60 тысяч.

Однако возникла в среде казачества сильная партия против присоединения запорожцев к Московскому царству во главе с одним из выдающихся кошевых атаманов запорожцем Иваном Сирко.

Переход днепровских казаков под власть московского царя произошёл как с одной, так и с другой стороны под влиянием внешних причин. Казаки Войска Запорожского, спасаясь от окончательного их разгрома Польшей, искали защиты у любого государства, способного остановить их разгром более мощным польским войском и предоставить более или менее достойные условия украинскому реестровому и вольному запорожскому казачеству.

Московское царство приняло их под свою опеку не от большой любви к братьям-славянам христианского вероисповедания, а чтобы удержать от перехода под власть Османской Порты, т. е. не иметь турецких владений и военной силы султана вблизи границ своего царства. Московский царь Алексей Романов объявил Запорожскому Войску З.Б. Хмельницкого определённые вольности, но и предъявил требования как к служилому войску царства.

После присяги гетмана З. Б. Хмельницкого от имени украинского населения московскому царю в 1654 г. возник вопрос и о присяге царю войск запорожских низовых казаков в Сечи, где возникла сильная партия во главе с кошевым атаманом Иваном Сирко, не желавшая стать в подданство московского царя. Москва стала настаивать на присяге вольных запорожцев на верность царю. Только через четверть века войн между разными группами украинских казаков за симпатии и антипатии к царю, султану или королю, после разделения Поднепровья на польскую, турецкую и московскую части, после войн между царством, королевством и султанатом удалось формально привести к присяге Московскому царству и низовое запорожское войско.

1 августа 1680 года на Сечи скончался авторитетный кошевой атаман низовых запорожцев Иван Сирко, противник подданства запорожцев Московскому царству. И в том же году на Сечь напало моровое поветрие. Новый московский царь Федор Алексеевич Романов, вступивший на престол в 1676 году после смерти отца царя Алексея, принудил турецкого султана заключить в Бахчисарае мир на 20 лет, по которому все украинские земли отошли к Московскому царству. Царю Фёдору удалось заключить мир на 13 лет с польским королём с покупкой за 200 тысяч рублей Киева на правом берегу, но с уступкой полякам нескольких городов под Смоленском. А уже в ноябре 1680 г. в Запорожскую Сечь прибыл из Москвы царский посланник Бердяев с царским жалованием низовому запорожскому войску. Запорожцы вынуждены были целовать крест в сечевой церкви и присягнуть на верность московскому царю в качестве служилого государева войска. Так формально с присягой казаков по частям с 1654 по 1680 годы завершилась эра двухвековой вольной жизни всех днепровских казаков.

Глава 19. Путь вольного донского казачества на военную государственную службу

История пути этого ни мало ни много составляет около 300 лет. А начался он 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле со знаменитой битвы золото-ордынского хана Мамай с великим князем московским Дмитрием. К концу августа 1380 г. у устья реки Лопасты войска московского князя, соединенные со слабыми дружинами князей-союзников из Белоозера, Ростова Великого и Переяслава Залесского (на призыв князя Дмитрия не отозвались ни Новгород Великий, ни Тверь, ни Суздаль, ни Нижний Новгород) переправились через Оку и подошли к верховьям реки Дон. То, что случилось далее, московский летописец называет чудом: к московскому князю Дмитрию явились с войском донские казацкие атаманы. В летописи, как сообщает французский историк А. Гордеев (потомок первой волны донских казаков-эмигрантов в гражданскую войну - авт.), записано: «Там в верховьях Дона народ христианский воинского чина живущий, зовимый «казаки» в радости встреча великого князя Дмитрия, со святыми иконами и со кресты поздравляюще ему об избавлении своем от супостата, и приносяще ему дары от своих сокровища, иже имеху у себя Чудотворныя Иконы в церквях своих». Это и были одни из предков современного Всевеликого Войска Донского - бывшие ордынские, ставшие с распадом Золотой Орды вольными казаками Дона, тоже искавшими надежных союзников. Казацкое ополчение с атаманами из городков Гребни, Сиротин и других поднесло князю Дмитрию накануне Куликовской битвы икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской. Казацкие поселения донцов, оказавшиеся в сложившихся геополитических условиях конца XIV в. в регионе между Волгой, Доном и Окой, были далеко отодвинутыми от границ Московского княжества в сторону образовавшихся разнообразных орд кочевников и попросту разбойных подразделений татар Казани, Астрахани, Крыма, вырвавшихся из-под опеки угасавшей Золотой Орды, с которыми донские казаки вынуждены были вести непрерывные бои, а то и битвы за свою жизнь и независимость. При наличии общего языка и религии, столетий опыта подневольной жизни под татарским игмом Золотой Орды с чуждой религией, языком, культурой, укладом быта военный союз вольных казаков Дона с ближайшим территориально Московским княжеством был вполне естественен. Что и подтвердилось в последующих этапах развития истории Московского княжества, а позднее царства и вольного донского казачества.

Московские историки, а следом за ними в большинстве своем и донские, умалчивали и замалчивают в наше время о том, что в московских хрониках

имелись сведения о существовании донских казаков в составе войск Золотой Орды, об участии их в составе московских войск князей-предшественников царя Ивана IV Грозного (см. часть 2 главы 17 книги о привлечении московским князем Иваном III в XV в. вольных донцов для первого взятия столицы татарского ханства Казани в целях наказания зарвавшихся соседей с востока, образовавшихся после распада Золотой Орды). Умалчивали и о не прекращавшейся связи вольных казаков Дона с московскими князьями на протяжении всего времени от князя Дмитрия Донского вплоть до царствования Ивана IV Грозного, со времени которого история взаимоотношений прослеживается в официальных актах Московского царства.

К этому времени у казачества по Дону была очень сложная ситуация. В 1502 г. крымский хан Менгли-Гирей, вассал могущественной турецкой империи, при ее поддержке нанес решительное поражение хану Золотой Орды Шейн-Ахмету, разрушил столицу Сарай и окончательно покончил с Золотой Ордой. После этого поражения Золотая Орда, как политическая и военная сила, прекратила свое существование.

Вольные казаки по Дону делились тогда на чисто донских и на азовских. Первые из них, называемые «верховыми», не покидавшие мест своих поселений еще с начала угасания Золотой Орды, жили по притокам Дона рекам Хопер и Медведица, а также на среднем течении притока Северский Донец. Вторые жили в Приазовье и нижнем течении Дона. Азовские казаки, независимые от Московского княжества, крымского ханства и турецкого султаната, после победы крымских татар над Золотой Ордой, стали следующей военной целью для султана Турции. Тот же 1502 г. становится роковым не только для Золотой Орды, но и для низовых азовских казаков. По приказу султана хан Менгли-Гирей выступил с крымскими татарами против казаков и вытеснил их из Азова, Приазовья и низовьев Дона. Азовские казаки двинулись вверх по течению Дона и основали свои поселения-городки при слиянии Дона и Северского Донца с центром в городке Раздоры. По течению Дона освобождались земли, на которых столетиями жили предки донцов - ордынские казаки. Со стороны Волги по левому побережью Дона до устья Хопра кочевали орды ногайцев. Вся степная полоса по правому побережью Дона к западу была свободна от кочевников, но необитаема и именовалась Дикое поле, страшное для невооруженных людей. В Диком поле носились, занимаясь разбоем, отряды вольных казаков с Днепра и Дона, сталкивались на поречьях Дона с ногайцами, астраханскими и крымскими татарами. Всем Поволжьем от Казани до Астрахани владели татары этих ханств - Казанского и Астрахан-

ского, каждое из которых считало себя правопреемницей сокрушенной Золотой Орды. Астраханские, ногайские орды соединялись с крымскими татарами и господствовали на всем протяжении донского Дикого поля.

В таком положении находилась земля вольных донцов до половины XVI в. Не в лучшем положении было и Московское царство, провозглашенное таковым великим князем Иваном III в 1471 г., после женитьбы на дочери брата императора Византии, с принятием в качестве герба двуглавого орла - герба рухнувшей под ударом Турции Византийской империи. Время было своевольное и безначальное, что особенно усилилось в правление Боярской Думы в малолетство царя Ивана IV, когда царство было доведено до полного разорения и сделалось, по выражению российского историка Н. Карамзина, «жертвою и посмешищем неверных». За 13 лет боярского правления крымский хан Саип-Гирей, подкупаемый польским королем Сигизмундом I, 5 раз предавал южную часть Московского царства мечу и огню. А в северо-восточной части царства казанские татары неистовствовали набегами, как крымцы, усыпая землю московскую трупами убитых, оставляя ее в пламени сел и деревень. И те, и другие уводили в плен десятки тысяч жителей Московского царства. Так было до венчания Ивана IV в 1547 г. на царство и объявления себя самодержавным царем.

Как возник союз Ивана IV с казаками Дона, описано у российского историка генерала А. Ригельмана: «Проведали казаки о том, что московский царь Иван Васильевич ведет войну с татарами в течение 7 лет и что заветным желанием его является взятие главного города татарского ханства Казани... Зная, что русские Московского царства держатся такой же «греческой» веры, как и сами казаки, а татары веры магометанской, донцы решили оказать помощь московскому царю... Царь послал одного из бояр разведать, что это за люди, откуда и зачем пришли и куда идут... В ответ боярину сказали: «Русские вольные люди, пришедшие с Дону царю московскому помогать взять Казань и за дом Пресвятыя Богородицы свои головы положить». Царь дал согласие на просьбу казаков».

А. Ригельман далее пишет, что по взятии Казани донскими казаками, введения вслед за казаками в уличные бои московских войск и очищения города от татар царь Иван IV велел одарить казаков казною и взятыми из покоренного города богатствами. Далее генерал, исследователь жизни Донского войска, написавший историю о донских казаках, сообщает очень важное: «...но донцы ничего того не взяли, а просили, чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что царь им и не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с крепким под-

тверждением и даже закланием о ненарушимости ее во веки веков».

А Иван IV после взятия Казани в 1552 г. с помощью 10 тыс. казаков под началом атамана Федорова решил покончить и с Астраханским ханством. Весною 1554 г. он послал по Волге и по суше сильную рать под началом князя Пронского-Шемякина. Узнав об этом, вольные донцы поспешно двинулись к Переволоке под началом атаманов Ф. Павлова, А. Шадры и Лякуна, и, вступив в передовой отряд князя Вяземского, нанесли страшное поражение татарским войскам астраханского царя Ямгурчя, убежавшего в Азов к туркам. Князь Вяземский занял Астрахань без боя.

Весть о разгроме татар на Волге быстро распространилась по югу. Казацкии общины низовых казаков, изгнанные в 1502 г. крымским ханом с Дона, начали объединяться и через полвека двинулись лавиной на берега родного Дона, обескуражив и наведя страх своим появлением на крымских татар и турок. Казаки в самые короткие сроки овладели берегами Дона от Азова до верховьев реки, имея на это право по грамоте московского царя Ивана IV.

Служа и далее из чести московскому царю, вольные донские казаки ни за что не хотели принимать присяги на верность службы.

После смерти царя Ивана IV Грозного в 1584 г. на московский престол вступил его сын Федор Иванович, при котором началась полоса мирного существования, чему способствовала внешняя политическая обстановка. Царь московский знал, что на Дону всегда были 12 тыс. вольных донских казаков, готовых выступить в поход в составе московских войск и сдерживающих с юга крымских татар и турок. Еще в царствование Ивана IV в 1572 г. Войско Донское было объединено: «верховые» и «низовые» казаки были под властью одного войскового атамана, избираемого Войсковым Кругом. Границы Московского царства на юге вплоть до конца XVI в. отделялись от земель Войска Донского большими пространствами Дикого поля. Но в царствование Федора Ивановича начинается быстрое продвижение царских владений в пределы этого «поля». И вот здесь правитель при царе Федоре, слабого здоровьем, боярин Борис Годунов решил еще больше подтянуть южные окраины царства к Москве и наложить руку на земли и волю донского казачества.

В 1593 г. с послом в Турции Нашёкиным донцам была прислана от царского имени грамота, в которой указывалось, чтобы «казаки с азовцами (турки города-крепости Азов и их союзники, крымские татары в Приазовье, - авт.) жили в мире». Но главное, в грамоте указывалось, что на Дон посылается «голова», боярский сын П. Хрущев, с которым донские казаки на Дону,

«где пригоже царским делом промыслили бы». Войсковой Круг решительно отказал признать власть присланного московского «головы».

После этого Борис Годунов послал на Дон князя Волконского с грозной грамотой, в которой от имени царя Федора за вооруженные нападения на азовцев и Крым грозил казакам опалой и казнями. А далее следовало: «Впредь вам к нам николи не бывать. И пошлем на низ Доном в Раздоры большую рать и поставить велим городок в Раздорах и вас гоним с Дону, и вам от нас и от турецкого султана где избыти, только почнете воровать, как теперь воруете». Кроме того, давался указ об отправке казаков на военные действия вместе с московскими дворянами. Казаки при таком отношении не только не захотели пойти на службу, но и отказали в препровождении посла в Турцию.

Тогда правитель царя Федора Борис Годунов предпринял против донских казаков крутые меры: им было запрещено появляться в пределах московских владений, а пограничным жителям было запрещено вести с казаками торговлю. Если казаки появлялись самовольно в городах московских владений, их хватали и сажали в тюрьмы, а многих казаков казнили, вешали и в воду садили. Для обуздания казаков была построена на Северском Донце крепость Царев-Борисов. За поимку московскими «охотниками» донских казаков на их территориях от царя Федора следовала награда.

В январе 1598 г. царь Федор умер, не оставив прямого наследника. Народ царства присягнул его жене, царице Ирине, сестре Бориса Годунова. Царствовавшая 736 лет династия Рюриковичей прервалась. 1 сентября 1598 г. на царство венчался татарин по происхождению, не имевший к тому же никакой наследственной преемственности престолонаследия, боярин Борис Годунов по решению Земского Собора, так как его сестра царица Ирина отреклась от престола и ушла в монастырь.

Царь Борис в отношении Дона установил полную блокаду и с Войском Донским прервал всякое общение. Вольные донские казаки, оторванные от Москвы и утратившие царское жалование за службу, положенное царем Иваном IV Грозным, стали делать разбойные набеги на татарский Крым и турецкий Азов, разбойничать на Волге и Каспии.

Донские казаки мерами царя Бориса были поставлены в совершенно враждебные отношения, но любопытно, что первые сведения о том, что убитый царевич Дмитрий якобы жив, были получены царем Борисом от донских казаков. В 1604 г. донские казаки захватили на Волге брата Годунова и отпустили его в Москву с наказом: «Объяви Борису, что мы скоро будем к

нему с царевичем Дмитрием». В Московском царстве начиналось «Смутное Время», достаточно подробно исследованное и описанное в истории и литературе. Донцы участвовали до 1613 г. в нем с разных сторон, но с призванием на московский трон польского королевича Владислава и занятием Москвы поляками влились в ряды народного ополчения Минина и Пожарского. Ополчения было 3500 человек, казаков - 11 тыс. 25 октября 1612 г. поляки сдались им и отворили ворота Кремля. Вопрос об избрании нового московского царя обсуждался и на Священном Соборе, и в вооруженных частях казаков и ополчения. Атаманы донские принесли келарю лавры Аврааму Палицыну челобитную об избрании царя из русских, а именно Михаила Федоровича Романова, чтобы Палицын представил челобитную на Собор. Бояре Романовы были дальними родственниками прекратившейся династии Рюриковичей. После венчания на царство 11 июля 1613 г. Михаила Романова в Коломенском дворце было оставлено 35 выборных донских казаков для несения службы при царе, а казачье войско вольных донцов возвратилось на Дон.

В благодарность новый московский царь Михаил выдал донцам жалование, грамоту, восстанавливающие их права на казацкие вольности и привилегии на донских землях, как и при царе Иване IV Грозном, и за боевые заслуги Войска Донского первое из царских знамен для донцов. Так была достигнута уже в XVII в. первая из важнейших стратегических целей вольного Войска Донского, но не главная. Не было царской поддержки донским казакам в раскрытии запертого турками и татарами водного пути для торгового мореплавания и рыбного промысла из реки Дон в Азовское и Черное моря, а в конечном итоге и в Средиземное море - своего рода «окна в Европу». Этому препятствовал северный форпост Оттоманской Порты турецкая крепость Азак (Азов), сильно укрепленная турками и с суши, и с моря, и с Дона. В этом отношении цель донских казаков была в полном противоречии с политикой Московского царства, очень ослабленного в сравнении с Крымским ханством татар и султанатом Турции.

В августе 1615 г. московский посол в Турции проездом через Дон привез Войску Донскому немалое жалование от царя Михаила. Азовский паша, принимая посольство для переправы морем в Крым, а оттуда в Турцию, настаивал на мире казаков с азовцами, поскольку донцы начинают чинить им вред «хуже жидов».

Все последующие годы казаки постоянно то ссорились с азовцами, то мирились, брали за мир с них и золотом, и котлами, и солью. Более того, у

донцов наладился союз с запорожцами на морской разбой и пиратство вплоть до анатолийского побережья Турции. Запорожцев приходило на Дон для такого промысла до 2 тыс. казаков.

Несмотря на указы и просьбы царя Михаила, казаки вновь и вновь ходили на разбой в море. А в 1617 г. взяли на абордаж 7 турецких галер (каторг) и пленили пашу, за которого потребовали выкуп в 3 тыс. золотых. Чтобы положить конец разбою и пиратству донцов и запорожцев и запереть вход - выход в Азовское море, турки засыпали рукав Дона - Мертвый Донец, а по другому рукаву Каланче поставили башни и перекинули через Дон железные цепи. Казаки нашли выход из положения и быстро перекопали из Дона выше Каланчи, превратив ерик (протока) в судоходный канал, выходящий в третий рукав Дона в море, и стали так же грозно разбойничать с моря на крымских и турецких берегах, как и прежде.

После мира Московского царства с Польшей в 1619 г. из польского плена вернулся в Москву отец нового очень молодого русского царя Михаила Филарет, поставленный патриархом и одновременно соправителем царствующего сына. Филарету удалось заключить с турками мир и даже союз против ненавистного, после плена, польского короля Сигизмунда. Патриарх Филарет от имени царя Михаила потребовал от донских казаков не только мирных отношений с азовцами, но и приказывал казакам выступить против поляков в составе турецкой армии под начальством турецких пашей. Предложение было решительно отклонено на Круге и помощь Москве не оказана.

После страшного опустошения, произведенного казаками на турецких и крымских побережьях Черного моря, царь Михаил (читай патриарх Филарет) в 1623 г. послал на Дон князя Белосельского с грамотой, где мягко выговаривалось казакам за ослушание царских просьб жить с азовцами в мире и морского разбоя не чинить туркам и крымцам. Посланник был предупрежден, чтобы казаков не ожесточать и не раздражать в речах на переговорах. Одновременно князь стал первым московским царским шпионом, которому было поручено тайком на Дону собрать сведения об атаманах и казаках верхних и нижних городков, численности казацкого населения - сколько и где проживает на Дону запорожцев и их переходах с Сечи на Дон и обратно; нет ли сношений Войскового Круга с польским королем и др.

Хотя казаки и обещались царскому посланнику не задевать азовцев, но обстоятельства заставили уже на следующий 1624 г. вновь поднять оружие против турок. В морском походе на анатолийское побережье Турции в Черном море казаки разгромили порт-крепость Трапезунд и другие прибрежные города. Затем организовали приступ на крепость Азов в низовьях Дона. Взя-

ли угловой бастион крепости, взошли на крепостные стены, но, к несчастью, башня обрушилась, и атаман Родилов был ранен, турки отбили приступ. Тогда казаки организовали приступ на Каланчинскую башню с цепями через реку, захватили ее и разрушили до основания, побросав камень в воду, а медь из захваченных 9 пушек послали по бедным монастырям для переплавки на колокола.

22 октября 1625 г. разгневанный царь Михаил послал на Дон грозную грамоту, в которой с обидой упрекал казаков: «И нам великое подивленье, что вы нашего государева повеленья не слушаетесь. Вспомните, какая вам неволя была при прежних государях (царе Федоре и царе Борисе - авт.), особенно при царе Борисе... мы же вам вольность учинили... А вы наше жалованье и повеленье поставили ни во что.

В войне против польского короля (имеется в виду под начальством турецких пашей - авт.) вы не подали нам никакой помощи. Многие из вас ходят на Волгу, на Яик и на море, суды и бусы громят и многую škodu делают, а вы их от того не унимаете... А нам вам за такие ваши грубости жалованье давать не за что, и в города в ни которые вас пускать, и запасы ни с какими из городов к вам ездить не велим...».

После такой грамоты донцы прервали всякую связь с Москвой и по-прежнему продолжали делать дела вольных казаков: занимались вместе с запорожцами морским разбоем, громили пригороды крепости Азов, отбивали у турок и крымцев пленных христиан, угоняли стада и табуны.

Вольные казаки появлялись на Волге и Каспийском море и пиратствовали там в отношении персидских торговых судов. Некоторые из них, большей частью казаки верховых по Дону городков, без разбора грабили и торговые, и государственные суда Московского царства. Их донцы называли воровскими. Эти зачастую ослушивались и не подчинялись приказам Войскового Круга и войскового атамана. В 1627 г. войсковой атаман Епифан Радилов приказал воровских и ослушных переловить и доставить на суд Войска Донского, на Монастырский Яр, а также всех торговых людей, которые покупали у воровских казаков добычу и ясырь (пленных) и им продавали порох и свинец. Круг присудил таких воров бить и грабить их имущество. После такой расправы казаки накрепко заказали себе, чтобы никто не ходил с Дона на Волгу для воровства, а если кто ослушается, того казнить смертью. С 1622 г. по 1627 г. донские казаки в союзе с запорожскими навели такой страх на турок и крымских татар морскими разбоями на крымском и анатолийском побережьях, нередко появляясь под стенами Константинополя, что турецкий султан стал просить царя Михаила унять их. В Москве посла султана

уверили, что донские казаки исстари люди вольные, повелений царя не слушают и живут своей самостоятельной казацкой жизнью. Однако же дали согласие послать на Дон грамоту с просьбой к казакам жить с азовцами мирно и не разбойничать на море в городах турецких.

Грамоту эту привезли на Дон московские послы в Турции вместе с денежным и хлебным жалованьем, сукном, селитрой, порохом и свинцом. Казалось, что отношения с Москвой стали у Войска Донского налаживаться. Но в 1628 г. казаки вновь разгромили побережье Крыма, сожгли город Карасубазар, Балаклаву и другие и с большой добычей и пленниками возвратились в войско. В 1629 г. казаки в числе 2 тысяч повторили морской разбой в Крыму в городах Бакчи-Сарай, Мангуп, потом пошли на стругах к берегам Румынии, где, поддержанные прибывшими через Днепр запорожцами, дали морской бой турецкому военному флоту, обратив его в бегство. Началась переписка с царем - выяснение отношений. Но казацкая молодежь не могла усидеть дома и весной 1631 г. вместе с пришедшими на Дон запорожцами в числе около 1 тыс. человек ушла на Волгу и там, соединясь с яицкими (уральскими) казаками, стала разорять учуги и рыбные ловли. Потом пошли в Каспийское море и стали пиратствовать против персидских торговых судов.

Портрет Хмельницкого 1651 года.

Весной 1632 г. из Москвы на Дон прибыл атаман Тимофей Яковлев с царской грамотой. Царь Михаил и патриарх Филарет слали «жалованное к казакам слово и патриаршее благословение» и тут же требовали от казаков Войска Донского целования креста на верность как им, там и царевичу Алексею Михайловичу. Казаков это возмутило, и на требование присяги с целованием креста дали решительный отказ, отписав царю: «И крестного, госуда-

ри, целованья на Дону, как и зачался Дон, казачьими головами не повелось...». Царь и патриарх наложили на донцов опалу и анафему.

Но они нуждались в помощи донского вольного казачества, и в 1633 г. опалу и анафему предали забвению. В милостивой грамоте от 15 апреля 1633 г. царь Михаил об этом написал на Дон и благодарил казаков за действия против крымцев и ногайцев, призывал к походу вместе с московскими войсками против татар Казыева улуса на реке Куме на Северном Кавказе. За 1632 - 1634 гг. царь прислал, как и прежде, донцам жалованье: 2 тыс. руб. денег, 10 поставов сукон лучших, 13 поставов сукон средних, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей круп, 30 четвертей толокна, 100 ведер вина и водки, 60 пудов пороху и 30 пудов свинцу.

В октябре 1633 г. скончался отец царя - ненавистный казакам Филарет. А в 1635 г. через своих послов к турецкому султану царь Михаил прислал вольным казакам Дона за их службы второе царское знамя.

Итак, все переговоры турецкого султана с Московским царством, начная с царя Ивана IV Грозного, об удалении вольных казаков с Дона, в течение почти века ни к чему не привели. А силы донцов год от году прибывало. Азовцы это видели и чувствовали, что им грозит большая опасность и за крепостными стенами Азова, а потому прилагали все усилия для укрепления с приглашением лучших мастеров и инженеров из стран католического Запада.

В Азове древние православные церкви были обращены турками в мечети, а многие разрушены. Уцелело только два храма, особенно чтимые казаками в бытность проживания их в Азове, построенные в V или VI вв., - соборная церковь святого Иоанна Предтечи и церковь святителя Николая. В них пленные православные христиане сходились иногда на молитву. Богослужение совершал греческий монах.

Зная об этом, казаки скорбели душами своими и негодовали на бесчеловечие и дерзость зазнавшегося врага и, наконец, решили вырвать во что бы то ни стало город - центр бывшего азовского, а теперь низового донского вольного казачества из рук турок-захватчиков чужого мусульманского вероисповедания. С этой целью старые казаки, посоветовавшись, кликнули весной 1637 г. вместе с войсковым атаманом клич по всему Дону, прося атаманов-казаков собраться для решения этого, не разбойного, а военного дела на Монастырский Яр. Казаки на Войсковом Круге единодушно порешили: «Идти посечь бусурман, взять город и утвердить в нем православную веру». Дело в том, что еще зимой 1637 г., не зная намерений донцов в отношении

самостоятельной войны Войска Донского с крепостью Азов, царь Михаил с послом направил казакам обычное жалованье, а также грамоту с просьбой жить с азовцами мирно и «никаких задоров им не чинить». Но зимой на Дон прибыл турецкий посол грек Фома Кантакузен, направляясь в Москву, уличенный казаками в шпионаже путем пересылки крымцам, туркам и ногайцам во время стоянки на Дону сообщений о приготовлениях казаков к войне против Азова и требуя немедленной помощи Азову от татар Крыма и Кубани. Посла-шпиона арестовали.

У казаков не было тяжелой артиллерии для разрушения крепостных стен, но был запас пороха, свинца и провианта, а также опыт взрывных операций с крепостными стенами и абордажных боев на море. Да и выставить войско для осады крепости смогли только в 4 тыс. человек, в основном, низовых казаков, как показал сбор на Монастырском Яру. И тут неожиданно в начале апреля, проходя через Дон в поисках службы у персидского шаха, ведшего войну с турецким султаном, появился большой отряд запорожских казаков численностью около 4 тыс. человек, замученных в Сечи притеснениями поляков после поражений от них в конце 20-х - середине 30-х годов. Донцы встретили запорожцев дружелюбно и предложили остановиться у них: «Вот Азов, - возьмем и откроем свободный путь в моря Азовское и Черное, - богатая добыча будет нашей наградой. Хотите быть верными друзьям и братьям своим?». 9 апреля 1637 г. на Кругу было принято решение: в совместный поход на море не ходить, а идти всем на Азов и взять крепость.

19 апреля 1637 г. во главе с избранным походным атаманом Михаилом Ивановым, по прозвищу Татарин, объединенное войско донцов и запорожцев двинулось к Азову. Часть его плыла на стругах по Дону, чтобы заблокировать вход турецким судам с моря к крепости, а часть на конях и пешим ходом вдоль берега реки. Заслон на левой стороне Дона в кубанскую сторону на Темрюк и Тамань образовала казацкая конница, заняв позицию по течению реки Кагальник (ниже Азова). Другая часть конницы на правом берегу Дона составила заслон от крымских татар и ногайцев.

21 апреля казаки обложили крепость со всех сторон. Комендант Азова Калаш-паша и гарнизон в 4 тыс. янычар с оружием наблюдали со стен крепости. Казаки предприняли штурм с ходу, но были отбиты и приступили к осаде основательно, тем более, что у запорожцев был отличный мастер подрывных работ немец Иоган Арадов.

Осада и взятие казаками Азова, удержание его в течение 5 лет при попытке турок отбить крепость, и оставление в 1642 г. турками после отказа Московского царства от принятия Азова описаны в донской и российской исто-

рии, но мало известны украинскому современному поколению читателей, знавших в советское время об «азовском сидении» казаков. Нынешнее поколение демократической независимой Украины вообще незнакомо с героической эпопеей совместной битвы вольных донцов и запорожцев за крепость Азов на Дону. Этот интересный материал выделен в книге в отдельную последующую главу.

18 июня 1637 г. турецкая крепость Азов пала под ударами объединенного войска вольных донских и запорожских казаков. Московская власть смалодушничала: она не только не дала Дону помощи военной силой, отделившись посылкой на Дон нескольких тысяч рублей, 200 поставов сукна, съестных припасов, свинца и пороха, но убеждала их покинуть Азов и уйти в казачьи юрты и предоставила донских казаков самим себе.

После оставления казаками Азова турки в 1642 г. заняли разрушенную крепость и восстановили ее. В 1644 г., пользуясь малочисленностью и слабостью после пятилетней битвы Войска Донского, турки внезапно двинулись вверх по Дону, сожгли городки Монастырский Яр, Черкасск и другие, жителей частью вырезали, частично угнали в плен. Войско перенесло свой главный стан в Верхние Раздоры на Дону и там уже отбивалось от приступов врагов. Оправившись от внезапности набега, казаки оттеснили турок за Черкасск и с упорством защищали это укрепление от многочисленных полчищ крымских татар и ногайцев, окруживших Черкасское укрепление. В 1645 г. казаки обратились к царю Михаилу с просьбой о военной помощи. Но Москва молчала: 12 июня 1645 г. скончался царь Михаил, и на престол вступил его 16-летний сын Алексей Михайлович.

Героическая борьба с могучей Турцией за обладание Азовом обескровила Дон. Войско приобрело славу, но потеряло 50% своего состава. Уцелевшие после Азова донцы дали обет пострижения в монахи и удалились в монастыри.

Нарастающая угроза от народов-соседей поставила Дон в необходимость пользоваться помощью Московского царства, так как днепровские и запорожские казаки были в 1638 г. настолько обескровлены поражениями от поляков, что на 10 лет, до восстания З. Б. Хмельницкого, затаились где и как смогли, часть переселилась на московские земли бывшего Дикого поля, и только небольшой реестр под надзором поляков оставался на Сечи. Недостаток средств также принуждал казаков обращаться все время за помощью в Москву, но жалование было уменьшено и потому недостаточным. Донское вольное казачество вынуждено было все более и более считаться со сложившимся положением и идти по пути добровольного подчинения властям Мос-

ковского царства.

С приходом на трон царя Алексея с 1645 г. число московских войск, посылаемых на помощь Дону, все время увеличивалось. Целью усиления военного присутствия была не только защита Дона и донцов, но и постепенная подготовка к войне против Крыма, но не Турции.

В грамоте на Дон 15 марта 1646 г. царь писал, чтобы по общему уговору казаки с отрядами Пожарского из Астрахани и отрядом Кондырева из Воронежа сделали нападение на Крым с суши и с моря, но не касались турецких владений. Вмешательство царя и подчинение московским военачальникам обескуражило донцов. Они отписали царю об этом и заставили войскового атамана Осипа Петрова, героя азовской обороны, идти с ними на стругах под Азов. Приступ на Азов был неудачен, но зато на Азовском море казаки взяли на abordаж 5 турецких кораблей, из которых 3 потопили, а 2 привели в Черкасск с 30 пушками, пятью знаменами и большим количеством разных припасов и товаров. Затем с пришедшими московскими отрядами разгромили крымцев и ногайцев в числе 7 тысяч на реке Кагальник.

Московский царь Алексей был рад этой победе и за мужество и храбрость бившихся честно и победно казаков послал «...нашему Войску Донскому, атаманам и казакам, Нашего Царского Величества знамя». Это третье по счету знамя было малинового цвета с зеленой каймой сверху, длиной 2,25 аршина, а внизу 4,25 аршина и шириной 3,25 аршина. На знамени были вышиты герб Московского царства - большой черный орел с гербом Московского княжества, со святым Георгием Победоносцем посередине.

И раньше у донских казаков были знамена, но это были знамена казацкие с изображением святых, Христа Спасителя и Богородицы, т. е. казацкой вольницы. Вновь пожалованное знамя Донского Войска имело посередине герб Московского царства. Под ним должно было собираться с этого времени вольное казачество Дона и ему присягать. Победным кличем донцов становилось уже не «С нами Бог! За веру православную, за царя!», а «С нами Бог! За веру православную, за царя и Русь!». Таким знаменем с московским гербом как бы само Войско Донское приводилось к присяге на верность царству и его законам. Знаменем с московским гербом царь Алексей Романов как бы приглашал донских казаков начать служить не только ему лично по договору, но служить Московскому царству и его народу. Быть заодно с ним. Повиноваться законам царства.

И донцы вольные поняли это. Они поняли, что кончается время их вольности. С этих пор казацкие сотни участвуют в войнах с московскими полка-

ми. Раньше они тоже воевали в союзе с москвичами против внешних врагов, но как союзники, по своей охоте и по договору. Они не были обязаны, шли в бой не по приказу, а по своей вольной волюшке. С принятием казацким Кругом царского знамени на Дон от царя шли только приказы: послать столько-то казаков в помощь такому-то воеводе, воевать под началом такого-то воеводы против поляков, турок или татар. Войско Донское становилось не самостоятельной, никому не подвластной, кроме своего Круга, но почитающей московского царя вольной военной силой, а частью служилого войска Московского государства, подчиненной царю. И хотя формально присяги на верность царю и Московскому царству еще не произносилось, донские казаки поняли, что им против царя и Московского царства - не быть.

В июне 1647 г. был выход в море к Крыму и Кубани. Струги их разметал шторм, и погибло 16 стругов из 33-х и много казаков. А на обратном пути на Дон их поджидали азовцы на правом рукаве Дона Мертвом Донце, засыпав русло камнями. После жаркой сечи казаки наконец прорвались в Черкасск на 12 стругах. Вскоре азовцы двинули на Черкасск большой речной флот из 280 лодок и сильную рать по суше из турок, крымцев, ногайцев и черкесов с Кубани. Битвы шли почти каждый день. Казаки послали царю Алексею просьбу о помощи. Царь отправил всего полк солдат в 1648 г.

Вскоре донцы узнали о восстании З. Б. Хмельницкого в Запорожской Сечи против поляков, причем в союзе с крымским ханом. Пока на Украине шла народная война до 1654 г., донские казаки вели беспрестанные военные действия против крымцев и турок, несмотря на недовольство и даже угрозу З. Б. Хмельницкого. Делая ежегодно набеги на крымские и анатолийские побережья, не страшась турецких грозных многопушечных кораблей, донцы появлялись даже под стенами Константинополя в 1652 г. во главе с походным атаманом из Раздорского городка Иваном Богатым. Они разгромили и выжгли его предместья, захватили богатую добычу и пленных. Потом дали морской бой в Черном море преследовавшим турецким кораблям, оторвались и возвратились на Дон.

В 1657 г. донцы на 33 стругах, вмещавших до 2 тыс. казаков, с молодым походным атаманом Корнилом Яковлевым, по стечению обстоятельств крестным отцом будущего казацкого бунтаря Степана Разина, нанесли страшное опустошение по всему южному побережью Крыма и освободили много пленных.

В 1654 г. украинские казаки З. Б. Хмельницкого приняли подданство

Московского царства, принеся присягу на верность и службу царю Алексею. Запорожцы затянули этот акт до 1680 г. После смерти З. Б. Хмельницкого избранный гетманом казаков Украины И. Выговский отдался вновь под покровительство Польши. Московский царь Алексей теперь в открытую убедительно просит донцов «чинить над Крымом промысл, сколько вам милосердный Бог помочи подает». Казаки бросились на 30 стругах в море в числе около 2 тыс. человек и понесли смерть и ужас по всему крымскому побережью от Керчи до Балаклавы, уничтожая села и поголовно истребляя магометанское население и помня, что Магомет, умирая, изрек: «Сражайтесь с неверными, пока всякое противление исчезнет». От берегов Крыма донцы пошли на стругах на Таманский полуостров Кубани и уничтожили там все улусы до Темрюка. В заключение пересекли Черное море на анатолийское побережье, приблизившись к Константинополю. Руководителем этого морского похода был тот же атаман Корнила Яковлев.

В 1660 г. турки и крымцы вновь предприняли большой поход на Дон, но донцы вовремя оповестили царя Алексея, и царское войско числом 7 тыс. с воеводой Хитрово прибыло и стало лагерем близ Черкаска. Война Московского царства с Польшей и Крымом за Украину продолжалась, а потому морскими набегами казаков царь Алексей был очень доволен и при переговорах с Крымом в 1662 - 1663 гг. впервые решился открыто признать действия донцов правильными. Царь даже осмелился упрекать хана за постройку в устьях Дона новых крепостей, которых раньше в тех местах, принадлежащих казакам, никогда не было.

Наконец, в 1667 г. между Москвой и Польшей было заключено перемирие, а в 1670 г. подписано перемирие между Москвой, Польшей и Крымом. В договоре значилось, чтобы со стороны царя запрещено было донцам и запорожцам производить морские походы по Черному и Азовскому морям и не делать никаких нападений.

После этого масса простых казаков, живших военной добычей, осталась без дела. Образовался на Дону разряд казаков-голытьбы, голутвенных, мечтавших о морском разбое над турками и крымцами или о набегах на Каспийское море для пиратства персидских торговых судов, чтобы добыть там новые дорогие и нарядные зипуны, самоцветные камни и чеканного с бирюзой оружия. И тут объявляется личность старшины Степана Разина, заслуженного перед Войсковым Кругом казака. Сначала в 1667 г. он кликнул голутвенных казаков ходить промышлять морским разбоем и пиратством на Волгу и Каспийское море, вопреки строгим приказам Главного Войска. (Удачливые походы этого морского разбойника и пирата в 1667 - 1669 гг.

описаны детально в главе 17 части 2 книги).

События 1670 - 1671 гг., где С. Разин выступил с голутвенными казаками как политический бунтарь, хорошо исследованы и описаны российскими историками и писателями, в том числе Н. Костомаровым в работе «Бунт Стеньки Разина». Один удар хорошо обученных на европейский лад царских войск под начальством князя Барятинского разрушил все планы С. Разина-политика перестроить все Московское царство на казачий лад. Зажиточные старшина и казаки Дона отшатнулись от С. Разина и в Черкасск его не пустили. Он обосновался в Кагальнике. 14 апреля 1671 г. казаки выступили против Разина, а войсковой атаман, его крестный отец Корнила Яковлев под строгим конвоем отправил в Москву крестника, где после следствия его четвертовали.

Войсковой атаман, атаманы, есаулы и казаки, доставившие С. Разина в Москву, получили от бояр инструкции для приведения вольного Войска Донского к присяге на верную службу царю. Им и полковнику Г. Косагову с дьяком А. Богдановым поручалось объявить на Круге царскую милость о всеобщем прощении и принять присягу казаков. Собрался уныло Круг. 4 дня продолжалось волнение на нем. 28 августа 1671 г. вольное Войско Донское вошло в состав Московского царства, а казаки стали, как и днепровцы, подданными царя. Присяга была произведена в Черкасске на майдане близ собора.

Глава 20. Героическая Азовская эпопея самостоятельной войны донцов и запорожцев с турками

Город Азов возник в устье Дона, на левом берегу в XIII в. под названием Азак («дальний», «окраинный», по В. Н. Татищеву, - авт.) в 8 верстах от побережья Азовского моря. Возникшая ещё ранее, за 115 лет до Р. Х., венецианско-генуэзская торговая фактория Тана была на самом берегу Азовского моря. Ею последовательно владели племена, приходившие в приазовские степи и в низовья Дона. Сначала она была занята греческим царём Митридатом Понтийским с Керченского полуострова Крыма. Затем хозяевами здесь были гунны, хазары, печенег. На исходе X в. от Р. Х. городок подпал под власть Великого Киевского княжества. Князь святой Владимир, захватив-

ший Крым, отдал Тану вместе с Тмутараканским княжеством, располагавшимся на обоих берегах Керченского пролива - на Кубани и на Керченском полуострове и прилежавших побережьях Азовского моря, своему, могучему телом от природы, воинственному сыну Мстиславу, родному брату Ярослава Мудрого. После смерти Мстислава в середине XI в., около 1067 г., Тану захватили и разграбили половцы, пришедшие из Азии. А в скором времени в XIII в. поблизости от этих мест на левом берегу Дона поднялся город Азак (Азов). Вскоре его захватили татаро-монголы, которые оценили его красоту и положение в регионе и присоединили во владения Золотой Орды, считая его одним из своих крупных и важных по значению городов улуса.

В 1471 г., с распадом Золотой Орды, в низовья Дона и Приазовья пришли турки из Малой Азии. Власти Османской империи, оценив достоинства географического положения города, запирающего выход из устья Дона в Азовское море, превратили его в город-крепость, северный форпост султаната, из которого для них открылись виды на территорию по Дону до его излучины и по Переволоке и Волге - до Астрахани. В административном отношении турки ввели Азов в состав санджака крымского города Кафы (Феодосия). Гарнизон крепости состоял из 4 тысяч янычар и 200 пушек разного калибра. Боеприпасами, как и провиантом, крепость была обеспечена на год.

Переменной частью гарнизона являлись турецкие моряки и войска с турецких военных кораблей. Город-порт обеспечивал экспорт из Азова - ткани, лошади, овцы, шкуры скота. Но самая знаменитая и прибыльная статья азовского экспорта - это рыба и рабы. Вывоз рабов был стабильной статьёй доходов. Их добыча была регулярной и стимулировалась турецкой империей. Для этого в войсках Османской империи, находящихся на захваченных территориях - провинциях, использовались вспомогательные корпуса, состоящие из турецких добровольцев-акынды («акын» - набег, налёт, а «акынды» - совершающие набег, разбойное нападение). Отряды акынды объединялись по 10, 100 и 1000 воинов-людоловов, имевших каждый обычно 2 лошади - одну для себя, другую - для возможной добычи - рабов, и вооруженных мечами, кривой турецкой саблей и щитом. В Азове насчитывалось 500 акынды, набранных из татар и живших в Топрак-кале - благоустроенном пригороде, обнесённом с наружной стороны рвом и водой.

Когда Османской империи нужны были в огромном количестве гребцы на галеры, в Азове начиналась настоящая охота за русскими пленниками, они шли по самой дорогой цене 100 и более рублей (1 рубль московский стоил 100 акче, 1 дукат - 50 акче, 1 золотой дукат - 300-400 акче).

Особенно продуктивно османскими властями использовались рыбные

промыслы Азова - добыча, обработка и продажа рыбы (осетр, белуга, черная их икра) были делом государственной важности.

Нарушения в жизни города стали проявляться с начала 1550 года и связаны они с деятельностью «русов из края войны» - так по-восточному витеваты называли турки донских казаков. Азовский дидзар (правитель - авт.) Акей-ага жаловался московским послам в XVI в.: «Азов - место украинное (украины - так назывались земли, находившиеся у края держав в XV - XVI вв. - авт.), донские казаки затворили нам дорогу, и торговые люди с товарами не едут, а какие поедут - донские казаки тех грабят, азовским людям тесноту чинят, и оттого здешнее место оскудело». В связи с натиском донских казаков, экспансией Московского царства на юг Турция постоянно укрепляет Азов как главный бастион своей империи на севере, пограничный пункт и военно-морскую базу.

Город Азов к середине XVII в. имел надёжную защиту в виде оборонительной цитадели - крепости из 11 бастионов-башен. Соединявшая их замкнутая крепостная стена была общей длиной 520 сажен. Со стороны Дона стена достигала 10 сажен высоты. Ширина крепостных рвов была 4 сажени, а глубина рвов - 1,5 сажени.

Взятие и удержание порта-крепости или передача его Московскому царству вольными казаками - донцами и запорожцам - имело бы для Турции серьезные стратегические последствия:

во-первых, в северной части военной системы Османской империи была бы пробита ощутимая брешь, причём противником без официального статуса - морскими разбойниками и пиратами - казаками;

во-вторых, турецкая империя лишалась не только крупного опорного пункта в Приазовье - Подонье в военном отношении, о захвате которого не оставляла надежд, но и базы для военно-морского флота;

в-третьих, отпадал торговый опорный пункт для доставки в империю ценных видов продуктов питания, а главное - торговый порт в системе турецкой и международной работорговли восточноевропейскими невольниками;

в-четвертых, развивавшееся после «Смутного времени» Московское царство в случае казацкой воли о передаче Азова получало возможность открыть, наряду с северной «форточкой» в Архангельске, и южную «форточку» в Азове - «окна в Европу», усиливая опасность претензий равного партнёрства в Азовском и Чёрном морях с крымским ханом и турецким султаном;

в-пятых, у кочевого населения ногайской орды в Приазовье-Причерноморье, ищущего политического и экономического пристанища, как и у последней волны пришельцев с Востока кочевых калмыков между Доном и

Волгой, возникала возможность принять окончательное покровительство из Москвы, а не из Константинополя, тем более что калмыки были немусульманской веры;

в-шестых, усилилось бы бунтарское настроение и бегство татаро-турецких невольников из Восточной Европы на промежуточных пунктах переправки их в Турцию из Крыма. Керчи, Тамани в условиях растерянности татарской и турецкой власти и приближения к ним казаков и москвичей;

в-седьмых, существенно оживлялись через азовские торговые и рыбные гавани связи южных купцов Московского царства с кавказскими, волжскими и каспийскими купцами.

А такое событие могло случиться, так как турецкий султан вёл длительную войну с персидским шахом, и множество войск было отвлечено на юго-восточный фронт к Багдаду. Естественно, внимание к Азову, лежащему за двумя морями на север от Константинополя, было снижено.

В 1636 г. вольные донские казаки узнают, что азовские турки, крымские татары и ногайцы Приазовья готовят широкомасштабное нападение на казацкие городки по Дону в то время, как очередная грамота царя Михаила содержала настоятельную рекомендацию для донцов, чтобы они «на море не ходили и судов не громили». И тогда зимой 1637 г. сначала в среде ветеранов-казаков, а позже всем Войском Донским было задумано захватить турецкую крепость Азов собственной военной силой без помощи Москвы. И когда случайно в начале весны на Дону появилась 1 тысяча запорожских казаков с семьями, уходящих из Сечи от преследования поляков на военную службу в Иран к персидскому шаху, ведущему войну с турецким султаном, донцы убедили запорожцев оказать им помощь во взятии Азова.

Главная слабость объединенного войска донцов и запорожцев, примерно равная по числу с турецкими войсками в крепости, заключалась в том, что у казаков не было осадной артиллерии. В наличии было лишь 20 пушек разного калибра, большая часть которых не имела приспособлений для движения. Да и сами пушки были добыты в боях с теми же турками в предместьях крепости или во время пиратства в море на турецких судах.

9 апреля 1637 г. Войсковой Круг принял решение по поводу Азова, избрав походным атаманом Михаила Иванова по прозвищу Татарин. 19 апреля войско объединенное двинулось к крепости. 21 апреля казаки предприняли пробный штурм с ходу, но были отбиты, и тогда обложили Азов со всех сторон по правилам осадного казацкого искусства. В ту же ночь стали делать аппроши к стенам крепости и насыпать валы для собственной обороны. К валам и стенам крепости подбирались под прикрытием заранее изготовлен-

ных туров (больших корзин) с землёй. У казаков-запорожцев был немец Иван Арадов, хорошо знавший искусство подрывного дела.

22 мая 1637 г. из Москвы с послом Чириковым прибыло ежегодное жалование от царя войску на 49 стругах, а в нем 100 пудов пороха, 50 пудов селитры, 100 пудов свинца, 40 пудов серы и 4 тысячи пушечных ядер. Подошло и подкрепление в полторы тысячи казаков из городков по верхнему течению Дона, собранное атаманом Иваном Каторжным по пути с послом из Москвы.

Казаки постоянно вели и разведку по морю и морскому побережью. Для поимок «языков» на 12 стругах сначала в море ушёл с казаками атаман Тимофей Яковлев. В море разведка разделилась. Поймав «языков», Яковлев на 7 стругах вернулся под Азов. 5 стругов во главе с атаманом Михаилом Черкашениным и примерно 300 казаков ушли для дополнительного захвата языков вдоль черноморского побережья, но нарвались на турецкий флот, были разгромлены и частично перебиты, а частично угнаны в плен уже в качестве «языков» для турок.

Почти месяц, час за часом и день за днём, казачий подрывной отряд прокладывал во главе с И. Арадовым крупный подкоп под крепостную стену. 17 июня работа по подкопу была окончена, вкатили в подкоп бочки с порохом и приготовили фитили. Перед приступом осаждавшие казаки разделились на две половины: одна собралась со стороны подкопа с зарядом, другая - с противоположной стороны, с лестницами и прочими средствами штурма стен. 18 июня в 4 часа утра раздался взрыв огромной силы. Стену верхнего города на протяжении 10 саженей (20 м) прорвало, и многих турок с приготовленными камнями для штурмующих посметало со стен. Казаки во главе с атаманом Михаилом Ивановым бросились в пролом. С другой стороны по сотням лёгких лестниц уже взбирались казаки. Опомнившиеся янычары встретили казаков стрельбой, сталкивали со стен, сыпали сверху в глаза песок, лили кипяток и расплавленное олово. Увы, уже много казаков проникло в крепость. На улицах города повсюду кипели бои. Дым окутал крепость, но сеча шла в нём великая. К вечеру оставшиеся в живых турки заперлись в 4 башнях по 30-50 человек, многие бросились спасаться в степь в сторону левобережья. Но за городом у реки Кагальник конное заграждение казаков всех порубило саблями. Последняя из башен держалась две недели, затем защитники крепости сдались с правом ухода в Крым. Пленных турецких солдат не оказалось, весь гарнизон был уничтожен казаками, кроме турецких женщин и детей, а также греков, которых обязали заделать пролом в стене от взрыва.

В Азове, ожидая отправки на продажу, сидело 2000 человек, которых освободили. Казаки потеряли убитыми 1100 человек, но много было раненых. Известно, что добыча была поделена на 4,4 тыс. паёв. Получив свою долю, запорожцы двинулись на Сечь. Живые донцы отвозили убитых собратьев каюками вверх по Дону на Монастырский Яр. Азов был объявлен христианским вольным городом, и в него потянулись купцы из Кафы, Керчи, Тамани. В азовских пристанях появилось много товаров и средств на восстановление города. Восстановили старый греческий собор Иоанна Предтечи и построили новую казацкую церковь Николая Угодника. Посланная в Москву делегация казаков с атаманом Потапом Петровым доложила 30 июля царю о взятии города Азова. Их наделили подарками, но в грамоте царь укорил казаков, что взяли Азов без его повеления.

Турецкий султан, получив донесение о потере Азова, будучи в Иране на войне с персидским шахом, не смог как-то среагировать, кроме письма с упрёками московскому царю. Царь официально отрёкся от казаков, написал султану, что казаки перебили его послов, и предложил султану воевать с донцами, дабы усмирить. В предвидении попыток Турции возвратить Азов донцы призвали запорожцев усилить казацкий гарнизон Азова. В конце 1637 г. в Азов прибыло 700 запорожцев, а в марте 1638 г. ещё 2500. По повелению султана крымские татары и кочевники-ногайцы по степям стали постоянно беспокоить казаков, но те их набеги отбивали, а многих брали в плен. Вскоре султан Мурад IV умер, и начались у турок разборки за престол. Во главе Турции оказалась мать покойного, а при ней Великий визирь. Визирь решил в 1640 г. возвратить Азов на следующий год.

В 1641 г. из Константинополя морем, а из татарского Крыма по суше турецкая армия под командованием силистрийского паши двинулась к Азову. В её 450-тысячном составе было: до 280 тыс. турок, 40 тысяч буджакских татар, 80 тысяч крымских татар, 40 тысяч союзных туркам молдован и 10 тысяч трансильванцев. Кроме этого, в составе войск были наёмные специалисты из Венеции и Германии, вспомогательные рабочие из молдован и румын. На судах турецкого флота было доставлено к Азову 129 осадных орудий для пролома стен, ядра которых весили от 1,5 до 2 пудов, 674 пушки мелкого калибра и 32 мортиры с зажигательными снарядами. Командование 150 галерами и 150 фыркатами (фрегат), 200 каракюрсеями галекта осуществлял сам Капудан-паша. На судах турецкого флота было 40 тысяч вооружённых моряков. Главнокомандующим был Сиявуш Дели-Хусейн-паша.

Со стороны казаков Азов оборонялся опять сводным составом из донцов и пришедших запорожцев общим числом около 7 тысяч человек во главе с

атаманом Осипом Петровым.

7 июня 1641 г. турки обложили войсками Азов от Дона до моря. Флот, высадив на сушу турецкую пехоту и артиллерию, отошёл в море от Азова на 40 вёрст. Но в тылу осаждавших казаки развернули конные отряды, прикрывавшие донскую столицу Черкасск и беспрерывно атаковавшие с тыла осаждавшее войско.

Турки сначала послали к казакам делегацию для переговоров о сдаче, обещая казакам тотчас же 12 тысяч червонных золотых и 30 тысяч после оставления крепости. Казаки ответили: «Сами волею взяли мы Азов, сами и отстаивать будем. Помощи, кроме Бога, ни от кого не ожидаем и прельщений ваших не слушаем, не словами, а саблями примем вас, незваных гостей...».

25 июня 30 тысяч лучших турецких войск были двинуты на приступ Азова. Штурм был отбит с потерей для турок в 6 тысяч человек. После этого началась равномерная осада.

Турки стали насыпать земляной вал вокруг стен Азова. Казаки сделали неожиданную вылазку, осаждавших отбросили, а вал разбросали. Тогда турки позади этого вала насыпали вал выше стен Азова. Поставили на валу более 100 орудий большого калибра и стали день и ночь обстреливать город, сбивая крепостной вал. Казаки возобновляли его. Так длилось до четырех валов, когда турки почувствовали потребность экономить снаряды. Кроме того, у такой огромной по численности армии стал проявляться недостаток в провианте, выполнить который было невозможно в этих скудных по тому времени местах. Множились кишечные заболевания. Все боялись приближающихся жестоких морозов в этих краях.

Первыми запросились из турецкого войска крымские татары, чтобы воевать русские окраины и найти пропитание. Паша отпустил их, но донцы на защите Черкаска и в тылу осаждавших напали на татар и рассеяли по степи. Казаки же сумели не только получить передышку, но умудрились тайными ходами получить помощь припасами и живой силой.

С наступлением осени в турецком войске пошёл мор от холеры и кишечных болезней. Паша, потеряв надежду взять Азов, просил Великого визиря отложить покорение его до весны 1642 г. Но визирь именем султана приказал: «Паша, возьми Азов, или отдай мне голову».

Снова начались осенние штурмы крепости. В течение двух недель ежедневно на приступ шло до 10 тысяч войска, сменяя их вечером пушечной и ружейной пальбой с возведённого высотного вала. В одном из штурмов турки даже завладели одним бастионом, но казаки опять взяли бастион, уничто-

жив турок.

И осаждённые казаки к концу сентября поубавились числом и находились в исключительно тяжёлых условиях: дожди, холодные сильные ветры, ранения, начавшиеся болезни. Казаки потеряли почти всю артиллерию, расстреляли снаряды. Турки на стрелах кидали им бумажки с предложением каждому защитнику крепости по 1 тысяче талеров, лишь бы они сдали Азов.

Было принято общее решение оставшихся в живых казаков: идти на прорыв блокады. Все, кто мог держать ещё оружие, решили выйти в низ крепости завтра. Всю ночь казаки молились и прощались друг с другом, целовали крест и Евангелие на том, «чтобы при смертном часе стоять дружно и жизни не щадить». Ночью перед рассветом 26 сентября 1641 г. молча, строем выступили из крепости и поразились: на передовых позициях была мёртвая тишина. В поднимающемся утреннем тумане казаки увидели турецкий стан пустым. Оказывается, у турецкого командования мысль о ночном отступлении пришла в голову за несколько часов раньше, чем у казаков о ночном выступлении. Сообразив, казаки бросились в погоню, настигая последних турок на берегу моря. Турки в беспорядке и ужасе рвались по мелководному морю к подошедшим судам и тонули в воде.

Дели-Хусейн-паша со всей своей армией отступил от Азова на Очаков и по пути скончался. Крымский хан Бахадур-Гирей прибыл домой 16 октября, а 18-го скончался. Оказалось, что при осаде 20 тысяч войск Турции погибло. Очень много умерло турок и союзников от голода и начавшихся эпидемий разных болезней. Казаки потеряли за время осады около 3 тысяч человек - убитыми, а также от истощения и болезней. Практически все остальные защитники крепости имели ранения или заболевания.

Султан лишил чинов как командующего армией, так и капудан-пашу турецкого флота, обеспечивавшего осаду Азова. Несколько военачальников по приговору военного суда было казнено.

28 октября 1641 г. Войсковой Круг атамана Осипа Петрова (Калуженина) послал в Москву с просьбой взять под свою опеку Азов и прислать воеводу для принятия крепости. Казакам была послана милостивая царская грамота с благодарностью за мужественную защиту Азова, 5000 рублей и обещание хлебного и других видов царского жалования. Дворянин Желябинский и подьячий Башмаков, осмотрев разорённую крепость, дали отрицательное заключение о приёме её царским войском. Великий Собор в Москве 3 января 1642 г. принял уклончивое решение, что удержание Азова либо возложить на казаков, либо как будет угодно царю и боярской думе. Спустя 4 месяца дворянин Засецкий привёз царский указ: «...Дабы напрасно не пролить хри-

стианской крови, повелеваем вам - атаманам и казакам и всему Великому Войску Донскому, Азов оставить и возвратиться по своим куреням или отойти на Дон, когда пригодно будет...».

Принято считать, что после Азовской осады донцы в море не выходили и операций на судах не производили. Турецкий исследователь, современник и участник азовской осады Эвлия Челеби писал, что казаки будто бы «из страха перед татарами не могли высунуться из крепости». Факты же у других исследователей говорят, что в Азове осталась, хотя и малая, часть казацких стругов и будар (транспортных или рыбацких плоскодонок). Кроме того, суда морские - струги были в Черкасске и других городках вверх по Дону.

И действительно, уже 9 октября 1641 г. Войсковой Круг нашел в себе силы послать «...своих донских казаков стругами и бударами на море для провеживания турецких и всяких воинских людей». Казаки, по сведениям войсковой отписки в Москву, адресованной царю, захватили в бою большой средиземноморский корабль. В абордажном бою уничтожили много турок, добыли «языков», корабельные припасы и вооружение забрали с собой.

В 1642 г. казаки с ранней весны возобновили разведывательные поиски, опасаясь нападения на Азов турок с моря. В таком положении морской театр военных действий представлял первостепенный интерес. Ведь, как показал опыт 1641 г., только флот мог доставить к Азову большой контингент неприятельских войск, тяжелые орудия и боеприпасы, инженерное оборудование для взрывного дела с помощью подкопов и запасы продовольствия для осаждающих сухопутных войск.

27 марта донцы послали казаков на стругах в море, а конницу свою направили степью под Крым за «языками» и для морского разбоя поселений крымских татар. В результате взяли много «языков»: турок, крымцев, а с Кубани - горных черкесов, их союзников, чтобы иметь сведения о положении и замыслах врагов с разных сторон.

10 апреля, на святой неделе под Пасху, сам герой обороны Азова атаман Осип Петров (Калужанин) вывел в море казаков на 11 стругах, которые вошли в Керченский пролив и учинили морской разбой селениям татар на крымской стороне за Керчью. Взяли добычу, многих «языков» и 7 мая благополучно вернулись в Азов. Захваченные здесь «языки» дали ценные сведения о намерениях турок: если казаки не отдадут Азов добровольно, то начать ставить турецкие города на рукаве Мёртвый Донец выше по течению Азова в 5 - 10 верстах, а также на втором рукаве Каланче, тоже выше Азова, но всего в версте от крепости. Казаки проверили показания пленных и обнаружили заготовленный в прибрежных пунктах укрытий строительный лес для город-

ских построек, который донцы пожгли.

Как видим, малочисленная флотилия казацких судов, пострадавшая в ходе военных действий 1637 - 1641 гг., интенсивно эксплуатировалась казаками, обеспечивая получение донцами важной разведывательной информации и добычи материальных средств осенью 1641 г. и весной 1642 г., а летом 1642 г. при оставлении крепости - перевозку по устью и Дону казаков, их семей, имущества, оружия, боеприпасов из покидаемого Азова вверх по Дону на Махин остров и частично на Монастырский Яр.

Играя важную роль при наступлении казаков на Азов в 1637 г., струги и будары донской флотилии сыграли не менее важную роль и при отступлении Войска Донского из Азова в 1642 г.

28 апреля 1642 г. в Посольском приказе в Москве шли переговоры с прибывшими из Азова атаманами Н. Васильевым (Шелудяк) и А. Сафоновым о посылке на Дон трёх дворян с извещением Войскового Круга о царском указе об оставлении донцами Азова. Один посланец царя должен был плыть по Дону с казаками до Азова, другой, после того как казаки полностью оставят крепость, плыть к туркам с грамотой об извещении султана о выполнении его просьбы царём в отношении казаков в Азове. А третий - двигаться степями в Крымское ханство с грамотой аналогичного содержания.

Когда обсуждался этот вопрос в Москве, донцы уже организовали эвакуацию всех из Азова вверх на Дон. О конечных пунктах эвакуации в истории возникла некоторая путаница. Дело в том, что ерик Монастырский омывает два прибрежных острова - Махин и Монастырский, расположенные по соседству. Но все показания, оставшиеся до сего дня, сходятся в том, что конечный пункт эвакуации казаков из Азова был ниже по течению Черкаска. Скорее всего, размещались эвакуированные казаки на обоих островах.

Решение об оставлении крепости Азов Войском Донским было принято на Войсковом Круге, не дожидаясь царской грамоты с указом. Около 1 мая 1642 г., согласно сведениям бывших в Азове воронежских верховых казаков, «...из Азова вышли донские казаки с женами и детьми и образами, и наряд (артиллерию) вывезли, и учили де жить на Мохине острову...». Усманский атаман С. Кокарев, покинувший Азов 23 мая, показал, что «...из Озова наряд донские казаки весь вывозили на Махин остров, а в Озове де казаки остались небольшие люди». Он же сообщил, что войсковой атаман Иван Каторжный находился уже на Махине острове, а атаманом заставы казацкой в Азове остался герой его обороны Осип Петров (Калуженин), ожидая государеву грамоту с указом об оставлении Азова и наблюдая за порядком в покинутой крепости и городе. При этой особой заставе находилось несколько судов,

осуществлявших разведку и поддерживавших связь с войсковым атаманом.

28 мая 1642 г. казаки на судах встретили выше Черкаска царского посланца М. Засецкого, передавшего грамоту с указом. Отчитываясь позже в посольском приказе в Москве, М. Засецкий рассказал, что ещё до его приезда на Дон «...казаки учали возитца на Махин остров, а при нём атаман и казаки и достальную свою рухлядь, и пушки, и пушечные и всякие запасы вывезли, а сами все вышли до одного человека на Махин остров и оставили Азов пусто и всё разорено...».

Согласно разным источникам, при оставлении крепости Азов казаки её подожгли, а сохранившиеся ещё после оборонительных боёв участки крепостных стен и остатки бастионов взорвали так, что «...снизу поднялась вода, а сверху огонь». По донским преданиям, казаки вывезли из Азова 50 пушек, железные крепостные ворота с петлями, железные калитки крепостных стен, колокола церковей, медное пятиярусное паникадило из собора Иоанна Предтечи, кадило и икону святого Иоанна Предтечи. С молитвами выкопали донцы и прах погибших своих товарищей, чтобы не оставить на надругание бусурманам, и перевезли на судах на Монастырский остров, где и захоронили.

Таким образом, уход Войска Донского из Азова был осуществлен постепенно и планомерно, а опубликованные в трудах турецкого историка Эвлии Челеби версии о том, что донцы «...в течение одного дня покинули крепость», и голландца вице-адмирала московского флота Петра I К. Крюйса об оставлении Азова казаками «...с невероятной скоростью» надуманы и не соответствуют действительным фактам.

23 июня в Москве была получена войсковая отписка на исполнение царского указа об оставлении Азова. В царской грамоте от 27 июня 1642 г. Войску Донскому объявлялась за это похвала и традиционно предписывалось, как во всех грамотах до Азовской эпопеи, с азовцами помириться, жить «...с ними мирно, задиров не чинить и на море не ходить».

О каком мире можно было говорить после событий в Азове? Могучая Османская империя не могла смириться со своей неудачей в азовской осаде 1641 г., с сохранением Азова в руках Войска Донского, а значит продолжением и возможным усилением морского разбоя и пиратства донцов на азовских и черноморских побережьях. Турецкая столица Константинополь оказывалась в таком случае под постоянной угрозой, как это было не единожды ранее и особенно в июле 1623 г., когда 6 тысяч казаков на своей маломерной флотилии овладели окрестностями турецкой столицы и двумя кварталами города и были отбиты турецким войском с большим трудом.

Поэтому командование Османской империи спешно в течение зимы и весны 1642 г. укрепляло оборону причерноморских городов-портов, стягивая крупные силы армии и флота для второй военной экспедиции к Азову. Сердаром нового похода на Азов новым султаном Турции Ибрагимом был назначен член султанского дома Османов праправнук великого султана Сулеймана Кануни (Законодателя) визирь Джуван-капуджибаши Мехмед-паша, перемещённый с должности правителя Египта на пост силистрийско-очаковского наместника. Турецким флотом в походе на Азов командовал лично капудан-паша имерии.

Сухопутные войска и флот, направлявшиеся в 1642 г. к Азову, были, по меньшей мере, такой же численности и силы, как и в 1641 г. Хотя историки расходятся в количестве судов: одни говорят - около 300, другие - что только авангард турецкой эскадры насчитывал 88 галер, но большинство исследователей сходится на том, что ядро эскадры составляли 38 крупных галер и большое количество судов меньших размерений.

Двигавшуюся эскадру изрядно потрепал черноморский шторм при входе и плавании в Керченском проливе. Особенно пострадали корабли, нагруженные тяжёлой артиллерией и провиантом. Настроение у турецких войск на кораблях после неудачи 1641 г. под Азовом было скверным, а после перенесённой сильнейшей бури и шторма стало совсем подавленным.

Занятие пустого, разрушенного войной и пожаром Азова велось татарами и турками с суши. Татарская конница, шедшая к Азову во главе с крымским ханом, схватила на берегу реки Сют (Молочная) в Приазовье нескольких казаков, от которых татары, а затем и турки впервые прослышали о добровольном оставлении донцами крепости Азов ещё в конце мая. Передовой отряд татар в начале июня 1642 г. вошёл в Азов. Это был безжизненный город. Турки доносили в империю: «Не видно было не только людей, но даже мышей, кошек, бобров и тому подобной твари. Из крепостных укреплений уцелела только Генуэзская башня». Донесение о занятии Азова было немедленно направлено в турецкую столицу. Сердар получил это известие на стоянке флота в крымской крепости Кафа (Феодосия), когда уже готовился выступить на Азов по суше.

11 июня 1642 г. к Азову подошли турки. С пышностью и блеском прибыл сердар. Три дня войска турок отдыхали, не входя в Азов и полагая, что здесь «...вероятно, замешана какая-нибудь хитрость и дьявольская проделка кафи-ров». На четвертый день войска вошли в город, над которым впервые после 1637 г. прозвучал эзон - призыв мусульман к молитве.

Турецкие аскеры сразу же приступили к восстановительным работам.

Грузовые суда эскадры начали возить камень из старой разрушенной крепости на острове Тимурленка, одном из островов Донской дельты. По данным голландца К. Крюйса, турецкий сердар, не имея ни леса, ни камня, «...повелел разломить 4 галеры, как в большой негодности состояли, чтоб из них сделать брустверины, палисады и штурмовые палы, а при том иметь дрова на сжигание кирпича и извести...». Турки трудились день и ночь с полным усердием. В течение месяца первоначальные восстановительные работы были закончены, и только после этого сердар отбыл в турецкую столицу с докладом. В Азове было оставлено 2000 янычар, 600 пушкарей, 1000 оружейников, 70 больших пушек, 40 кулеврин, 800 пушек шаки (малых) и 7 тысяч охранного войска из крымских татар.

Так закончилась знаменитая битва вольных донцов с привлечёнными братьями по казачеству запорожцами за свою мечту и надежду - о свободном выходе в Азовское и Чёрное моря с Дона. Из 5 тысяч казаков только на обороне Азова казаки потеряли 3 тысячи, а те 2 тысячи, что остались живыми, были жестоко поранены или изувечены. Многие из них приняли пострижение в монахи и ушли в монастыри.

От Монастырского городка, где собиралось под Азовом главное Войско Донское, вскоре ничего не осталось. Его сожгли в 1643 г., как и Черкасск, турки, мстившие казакам за доблестную оборону взятого ими Азова. Черкасск восстановили, и с 1644 г. он стал своего рода столицей Войска Донского.

В Российской империи память об азовских подвигах вольных казаков Дона осталась и до времен поднятия империи в XX в. В 1867 г. на месте Монастырского городка был сооружён на средства всего Войска Донского памятник «в честь и вечную славу» донских героев, покорителей и защитников крепости Азов, в виде часовни. В субботу, предшествующую казачьему празднику 1 октября (14 октября - по новому стилю), Дню Покрова Пресвятой Богородицы, ежегодно совершалась панихида в вечную память павших вольных донцов. На панихиде присутствовали казачьи части, начальствующие лица и представители казачьей общественности из соседних станиц.

Перед панихидой читывалась грамота первого царя из династии Романовых Михаила Фёдоровича от 2 декабря 1641 г., присланная на вольный Дон «в похвалу службы и крепкостоятельства при защите Азова». После панихиды, при пении вечной памяти, части казачьих войск отдавали воинскую честь залпами из орудий и ружей, а оркестр играл музыку «Коль славен». Затем все присутствующие, депутации и войска направлялись в Старочеркасск, где от станичного общества им предлагались, по старому обычаю,

поминальные хлеб-соль.

Так из года в год поминали казаки уже Всевеликого Войска Донского своих героев, чтобы память об азовском воинском подвиге казачьих удальцов оставалась в сердцах людей на века.

Глава 21. Неудачи соединенных походов московских и казачьих войск в попытках завоевания Крыма

12 апреля 1682 г. умер бездетный московский царь Фёдор Алексеевич Романов. Из наследников Алексея Михайловича остались по мужской линии два брата царя Фёдора - родной, почти слепой и скудоумный 16-летний Иван Алексеевич, и сводный, от второй жены царя Алексея Натальи Нарышкиной 10-летний Петр Алексеевич. У братьев была старшая сестра Софья, умная и энергичная молодая особа. После последовавших как всегда в подобных случаях престолонаследства придворных передраг и распрей оба царевича были венчаны на царство, иначе назревала придворная война двух могущественных боярских родов - Милославских и Нарышкиных, хотя патриарх был против принятого боярами решения. За малолетством братьев Ивана и Петра временно управление Московским царством было возложено на сестру - регента Софью.

Вечный мир был заключен царевной-регентом Софьей в 1686 г. между Московским царством и Польским королевством. Московское правительство, добыв через тот мир г. Киев на Правобережной Украине и еще некоторые ближайшие к Киеву города, взамен обязалось помогать польскому королю Яну Собескому в его борьбе с турецким султаном на юге, и с этой целью требовалось выступать в поход на ближайшего союзника Турции хана крымских татар. Теперь, когда днепровские казаки гетмана Самойловича в Левобережной Украине и запорожские казаки кошевого атамана Фёдора Иванюка приняли присягу на верность и службу московским царям, совместный поход на Крым казался реальным и сулил успех в военных действиях против крымских татар от взятия ворот Крыма татарской крепости Перекоп до завоевания всего Крымского полуострова и уничтожения ханства - турецкого вассала. Таких походов состоялось два. Первый открылся с весны 1687 г. Для похода в Крым было задействовано около 100 тысяч московских войск и до 50 тысяч украинского казачества. В составе московских войск шли и донские

казаки с атаманом Ф. Минаевым. Главнокомандующим московских войск царевна Софья назначила своего фаворита князя Василия Голицына, одного из самых образованнейших людей в царстве. Военного авторитета у князя не было, но зато был отличный помощник - шотландец, генерал Патрик Гордон, между прочим, ведший дневник этого похода. Командовал украинским казацким войском гетман Иван Самойлович. Совместно с войсками князя и гетмана должны были действовать запорожцы, у которых кошевым атаманом стал Филон Лихопой.

Московские войска князя Голицына двинулись раньше казацких войска гетмана Самойловича, и уже 20 мая 1687 г. перешли два притока речки Липняки, впадающей в реку Орель. Москвичи двигались большей частью на юг и расположились у речки Орлик. Гетман Самойлович с конца мая шёл от г. Полтавы. Перейдя реку Орель, гетман 2 июня соединился у левого берега её с московским войском и двинулся вместе с князем Голицыным к реке Самаре - притоку Днепра. Перейдя реку Самару, соединённые московско-казацкие войска стали у Острой могилы и тут, близ речки Кильчени, совершенно высохшей от летней жары, выкопали колодцы для пополнения питьевой водой. Вода в них оказалась и вкусной, и в достатке, чтобы напоить армию в 150 тысяч человек.

От Острой могилы соединённые войска, оставя временную стоянку, пошли на речку Татарку и оттуда направились между Великих Плёс. Затем прошли через левые притоки Днепра реки Вороная и Осоковка. Далее войска двинулись на речку Вольную, а от неё пошли на речку Каменка. Считалось, что войско проходит по правую руку от Каменки, но когда генерал Патрик Гордон приказал её обнаружить, то этой реки не нашли. Тогда войска двинулись к речке Конские Воды, или Конке, впадавшей в двух милях ниже острова Хортица в Днепр и на семь миль ниже Запорожской Сечи. Здесь было много травы для корма коней, но мало леса, чтобы укрыться на отдых от летней жары, и непригодная для питья вода. Здесь обе части войска - московская и казацкая - соединились вместе и расположились на стоянку.

13 июня быстро навели через реку Конку мосты. Всё шло пока по плану. Начался военный совет о дальнейшем маршруте к воротам Крыма крепости Перекоп. И тут пришла беда. Разведка донесла, что впереди по прямому кратчайшему маршруту на огромном пространстве горит высохшая от солнца трава, стоял дым и бушевало, перекаtywаясь по степи, пламя. Недалеко от левого берега Конки и москвичи, и казаки заметили впереди, где всё уже было сожжено, несколько небольших отрядов крымских татар.

14 июня соединённая армия переправилась через реку Конку и пошла по сожжённым степям. От дыма, пыли и запаха гари было трудно двигаться как людям, так и лошадям. Наконец удалось найти нетронутый степным пожаром участок на небольшой речке Олба, недалеко от Великого Луга, где нашлось много свежей травы и пригодной для питья воды. Посоветовавшись, сделали две мили назад. Надо было искать «оазисы» возле речек. 15 июня двинулись опять по сожжённой степи к речке Янчекраку, где было мало травы, никакого леса, но зато много живой пищи - диких свиней, убежавших от степного огня к реке.

Князю и гетману доложили, что люди стали заболеть, а лошади сильно худеть и бессилеть.

16 июня наконец-то пошёл сильный дождь, но короткий, прибавивший пыль и ничего не освеживший. Речка Янчекрак от ливня на глазах поднялась, и пришлось делать мостик из фашин. От Янчекрака последовали по голым сожжённым степям до речки Карачекрака. Разведка принесла безрадостные вести - далее до Крыма, а это ещё сотня вёрст, все степи выжжены, идти было бессмысленно, и если бы приблизилось значительное татарское воинство, то неизвестно, сумели бы от него отбиться 150 тысяч объединённых войск солдат и казаков: люди и лошади были физически истомлены до предела, и вряд ли без лошадей удалось задействовать пушки.

После долгих споров на объединённом военном совете решено было часть армии послать на запад на низовье Днепра, а главной частью армии отступить до таких мест, где можно было найти травы для лошадей и здоровой воды.

Чтобы скрыть отступление всей московско-казацкой армии, за которой явно следили издали татарские лазутчики, а также, чтобы не дать возможность крымскому хану послать свою орду против Польши, а аккерманским (белгородским на Днестре) и буджакским татарам соединиться для похода тоже на Польшу, 17 июня на военном совете было решено отправить отряд московских войск в 20 тысяч человек и отряд украинских казаков в 20 тысяч человек, да несколько тысяч запорожских казаков к урочищу Каменный Затон, где стоял с московским отрядом войск воевода генерал Григорий Косагов, много раз воевавший в Поднепровье ранее с запорожцами против татар.

Командующему московскими солдатами окольным Леонтию Неклюеву и командующему казацким отрядом гетманскому сыну, полковнику Григорию Самойловичу велено было соединиться с воеводой Г. Костовым и под его командой идти в поход по Днепру на татарские и турецкие крепости в

низовьях и прежде всего взять крепость-город Кызыкермен. Но, подойдя к Днепру, отряды увидели, что от весеннего разлива в Днестре высокие воды стоят и не скоро войдут в берега. Тогда отряды стали в 40 верстах от Запорожской Сечи над рекой Конка, выше устья Янчекрака, против Великого Луга на отдых и в ожидании спада разлива великой реки, затопившей травы днепровских лугов.

Между тем главная часть соединённых сил 18 июня направилась обратно ближайшим путём, хотя проходили в день по две-три мили. 19 июня в Москву к царевне-регенту Софье был отправлен гонец с известием о возврате войск. 20 июня на реке Конке нашли в избытке траву, много леса, но не пригодную воду. Простояв на отдыхе у Конки, соединённое войско двинулось выше и дошло до реки Самары, на которой уцелело ещё 12 мостов от прежней переправы. Первым перешёл по мостам реку гетман И. Самойлович с казацким войском и стал в ожидании на правом берегу Самары. В это время внезапно запылали огнём все мосты по неизвестной причине, и в короткое время все, кроме двух, были уничтожены. Московские войска вынуждены были вновь заняться сооружением мостов для переправы.

Хотя виновник поджога мостов самарской переправы не был обнаружен,

Азовское осадное сидение.

Худ. В. Гурьев.

и среди московских войск и казацких почему-то стал распространяться упорный слух, что эта диверсия сделана по тайному приказу гетмана И. Самойловича. Это устраивало и главнокомандующего князя В. Голицына, и генеральную и полковую старшину украинских казаков, давно искавших случая избавиться от этого гетмана. Так нашлось лицо, на которое можно было взвалить всю тяжесть ответственности за неудачный военный поход. Когда следом за казаками московские войска перешли речку Самару и стали на правом притоке её речке Кильчени, князь В. Голицын отправил доношение царевне-регенту Софье, и 21 июля закончилось гетманство И. Самойловича. Также не забыли арестовать его сына полковника Г. Самойловича в обозе ниже острова Томаковки на Днепре, где его казацкий отряд и московский отряд Л. Нежигаева соединились через спадавший Днепр с воеводой Г. Косаговым.

Пока «валили» гетмана И. Самойловича, в низовье Днепра воевода Г. Косагов и кошевой атаман запорожцев Ф. Лихопой открыли военные действия против татарских и турецких городков-крепостей на Днепре и его островах. Они использовали старое оружие вольных казаков Днепра - чайки. Посадив на суда солдат из полка Г. Косагова и запорожских казаков, кошевой атаман Ф. Лихопой лично повёл их к крепости Кызыкермен. У урочища Каратябень на Днепре между вышедшими из крепости турками и татарами и приплывшими московскими солдатами и запорожскими казаками произошёл отчаянный бой. Казаки и москвичи разбили турок и татар, бежавших в крепость Кызыкермен. Казаки и солдаты взяли в том бою 2 ушкала со знамёнами да по 5 пушек. В плен взяли и 29 турок.

К тому времени князь В. Голицын с соединённым московско-казацким войском, возвращаясь на Москву, достиг реки Коломак, где 25 июля 1687 г. собрал в казацкой части войска раду по выборам вольными голосами украинских казаков и генеральной старшины нового гетмана. На гетманское правление фактически под диктовку князя В. Голицына и его близких клевретов был выбран бывший обозный войсковой Иван Степанович Мазепа, знатный среди казаков человек старинного шляхетного украинского рода.

Приняв булаву и присягнув на верность московским царям, гетман И. Мазепа подписал 22 статьи договора, из которых две касались запорожских казаков. Во-первых, для защиты от крымского хана держать в пристойных местах полки и чинить постоянные военные нападения на турецко-татарские крепости-городки в низовьях Днепра, и мира запорожцам с Крымским ханством без воли московских царей никогда не иметь. Во-вторых, для защиты от нападений крымских татар на левой стороне Днепра напротив бывшей польской крепости Кодак построить укрепления, подобные Кодаку, на реках

Самаре, Орели, в устьях рек Орчик и Берестовой и заселить украинским населением. Причем, указывалось, что запорожцы к тем новым крепостям и их населению отношения не должны иметь, а кроме того, до окончания московско-турецкой войны запорожцы и торговых отношений с татарами не должны вести.

12 сентября 1687 г. обо всём был оповещён новый кошевой атаман запорожцев Г. Сагайдачный на Сечи, а 4 октября запорожцы письмом поздравили с избранием гетмана И. Мазепу и пожелали быть полезным Украине и её народу и оказывать ласку и милости войску запорожскому, а не искоренять его.

Второй поход на Крымское ханство открылся в Москве в марте 1689 г. Полевых московских войск было ещё больше - 112 тысяч. К походу были привлечены и донские казаки: сухим путём 500 человек под началом походного атамана Ивана Семёнова и морским путём по Сивашу 700 человек на 45 стругах. Главнокомандующий тот же князь В. Голицын, а при нём - шотландский военный профессионал генерал Патрик Гордон. Генерал с учётом горького опыта первого похода советовал в походе держаться берега Днепра и через каждые 4 перехода ставить городки-крепости, оставляя в каждой гарнизон по несколько сот человек. Однако другие военные помощники князя В. Голицына опять советовали идти быстрее прямо степью к Перекопу, чтобы не дать татарам произвести степной пожар. Главнокомандующий принял второй совет, зная, что осенью 1688 г. должны были сжечь сухую траву в степи до Крыма. Но, как видно, этого исполнено не было, и никто не проверил исполнения.

Гетман И. Мазепа со своим regimentом (войсковым соединением) присоединился к главным московским силам 20 апреля. Соединённое московско-казацкое войско, следуя по прямому степному направлению, 11 мая достигло реки Каирка. Оставалось до Перекопа всего 4 дня пути. Князь В. Голицын отрядил часть войска для взятия Аслан-Керменя у Днепра и далее двинулся на Перекоп. 14 мая войско достигло Зелёной Долины шириною в 10 вёрст, изобиловавшей водой и травой для лошадей, и расположилось станом. Пойманный пленный татарин показал, что сам крымский хан за день до этого стал у реки Каланчак, а его орда расположилась впереди на Чёрной Долине.

Соединённые московско-казацкие войска двинулись туда и вскоре между Чёрной и Зелёной Долинами встретили передовой отряд крымских татар. Он шёл от Кызыкерменской дороги, наступая справа на соединённое войско В. Голицына и И. Мазепы.

Началась битва, длившаяся до четырёх часов. С обеих сторон было немало убитых и раненых, но москвичи с казаками заставили татарскую орду отступить.

16 мая сводные войска достигли Чёрной Долины. И тут справа на войско напал сам крымский хан с основными силами орды. Погода резко испортилась, полил сильный дождь. До полудня перевес был на стороне татар. Они чрезвычайно быстро напали сзади на аррьергард войска, загнав московскую конницу и пехоту в обоз. Лишь пушечной пальбой удалось от них отбиться. Тогда татары перекинулись на левый фланг московского войска и нанесли поражение двум конным полкам, перебив у них много солдат и лошадей, хотя и сами понесли урон от ружейной и пушечной пальбы. С наступлением ночи татарская конная орда скрылась из виду.

На другой день, 17 мая, войско подвинулось далее к Перекопу, но князь В. Голицын приказал ввести московскую конницу в обоз, находя, что она не выдержит татарского напора. Вскоре татары снова появились, не увидели конницы впереди обоза, а на пехоту нападать не осмелились и ушли к реке Каланчак. Войско князя последовало за ними и к вечеру тоже достигло Каланчака, где нашло достаточно свежей травы для лошадей и воду нездорового качества.

20 мая московское войско дошло до Перекопа, но в исключительно тягостном самочувствии. Князь В. Голицын в своём донесении в Москву сообщал, что от самой реки Каирки войска 8 дней шли безводной степью, что расходится с данными дневника генерала П. Гордона. Начиная ощущаться также скудость хлебных запасов. У Перекопа стали прежде всего досматривать, откуда можно доставить воду и корм для лошадей. Выяснилось, что все поля были потравлены и выбиты, воды недоставало ни в речках, ни в колодцах. Справа от крепости Перекоп было солёное Чёрное море, а слева - Сиваш, гнилое и солёное. Около Перекопа все посадки и селения были выжжены татарами. О взятии Перекопа изнурённым войском да в таких условиях не могло быть и речи.

Пленный татарин подсказал князю В. Голицыну, что как будто хан не прочь помириться с Москвой. Главнокомандующий попытался выйти на переговоры с крымским ханом. Последний прислал своего кеман-мурзу, изъявляя желание помириться, но не иначе, как на условиях Бахчисарайского мира 13 января 1681 г., когда между Московским царством, Турцией и Крымским ханством был заключен мир на 20 лет, было признано воссоединение Левобережной Украины и Киева с Московским царством, а также подданство царству запорожских казаков, т. е. подчёркивалось, что в нару-

шении 20-летнего перемирия виновато Московское царство, что соответствовало истине.

Стоять войску под Перекопом было подобно добровольной смерти. 21 мая, прервав сношения с татарами и прекратив военные действия против них, войско В. Голицына стало отступать назад.

Гетман И. Мазепа, как и прочие военачальники, не участвовал в переговорах с татарским посланцем. Он делал всё, чтобы возможными способами отстранить себя от участия в переговорах о перемирии с крымским ханом.

На обратном пути 8 дней беспокоили отступавших своими набегами татары, но без особого вреда. Войско князя больше терпело от безводья, пока судьбу его не облегчил продолжительный проливной дождь. 12 июня войско достигло реки Самары, а 24 июня - берегов реки Коломак, где рассталось с главнокомандующим и повернуло свой регимент на гетманщину. 27 июня сам князь В. Голицын распустил своё московское войско по квартирам и со своим начальным окружением отправился в Москву на доклад царевне-регенту Софье.

Последней было нетрудно быстро уверить слабоумного царя Ивана в успешности крымского похода, но заставить так думать умного и уже взрослого царя Петра, уже и без того озлобленного против сестры, она не смогла. Гроза разразилась в августе 1689 г. Двое стрельцов сообщили Петру, что Софья замыслила убийство царя Петра. Царь Петр ночью с 7 на 8 августа верхом ускакал в лес, а оттуда в Троицкий монастырь. В это время в Москву приехал гетман И. Мазепа с большой свитой и в течение месяца стал свидетелем последней, решительной борьбы между царём Петром и его сестрой, царевной-регентом Софьей. И бояре, и патриарх приняли сторону царя Петра и прибыли в Троицкий монастырь. 7 сентября 1689 г. всё было кончено в пользу царя Петра. Верховную правительницу царевну Софью под стражей упрятали в женский монастырь. Стрелецкого начальника Шикловитого казнили. Остальных приближённых Софьи сослали в ссылку или в их дальние имения. Были оправданы царём Петром только воевода Г. Косагов и думный дьяк Е. Украинцев, очень способный в дипломатической работе.

Гетман И. Мазепа уже ожидал себе беды, а его старшина шепталась о его отречении от гетманства, когда 10 сентября гетмана со свитой царь Пётр пригласил на Троицкий посад. Его допустили с богатыми подарками к царю. Думный дьяк Е. Украинцев в присутствии царя объявил гетману и всей его старшине похвалу за участие в походах против крымского хана. Таким образом, давалось знать, что немилость царя Петра к князю В. Голицыну за совершение двух напрасных походов на Крым, ничего не давших царству, и

за бесплодную трату государственной казны не падает на казацкое войско гетманата - участников похода, на гетмана Мазепу и на всё войско запорожское. Царь Пётр посчитал, что украинские казаки в этих походах исполняли свой воинский долг перед царством и не могли нести ответственности за ошибки своего бывшего главнокомандующего и его окружения. 19 сентября 1689 г. гетман И. Мазепа со свитой и с царскими подарками были отпущены из Москвы в Украину. Так, не проявив себя военной силой, казацкое войско гетманата сохранило себя для предстоящих серьезных баталий за свою автономию в составе Московского царства. К несчастью, в нём как всегда не было единства: гетман имел свою думку, окружавшая его генеральная старшина - свою, полковая старшина мыслила по-своему, а запорожское казачество меняло свои мысли с каждым новым кошевым атаманом.

Глава 22. Авантюрный поход нового московского царя в низовья Дона для захвата турецкой крепости Азов

Молодой царь Пётр Алексеевич со своей матерью-царицей жил недалеко от Москвы в селе Преображенском и очень любил игры в солдатиков. Ему способствовали придворные, создавая солдатскую мальчишескую рать, призванную для потехи царевича и потому называемую потешною. Вскоре потешных юных солдатиков стало так много, что они уже не могли помещаться в Преображенском, и часть их перевели в другое подмосковное село Семёновское. Составились у юного царя два потешных полка - Преображенский и Семёновский. Так из детской игры юного царя зародились в Московском царстве первые, обученные приглашёнными иностранными наемниками, в основном немцами, полки молодых солдат Преображенский и Семёновский, составившие гвардию царя Петра.

Однажды, осматривая в селе Измайлово дворцовые сараи, царь Пётр увидел небольшую лодку, непохожую на московские, которые он видел раньше на реках и озёрах. Придворный лекарь и учитель молодого царя голландец Франц Тиммерман объяснил царю, что это английский бот, который устроен так, что может ходить и по ветру, и против ветра на парусах. Земляк Тиммермана голландец Бранд знал морское дело, починил бот, спустил на реку Язу и показал Петру, как править парусами. Эта морская забава настолько увлек-

ла царя Петра, что бот перевезли на Переславльское озеро. Бранд взялся за топор и стал строить молодому царю два небольших кораблика. Всё это - и потешные полки молодых солдат под руководством наёмных иностранцев-офицеров, и овладение парусным судоходством на лодках - очень сблизило молодого царя Петра с иностранцами, приглашёнными на царскую службу. 7 сентября 1689 г. царь Пётр освободился от опеки своей сестры - регентши царевны Софьи и взял власть в царстве в свои руки. Начались новые порядки. Он поставил в Москве много новых начальствующих лиц для управления, а сам не вылезал из немецкой слободы, как звали в Москве кварталы, заселённые иностранными наёмниками. Очень часто от Петра слышали вопрос: «Как проехать туда, к этим искусникам-немцам, голландцам, французам, итальянцам?». Ему отвечали: «Можно сушей через земли короля шведского или короля польского, и можно морем». Но море в царстве было тогда только одно - Белое. Далеко на севере, у угрюмого, покрытого льдом большую часть года, со страшными громадными плавучими ледяными полями Северного Ледовитого океана, в Московском царстве стоял приморский город Архангельск, в котором жили поморы, занимавшиеся рыбной ловлей и морской торговлей со шведами, норвежцами и иногда забредавшими сюда англичанами. Более 1200 вёрст отделяло Архангельск от Москвы по пустынно-му, суровому, дикому краю. Но Пётр I решает летом 1693 г. отправиться туда, чтобы увидеть открытое море. На следующий год царь повторил вояж, где в созданной казённой слободе Саломбольской под Архангельском с помощью опытных местных мастеров-поморов и с использованием передового голландского опыта судостроения было организовано строительство верфи, крепости и морского военного корабля с 24 орудиями.

Многие официальные историки считают, что московский военно-морской флот зародился на Белом море и основателем его является царь Пётр Алексеевич. Это совершенно не соответствует исторической правде. Основателем московского военно-морского флота является отец царя Петра царь Алексей Михайлович. 19 июня 1667 г. царь Алексей Романов принял решение поручить Приказу Новгородской чети, куда входили Великий Новгород, Псков, Вологда, Архангельск и другие города, примыкавшие к Белому морю и Ледовитому океану, построить в селе Дединово Коломенского уезда на рек Оке первый военно-морской корабль типа малого фрегата и суда, обеспечивающие его боевую службу. В дальнейшем корабль получил название «Орёл». Ответственность за организацию и выполнение работ была возложена на выдающегося государственного деятеля и дипломата Афанасия Ордын-Нащокина и на думных дьяков Герасима Доктурова и Лукьяна Галосова.

Несколько позже в помощь корабельному делу дополнительно назначили грамотного и инициативного дворянина Якова Полуэктова из Стрелецкого приказа и подъячего Степана Петрова. Одновременно к руководству постройкой судов привлекли обрусевшего, находившегося на царской службе голландца Иогана Сведена. Голландец подобрал в качества своих помощников знатока корабельного дела голландца полковника Корнелиуса Ван-Буковина, уже 20 лет служившего и жившего в Москве, а по артиллерийской части - подполковника Якова Старка. Кроме того, были привлечены служившие на московской службе корабельный мастер Баренту и ряд других опытных работников.

К постройке были утверждены трехмачтовый двухпалубный 18-пушечный корабль длиной 25,5 м, шириной 6,3 м и осадкой в полном грузу 2,5 м и водоизмещением 300 т, а также два небольших двухмачтовых грузовых судна-шняки грузоподъемностью по 4 т, одномачтовый бот для завоза якоря и сообщений с берегом и парусная яхта с косым парусом для разъездов и прогулок. И фрегат «Орёл», и обслуживающие его суда предназначались для плавания в Каспийском море.

14 ноября 1667 г. состоялась закладка киля «Орла», а спустя 6 месяцев его спустили на воду. К концу августа 1668 г. все суда были закончены постройкой и готовы к переходу по Оке в Нижний Новгород на Волгу. В Москву прибыли нанятые в Голландии для службы на корабле «Орёл» опытный капитан Давид Бутлер, племянник И. Сведена, парусный мастер Стрейс и 15 моряков команды. Экипаж состоял из 58 человек, в т. ч. 22 матроса и 35 стрельцов для абораджного боя.

Выход флотилии во главе с «Орлом», где на палубе разместили 22 пищали (6-фунтовые пушки), до Нижнего Новгорода состоялся 7 мая 1669 г., и через 26 дней она благополучно прибыла к месту назначения. Уже 21 июня суда пошли вниз по Волге до Казани и далее до Каспия. Непогода и множество мелей мешали переходу, и он продлился более двух месяцев. 24 августа фрегат «Орёл» и суда его сопровождения подошли к Астрахани и стали на якоря на местном рейде. К несчастью, в городе бесчинствовала вольница Степана Разина, которая пыталась сжечь захваченный «Орёл» и уничтожила суда обеспечения. Первый московский военно-морской корабль был загнан разинцами в протоку Кудум, где он простоял до 1678 г., придя в негодность.

Скоро молодой царь увидел, что Белое море, выбранное им для развития московского флота, неудобно для морской торговли. Три четверти года оно стоит подо льдом, лежит в глухом краю, в котором можно торговать только лесом и льном. И Петр I стал всё чаще разглядывать карту Московского цар-

ства и его соседей и изучать направление текущих судоходных рек. Волга впадает во внутреннее Каспийское море. По ним можно вести торговлю только с персами, но это делается уже давно. Дон впадает в Азовское море, а из Азовского можно пройти в Чёрное и дальше в Средиземное. Там, по словам окружавших царя иностранцев, лежат богатейшие страны и оттуда идёт по всей Европе просвещение по всем интересовавшим царя вопросам. Но выход в Азовское море находится во власти турок и его закрывает очень сильная крепость Азов. Крымский полуостров - во власти татарского хана, полностью зависящего от султана Турции. Ещё сестра - бывшая регентша Софья, сосланная в Новодевичий монастырь, дважды с князем В. Голицыным пыталась завоевать Крым, и оба раза её войска терпели неудачу.

И тут до царя Петра дошёл слух, что Азов не раз брали в то время вольные казаки, донцы и запорожцы. Мысли и планы молодого царя всё больше стали занимать незамерзающие южные моря - Азовское и Чёрное. Но дело в том, что вскоре после прихода царя Петра I к единоличной власти в конце 1689 г. Войско Донское с благословения Москвы вынуждено было подписать с гарнизоном турецкого Азова невыгодный для казаков договор с условием ненападения турок и татар на казачьи городки и южные территории царства. Главные причины заключения такого мирного соглашения крылись в серьезных внутренних неурядицах в Донском Войске: постоянные ссоры с калмыками, ногайцами и черкесами, а также развившаяся в донском казачестве за годы регентства царевны Софьи религиозная рознь в среде казаков-христиан. Сбежавшая на Дон и получившая поддержку в среде зажиточной старшины партия раскольников-старообрядцев готовилась поднять знамя открытого бунта против нахождения Войска Донского в составе Московского царства. Авторитетный на Кругу атаман Самойла Лаврентьев, окруженный противниками союза с Москвой и проповедниками старообрядчества, внушал донцам, что существование на Дону древнего благочестия несовместимо с подданством царству. Другой известный военный авторитет атаман Фрол Минаев, герой многих пиратских действий донцов на море, стоял за подданство Московскому царству. Противники Москвы с нетерпением ждали скорейшего возвращения из столицы царства Кирея Матвеева, атамана зимовой станицы от Круга и ярого борца против Москвы, чтобы объявить опять Дон вольным и готовиться по весне двинуться на Волгу по стопам С. Разина добывать «цветные зипуны», разбойничая на Волге и на Каспии.

И тогда атаман Круга Войска Донского Фрол Минаев и его помощник Иван Семёнов тайно, с особым гонцом, донесли главе царского правительства в Москве князю В. В. Голицыну об истинном положении дел на Дону,

несмотря на присягу, и выдали всех руководителей готовящейся смуты. Царская расправа с ослушниками присяги не заставила себя ждать. Руководители готовящегося мятежа были арестованы и отосланы в Москву. Атаманы и казаков рангом ниже избивали прямо на Войсковом Кругу и всех приводили к целованию креста на верность царской присяге. Выданные Москве атаманы Самойла Лаврентьев, Кирей Матвеев, старшина войсковой Павел Чекунов и другие были четвертованы. Их арестованных сторонников - казаков поролы кнутом с урезанием языка, а потом всех сослали по дальним тюрьмам и в Сибирь.

Москва отменила старое казачье право войскового судьи, а также принцип «с Дона не выдавать». Теперь все царские грамоты, прежде начинавшиеся просьбами к атаманам и казакам, были заменены указами из Посольского приказа - как к государственному войску.

С разрешения молодого царя атаман Войска Донского Фрол Минаев, старый испытанный казачий вождь, обладавший авторитетом и у молодого царя, опережает замыслы азовцев и их союзников ногайцев, кабардинцев, крымских татар смести с лица земли казачьи городки по Дону и подчинить землю Войска Донского турецкому султану. Новый молодой царь дал повеление Дону «чинить промыслы над азовцами и крымцами».

Уже весной 1691 г. казачьи струги полетели мимо Азова в море громить крымские и ногайские улусы в Азовском море. В помощь морскому походу донская конница по суше двинулась под крымскую крепость Перекоп. Набег донцов оказался удачен и расстроил планы врагов московско-казачьих войск.

В следующем 1692 году 1200 казаков на 76 стругах неожиданно прорвались к кубанскому побережью Чёрного моря и под Темрюком и Кызылташей разгромили татарские улусы и освободили много пленных. Когда на обратном пути их встретил в Азовском море сильный турецкий флот, шедший в Азов, казаки приняли бой, потом разорили предместья Азова и возвратились в Черкасск с хорошей добычей и пленными для обмена.

В 1693 г. бывшие вольные донцы-пираты шлифовали своё специфическое воинское искусство в успешных схватках с азовцами, калмыками и ногайцами, а также в морских походах под Темрюк и крымско-татарские берега.

В 1694 г., возвращаясь на 60 стругах из морского похода, казаки дали бой в устье Дона сильному турецкому флоту, состоявшему из 30 кораблей и многих вспомогательных судов. При этом им удалось полностью захватить один

военный корабль и одно вспомогательное судно, потеряв в бою 20 человек убитыми. Не имея сил прорваться сквозь стену турецкого флота на Дон, казаки ушли запасным путём на Черкесск, затопив в лимане реки Миус свои струги. И вот тут в начале 1695 г. молодой царь Пётр совершает безумно авантюрную попытку в военном отношении. Ни разу не бывавший ни на Дону, ни у Азовского моря, не видевший турецкой крепости Азов, без всякой подготовки царь задумывает поход на Дон для взятия Азова с помощью своих войск, не имевших понятия о реалиях военных действий в специфических условиях расположения крепости Азов.

16 марта 1695 г. донской войсковой атаман Фрол Минаев, как гром с неба, получил от царя тайную грамоту. Царь Пётр сообщал, что в г. Тамбове соберётся царское войско под началом опытного профессионала, участника голицынских походов на Крым наёмного шотландца генерала Гордона и отправится на приток Дона реку Хопёр, а с Хопра на Дон, в донскую столицу Черкасск. Надо заметить, что Черкасск к этому времени был не в лучшем состоянии после двух пожаров 1687 г., причём во втором пожаре казачья столица выгорела дотла. Войску Донскому царь приказывал тайно изготавиться для завоевания Азова.

На Дон пошли новые, обученные по немецким уставам полки царя Петра I: Преображенский, Семёновский, Бутырский, Лефортовский, а также московские стрельцы и городовые солдаты - всего 31 тысяча человек. Войсками командовали генералы из иностранцев Гордон и Лефорт и отечественный Головин. При войске был сам царь, почему-то в ранге командира артиллерийской роты под псевдонимом бомбардир Пётр Алексеев.

Эта армия плыла вначале на судах по Волге до крепости Царицын. От Царицына по суше прошли до казачьего городка Панигин на Дону. За этот путь молодые, привыкшие только к учебным действиям солдаты царя Петра сильно устали. Им, утомлённым долгой греблей на судах по Волге, пришлось по сухопутью от Волги до Дона на руках тащить тяжелые пушки.

В Панигине, не ждавшем такого огромного воинства, не хватило запасов продовольствия. Молодому царскому войску довелось поголодать. Роптали и местные жители-казаки. От Панигина по Дону пошли на казачьих стругах вниз на Черкасск. 26 июня 1695 г. царь Пётр прибыл в Черкасск. Здесь войска три дня отдыхали. 23 июня московское войско, подкреплённое 7 тысячами казаков донского атамана Фрола Минаева, подошло к Азову.

О том, что на них надвигается, азовские турки и татары разведали давно. Ещё 6 июня они получили через море подкрепление на кораблях и большие

запасы продовольствия и разного военного снаряжения.

Пришедшая на штурм Азова армия царя Петра состояла из войск новых, устроенных по иностранному образцу, с командирами-иностранцами и не имела боевого опыта. Складывалось впечатление, что молодой царь продолжает играть в потешную войну. По оригинальнейшему распоряжению, войска находились под командой «консилии» трёх лиц: Гордона, Лефорта, Головина. Их приказания утверждал сам царь «бомбардир Пётр Алексеев». Соперничество и разногласие между этими военачальниками, неопытность царя в военных вопросах, к тому не обладавшего никаким военным талантом, слабая дисциплина и взаимодействие подразделений, ропот отдельных частей на командиров-иностранцев, а также недостаток в лошадях, провизии, отсутствие своего флота не могли сулить благоприятный исход этой военной кампании. Опытным в военном деле был шотландец Гордон. Головин был хорошим дипломатом, но не военным. Но на царя Петра больше имел влияние полный профан в военном деле, бывший швейцарский конюх Лефорт. Фортификацией руководил голландец Франц Тиммерман, учитель царя по математике и придворный лекарь. Его помощниками были швейцарец Марло, Адам Вейде, Яков Брюс, люди бесталанные и не знавшие порученного дела. Ошибки их при взрыве подкопов под крепостные стены вредили больше царским войскам, чем туркам. У царя любимым занятием во время осады было собственноручно начинять бомбы и гранаты.

Генерал Гордон про одно военное совещание в присутствии царя, уже без всякой боязни, записал в своём дневнике: «По обычаю ничего дельного не решено. Всё идёт так медленно и неудачно, точно нам оно совершенно не важно».

А что же донские казаки? Ведь таким же количеством вместе с запорожцами в 1637 г. взяли неприступный Азов и 5 лет успешно удерживали его, отбиваясь от турок? Царь проверил их незаурядные способности в воинском деле следующим образом.

Турки устроили по обоим берегам Дона башни-каланчи, прочно построенные и снабженные артиллерией. Между каланчами были забиты через Дон сваи и протянуты цепи. Не взяв каланчи, нельзя было подойти и к крепости. Вот тогда царь кликнул донских казаков и пообещал по 10 рублей каждому, кто пойдёт на штурм башен. Донцы предложили вместе с одним из гвардейских полков царя окружить одну из башен. Полковая артиллерия ядрами снесла вершину башни и часть её стены. 14 июля 200 донцов ворвались в повреждённую каланчу, расположенную на левом берегу реки, и овладели ею.

На следующий день турки отомстили за это. Они сделали вылазку из крепости и напали на пехоту генерала Гордона, находившуюся в середине позиции, во время полуденного отдыха. Турки захватили у пехоты 7 орудий и загвоздили большую часть остальных пушек. Около тысячи сонных молодых царских солдат турки перебили и поранили.

Тогда и здесь донцы явились учителями военного дела молодых теоретически обученных немцами полков царя Петра. Они сами при помощи своего казачьего «розыска» взяли на следующий день после побития москвичей турками и вторую башню-каланчу.

Убрав с дороги препятствия, царские войска начали теснее обкладывать своими силами крепость. На правом берегу Дона по приказу Петра устроили мощный окоп (шанец), где разместили пушки и мортиры. К августу осадные валы продвинулись к самым азовским стенам. На 5 августа был назначен штурм крепости. Турки легко отбили штурм неопытных московских войск, которые потеряли 1,5 тысячи человек. Донцы предлагали генералам подорвать прежде крепостные стены порохом, как это они успешно сделали при штурме Азова в 1637 г., но иностранные фортификаторы и подрывники голландца Ф. Тиммермана игнорировали их советы.

Только 25 октября им удалось взорвать мину своей конструкции и разрушить городские стены на протяжении около 40 м. Царские войска ворвались в пролом, не обученные, не привыкшие сражаться с турками в уличных боях, были откинута янычарами. Генерал Гордон, видя всё это, приказал отступить.

В это время донской войсковой атаман Фрол Минаев посадил на местные лодки-каюки 1000 казаков, а за ним на стругах были посажены солдаты царской гвардии из Преображенского и Семёновского полков под началом Апраксина. Они неожиданно подошли к Азову с моря, овладели укреплениями и тоже ворвались в город. Но их некому было поддержать, планы взаимодействия отсутствовали, сил на поддержку разных вариантов не предусматривалось. Казаки и солдаты Апраксина вынуждены были отступить.

Осада крепости с наступлением осени становилась бесперспективной затеей. Поход был неподготовлен и в части снабжения продовольствием. Войско голодало, начались болезни. Появились перебежчики к туркам, и первым стал любимец царя Петра гвардии капитан Яков Янсен, бывший простой голландский матрос. Он сообщил им самые секретнейшие сведения о положении осаждающей царской армии.

Эти отбитые штурмы, надвигавшиеся осенние холода, отсутствие в достатке продовольствия и одежды, смелые и удачные вылазки турок заста-

вили царя Петра отложить взятие Азова. 28 сентября осада была снята. Царское войско отошло сначала к Черкасску, а затем на Валуйки и на Москву. Вся тяжёлая артиллерия и порох были оставлены в Черкасске. Лодочный флот отведён выше по Дону в городок Паншин. Донские казачьи сотни разошлись по станицам. При штурмах Азова в боях пало свыше 2 тысяч человек. На возвратном пути к Москве остальная царская армия в большинстве своём погибла от голода, холода и болезней. Австрийский военный агент Плейер при штабе царя писал, что на всём пространстве возврата армии в 800 вёрст валялись трупы солдат и лошадей, растерзанные волками. Смертность в остатках армии была столь высокой, что все деревни, лежавшие на пути отступавшей армии, были переполнены больными, заражавшими местных жителей.

Во взятых казаками башнях-каланчах и в новопостроенной против Азова крепости Сергиевской царь оставил гарнизон в 3 тысячи солдат под командой воеводы Акима Ржевского.

На казаков Войска Донского им была возложена обязанность оказывать помощь этому московскому гарнизону. Словом, вся тяжесть от мщения сильного и раздраженного врага легла на плечи самых искусных воинов - донских казаков, по сути, не использованных эффективно царём Петром и его военачальниками в этой военной кампании.

Причин безуспешности осады в 1695 г. царскими войсками турецкого Азова было множество. Прежде всего устранение от активных боевых действий на равных правах с московской армией казаков Войска Донского, знавших лучше приглашённых царём иностранцев и осадное дело при штурмах крепостей, и военные приёмы, и операции турецких янычар при обороне и нападении. Нескрываемое пренебрежение молодого царя и его военачальников к лёгкому казацкому, но страшному даже для водоизмещающих военных кораблей, которые царь только начал строить, флоту из стругов, считая их годными лишь для транспортировки по воде. Полная неопытность царя в военных делах. Совершенная непродуманность задуманной военной кампании в обеспечении солдат и лошадей пропитанием. Соперничество и разногласия между военачальниками царя, за некоторым исключением сведущими в военном деле, да ещё при непонятно для чего введенной коллегиальности. Привлечение неспособных к подрывным делам иностранцев. Ну и отсутствие в царстве военно-морского флота, способного вмешаться и прервать свободное сообщение осаждённой крепости с Азовским морем и турецким флотом в нем, обеспечивавшим всем необходимым осаждённый гарнизон крепости Азов.

Положительный опыт был извлечён царём из этой военной кампании с погибшей от голода армией, что с 1695 г. казачеству Войска Донского было разрешено наряду с воинской службой, охотой и рыболовством заниматься и земледелием.

Глава 23. Подарок донцов и запорожцев первой победы царскому флоту и передача опыта штурма морских крепостей во втором Азовском походе

Неудача московских войск под Азовом с её тяжёлыми материальными и моральными последствиями для царства и самого 23-летнего государя не сняла у Петра I задачу - овладеть Азовским морем. Естественно, её решение пришлось отложить как минимум на следующий 1696 г. С другой стороны, неудавшаяся осада хорошо укреплённой и удачно расположенной морской крепости показала, что без флотилии современных боевых водоизмещающих кораблей и вспомогательных судов военно-морского флота успешное решение такой задачи маловероятно. Прежний царский замысел с ходу овладеть Азовом, чтобы построить здесь судовой верфь, если его не так давно брали штурмом тогда ещё вольные донцы и запорожцы, не состоялся у московских неопытных войск, азовское побережье и море оставались у турок и татар. Но Азовская флотилия была очень нужна, и потому предстояло выбрать другое место на юге царства и там организовать постройку кораблей и судов.

Всю эту огромную работу нужно было выполнить в несколько месяцев и к концу апреля 1696 г. заложить кили, построить, вооружить, укомплектовать экипажами и снабдить всем необходимым Азовскую эскадру и многочисленные вспомогательные суда и плавучие транспортные средства для переброски по воде армейских подразделений и соединений к местам боевых действий под Азовом.

Поэтому уже в ноябре 1695 г. в Москве для обсуждения проблем предстоящего второго похода царских войск собралась «консилия господ генералов» - Военный совет с участием царя Петра I. Учитывая предыдущий опыт 1695 г. плавания по реке Дон, изобилующей мелями ввиду изменчивости фарватера и зависимости его от нагона или спада воды, а также некоторую информацию о типах боевых кораблей турецкого военно-морского флота, приходящего на поддержку крепости Азов, решили создать к весне 1696 г. эскадру из парусно-гребных кораблей и судов особой конструкции, позволяющей их

проводку по реке Дон при любом уровне воды в ней.

Наиболее подходящими определили для действий против турецкого флота и осаждённой крепости: галеры (каторги), артиллерийские корабли - галасы и брандеры (суда, нагружаемые горючими и взрывчатыми веществами, поджигаемые и направляемые для поджога парусно-деревянных неприятельских кораблей).

В качестве места для судовой верфи с учётом положительного опыта зимней постройки 1695 г. для первого азовского похода стругов выбрали г. Воронеж на правом крутом берегу притока Дона реки Воронеж в 18 километрах от её впадения в Дон. Отсюда имели прямой судоходный путь по Дону в Азовское море, уже сотни лет используемый для связи московских княжеств с казачьими низовьями Дона. В округе ещё сохранилась часть лесов, богатых дубом, буком, сосной и иной пригодной для судостроения древесиной. Ясеновая и вязовая древесина для изготовления галерных вёсел доставлялась из окрестных лесов г. Тулы и г. Венёва. Из сделанных для первого азовского похода стругов, морских лодок и плотов вернуть в Воронеж после отступления удалось немного: часть погибла при осаде, часть пришла в негодность под Азовом, а оставшиеся ослабевшей и голодной, больной армии не удалось провести против течения.

Наряду с постройкой боевых кораблей в соответствии с царским указом от декабря 1695 г. для удовлетворения транспортных и иных нужд второго азовского похода широко развернулась по прошлогодней схеме постройка 1300 стругов, 30 морских лодок и 100 плотов.

Эта схема соответствовала именному царскому указу ещё 23 декабря 1694 г., когда царь готовился к первому азовскому походу. Выполнить это предполагалось силами Белгородского полка. Пусть читатель не удивляется: Белгородским полком в то время назывался обширный край из военных поселений, основанных ещё в XV в. московским великим князем и включающих в себя части нынешних Тульской, Орловской, Курской, Белгородской, Воронежской и Тамбовской областей с линий тогда укреплённых городов, из которых в степь больше всех вклинивался Белгород. Всего в полку насчитывалось 56 городов и военных поселений. Для управления этой оригинальной территорией Московского царства царём назначался особый воевода-наместник.

Из Архангельска в Воронеж были переведены все 80 бывших там голландских и английских корабельных мастеров.

Для заготовки лесоматериалов и постройки столь большого числа судов и других плавучих средств в столь кратчайшие сроки пришлось собрать из

городов и поселений Белгородского полка около 26 тысяч работных людей разных специальностей со своим инструментом, главным образом, плотников, лесорубов, конопатчиков и кузнецов, а также возчиков со своими подводами и лошадьми. Выписка из-за границы инструментов, предметов судового оборудования выполнялась с помощью обрусевших живущих в Москве голландцев А. Винниуса и Д. Гартмана.

Не забывали о приёмке кораблей и армии под Азовом. 8 января 1696 г. царь Пётр послал Войску Донскому грамоту - занять захваченные им под Азовом в первый поход башни-каланчи, получившие название Новогеоргиевск, и помогать зимовавшим солдатам до подхода войск второго азовского похода. Но к получению царской грамоты уже 600 донцов стояло в башнях-каланчах. В это же время были вызваны царём из Италии искусные мастера подкопных дел под крепостные стены.

22 апреля начало свой плавающий поход по Дону на Азов возросшее в сравнении с 1695 г. до 54 тысяч человек сухопутное войско царя Петра, главнокомандующим которого был назначен боярин-воевода А. С. Шеин, а адмиралом флота Лефорт. Как Лефорт к должности адмирала, командующего Азовской флотилией, так и Шеин к должности главнокомандующего были очень слабо подготовлены, а потому, как увидит читатель далее, их роль во всей этой военной кампании была незначительной.

Для зачисления в команды построенной для второго похода Азовской флотилии было выделено 4225 человек из числа солдат и унтер-офицеров петровской гвардии - Преображенского и Семёновского полков. Также удалось пополнить в экипаж 38 иноземных матросов. Командирами галер и брандеров назначались офицеры этих же и других армейских полков. Можно себе представить, что это были за экипажи в мореходном отношении!

Войско Донское под Азов выставило 5120 казаков. Остальные полки были выдвинуты в сторону враждебно настроенных к москвичам и донцам калмыков, ногаев, черкесов и татар Крыма.

Пока царская армия и флот были на пути к казацкой столице Черкасску, донские казаки, чувствуя прежний пиратский зуд, в числе 250 человек с атаманом Леонтием Поздеевым 3 мая сделали на стругах разведывательный поиск в Азовское море.

Казаки на стругах обступили турецкие корабли, обстреляли ружейным огнём и хотели идти на abordаж с одними саблями. Но борта кораблей оказались слишком высоки. Тогда казаки пытались прорубить борт у ватерлинии, чтобы вода полилась в трюмы. Но турки беспрерывно бросали в казаков тяжелые предметы и заставили их отступить.

Царь Пётр I учёл казачий опыт успешного взаимодействия при взятии ещё тогда вольными донцами и запорожцами крепости Азов в 1637 г. Царский посол Бухастов привёз гетману Мазепе на Днепр царский указ отправить с Украины 15 тысяч конных казаков и 5 тысяч пехоты казачьего войска (сердюков) под Азов в его распоряжение.

24 апреля 1696 г. гетман Мазепа отправил царю под Азов казачий отряд, всех вместе 15 тысяч, под наказным гетманством черниговского полковника Якова Лизогуба. С черниговцами Я. Лизогуб пошли 2 полка городских казаков, Гадяцкий и Лубенский, 2 полка охотных - конный и пеший и один полк компанейских казаков (наёмных конных войсковых частей - авт.).

В Запорожской Сечи, ещё не дождавшись от гетмана Мазепы денег, присланных царём Петром на постройку запорожских судов, в апреле снарядился и отправился на чайках по Днепру в Чёрное море атаман Чалый с 500 сечевиками, так как царь Пётр I письмом просил их отвлекать турок. Запорожцы очень скоро доказали, что прежнее пиратское искусство не утрачено. В Чёрном море атаман Чалый напал на 8 турецких грузовых судов, шедших в Очаков с хлебными запасами, и на 9 судов с разными товарами, взяв их на abordаж. Многих турок отдали морским волнам, многих забрали в плен и привели на Сечь.

Так казаки с берегов Днепра помимо прямой посылки полков гетманского регимента в поддержку войск царя Пётра I под Азовом способствовали отвлечению кораблей султана и войск крымского хана из-под Азова в сторону низовьев Днепра и Чёрного моря. В последнем случае отличились запорожцы, в бытность свою вольными казаками вершившие морской разбой на побережьях татарского Крыма или совершавшие пиратство в отношении турецких судов на просторах Чёрного моря. И это срабатывало. Турецкий флот, направляясь оказывать помощь Азову, вынужден ещё в Чёрном море делиться на две эскадры, направляя свои галеры и фуракаты и в сторону Очакова, и к западному побережью Крыма, где на своих судёнышках действовали запорожские казаки. Правда, зачастую с опасностью для себя в случае встречи с превосходящими силами турок или татар.

Например, 30 июня 1696 г. 1740 запорожцев под предводительством кошевого атамана Якова Мороза на только что сделанных морских челнах двинулись через низовья Днепра в Чёрное море. В начале июля, выплыв в открытое море, Мороз с ватажным атаманом Чалым разделил свой флот на две части. Атаман Чалый с 340 казаками отправился на чайках к татарскому городу Гезлев (Евпатория) на западный берег Крыма, а кошевой атаман Я. Мороз на 40 чайках патрулировал по морю в расчете на пиратские действия

против турецкого флота.

Атаман Чалый, не доходя 5 вёрст до городка Гезлев, оставил все свои чайки у крымских берегов и сделал набег на башни оседлых татар. Разорив два татарских села и взяв в плен 62 татарина, Чалый снова вернулся к своим чайкам и, благополучно севши в них, поплыл назад морем в Днепровский лиман. Уже казачья флотилия успела приблизиться к турецкой крепости Очаков, чтобы проскользнуть в лиман, как наперерез ей выплыли турецкие корабли - несколько галер и фуриат. Запорожцы поспешили пристать к острову Казачьому и окопаться в нём. Два дня они отбивались от турок, а в ночь на третий день боя снова сели в чайки. Дойдя до Стрелицы и до урочища Сагайдачных кучугур, казаки увидели, что водным путём идти им дальше нельзя, а потому высадились на левый берег Днепра и двинулись пешком в ольховый лес. Но здесь на них напали крымский хан - с одной стороны и гнавшиеся за ними янычары с турецких кораблей - с другой. Казаки мужественно защищались, но под конец, обессиленные от недостатка воды и физически, решили сдаться вместе с добытыми ими пленными татарами в руки нападавших.

Атамана Чалого победители убили сразу. Остальные казаки были отправлены в крепость Очаков в плен для обмена на татар и турок, томившихся в казачьем плену.

У кошевого атамана Я. Мороза на 40 чайках события в море развивались, как и у Чалого, сначала успешно, а потом хуже. Заметив в море турецкие суда, запорожцы взяли на abordаж 3 турецких судна. При этом захватили важную переписку из 5 писем, которые турецкий визирь вёз с собой к хану в Крым. После этого казачий флот попытался с моря проникнуть в устье Днепра. Но тут его стали атаковать с обоих берегов турки и татары. Кошевой атаман сперва дал им бой, но потом, рассудив, что он не сможет с 1400 казаками подняться вверх по Днепру, пристал до Стрелища. Все чайки и добычу потопил в реке, а сам с войском и с 27 языками с турецких кораблей ночью в пешем походе проскользнул между турками и татарами до острова Тавань. Оттуда в целости кошевой атаман Я. Мороз с казаками добрался в Запорожскую Сечь. Всю турецкую переписку он переслал гетману И. Мазепе.

Крымский хан метался между Азовом и Перекопом, боясь, что со стороны Днепра казаки и московские войска смогут ворваться через Перекоп в Крым. Хан отправил под Азов своего нурредин-салтана с 10-тысячным войском, а сам расставил по берегу Сиваша свои орды, опасаясь вторжения в Крым во время батальи осадных под Азовом.

А между тем царские войска на своих отстроенных кораблях приближа-

лись по Дону к Азову. Первым с авангардом кораблей Азовской флотилии в Черкасск прибыл генерал П. Гордон. 9 мая появился с основной частью флотилии сам царь. Его встретил донской войсковой атаман Фрол Минаев со старшинами и казаками. К 15 мая собралась вся флотилия, чтобы через четыре дня спуститься к Новогеоргиевску (новое название Каланчей - авт.) в трех верстах выше Азова, где был назначен сбор сухопутным войскам и флотилии. 19 мая главная московская армия подошла к Черкасску. Боярина Шеина встретил наказной атаман Илья Зершиков, так как войсковой атаман Ф. Минаев с донскими казаками был уже под Азовом вместе с царём. Царские войска двинулись к Новогеоргиевску. На помощь им пришли запорожские и днепровские казаки с наказным гетманом Я. Лизогубом.

19 мая донской атаман Поздеев доложил царю Петру, что, по его разведкам, в Азовском море показался турецкий флот, состоящий из 15 хорошо вооруженных кораблей, 13 больших галер и 13 полугалер со вспомогательными для осаждаемого Азова войсками и разными снарядами. Пётр I хотел ранее выступить навстречу неприятелю в составе части флотилии из 9 галер и 40 стругов атамана донцов Ф. Минаева.

Сначала соединение кораблей царя и стругов атамана вечером 19 мая двигалось притоками Дона рекой Каланча, а затем перешло во второй её рукав, названный Кутюрмой, но везде упиралось в мелководье. Пришлось вернуться, оставить галеры и спускаться на казачьих стругах. Но там уже виднелась огромная турецкая эскадра. Поэтому, оставив часть казаков с атаманом наблюдать за неприятелем, царь двинулся восвояси. П. Гордон пишет в своём дневнике, что Петр I возвратился из этой рекогносцировки грустным и удручённым: он видел сильный турецкий флот, но в силу благоразумия повернул обратно.

И действительно, если бы даже царь двинул против турок 2 своих военных корабля, 23 галеры, 2 галиота и 4 брандера, с чем он пришёл во второй азовский поход, то как мог успешно сразиться на море московский царский, наскоро сколоченный, флот из сырой древесины, при неопытных в морских боях экипажах из солдат, с турецкими военными кораблями, построенными лучшими венецианскими мастерами кораблестроения и вооруженными хорошей артиллерией западных образцов, с испытанными в морских битвах турецкими янычарами? Есть от чего быть грустным и удручённым, заключал П. Гордон.

Но на что не годился неуклюжий, рубленый «с топора» из сырой древесины московский флот царя Петра с тамбовскими и пензенскими экипажами, на то решились пираты этих мест - донские казаки. Оставленные царём походный

атаман Леонтий Поздеев и его казаки на 100 стругах притаились в камышах за островом Канаярским наблюдать за турецкой эскадрой, пришедшей на выручку Азову. Тихо спят в ночь с 19 на 20 мая гребцы и казаки. Лишь не дремлют казаки-часовые. И только пошёл рассвет 20 мая и лиловые сумерки побежали над морской водой - проснулись донцы. Сели на вёсла и ждут. На турецких судах слышны стук и крики. Турки запевают грузовую песню - и пошла разгрузка припасов для Азовской крепости. И вот 24 тяжёлых плоскодонных судна, называемые тумбасами, с грузом отвалили от бортов кораблей и медленно двинулись по морю в направлении побережья крепости.

Вихрем налетела на них часть казачьих стругов. 11 тумбасов были живо захвачены казаками. Остальные струги ринулись на корабли. Турки на кораблях рубили якорные канаты, быстро ставили паруса и, пользуясь ветром, уходили в море. Но утренний ветерок оказался слабым. Тихо шли корабли. Казачьи струги их настигали. Казаки догнали прежде всего два самых крупных в размерениях корабля. Их борта окутаны дымом от выстрелов корабельных пушек. Картечь засвистела над казаками и брызнула по воде. Что за беда, что борта их высоки! Гребцы подсаживают на abordаж казаков с саблями, и страшная рубка уже идёт на палубах. Один корабль сожгли, другой потопили.

Часть казачьего флота погналась за полугалерами и другими более мелкими кораблями. 20 судов загнали к берегу на мель и здесь, по пояс в воде атаковали их, зажгли, а экипажи турецкие порубили.

Эта битва на море стоила турецкой эскадре дорого: кроме сгоревших и утонувших, турки потеряли до 2 тысяч убитыми в abordажном бою. Казаки взяли в плен 270 янычар и одного их начальника - агу. На загнанных на мель, захваченных судах было взято много военных и материально ценных трофеев: 70 медных пушек, 3000 бомб, 4 тысячи гранат, 86 бочек пороху, большое количество свинца, сабель и другого оружия. Кроме того, захвачено 50 тысяч червонцев и на 4 тысячи человек сукна.

Эта первая военно-морская победа флотилии донских казаков на стругах в составе Московского царства была торжественно отпразднована после доклада царю Петру I донского походного атамана Леонтия Поздеева, заслуживавшего производства в адмиральский чин царского флота, но, увы, так и не последовавшего. Деньги, сукно и разную мелкую добычу царь пожаловал донцам, а военные трофеи велел обратить в казну, боялся усилить вооружение своих иррегулярных казачьих войск.

К концу мая уровень воды в Дону повысился, и 27 мая царский военно-морской флот впервые вышел из низовьев Дона в Азовское море. 28 мая

авангард царских войск с генералом Регимоном и донские казаки с походным атаманом Савиным расположились походным лагерем близ крепости Азов. Янычары из крепости попробовали сделать вылазки, но были отбиты донцами. Шедшие на помощь Азову кубанские и крымские татары также были рассеяны донскими казаками.

Суда царского флота с адмиралом Лефортом стали за Азовом со стороны моря и перекрыли путь к крепости новой турецкой эскадре из 40 фрегатов и галер по всем трем гишалам Дона. Флотилия донских казаков на стругах заняла устье Дона со всеми протоками к морю. Через Дон была перетянута железная цепь. Сухопутные войска обложили Азов, началась осада. Царь Пётр лично участвовал в обсуждении планов, где быть укреплениям, валам и рвам.

14 июня с моря подошла и стала на якорь недалеко крупная турецкая эскадра из 6 кораблей и 17 галер с четырёхтысячным войском для усиления крепостного турецкого гарнизона.

17 июня валы, окружавшие крепость, были закончены. Пушки и мортиры были установлены по местам. Царь помолился, сам навёл пушку, фитилём поджёг порох и пустил первую бомбу на Азов, дав знак начать артиллерийский огонь. Осада началась.

Между тем 60-тысячная турецко-татарская армия, стоявшая под начальством крымского султана Нуреддина и Муртазы-паши за рекой Кагальником, в 10 верстах от Азова, уже шесть раз нападала на войска осаждавших. Особенно кровопролитной была битва 24 июня, когда турки и татары подошли к лагерю осаждающих на картечный выстрел и бросились на пехоту. Царские полки отбивались умелой стрельбой из ружей. С флангов вылетела донская конница с шашками. Смешавшиеся, потерявшие строй турки кинулись к реке Кагальник, тенистой и глубокой. Казаки рубили их, пехота стреляла по ним «в припор ружья», их сталкивали в воду и топили. Не многим удалось спастись.

Адмирал турецкой эскадры две недели простоял в бездействии и только 28 июня попытался начать высадку войск. Однако увидев приготовления царской флотилии вступить в бой, вернул гребные суда и ушёл в море.

17 июля царские войска с трёх сторон сделали демонстративное нападение на Азов, а с четвертой донские и днепровские казаки пошли на решительный приступ и овладели двумя бастионами и 4 пушками. Отчаянные атаки турок не могли их выбить оттуда. На 19 июля царь Пётр велел готовиться к решительному штурму крепости.

Но 18 июля 1696 г. турки сдали крепость Азов осаждавшим на милость

победителя. 20 июля 1696 г. царю Петру были выданы ключи от крепости, а затем вышел паша с 3700 янычарами и 5900 мирными жителями. Гарнизон и жители на 18 стругах были отведены до реки Кагальник, а оттуда они ушли к своим войскам. Победителям достались 171 пушка и мортира, 1000 пудов пороха. В тот же день на тех же условиях сдалась небольшая турецкая крепость Лютик, стоявшая на протоке мертвый Донец напротив Азова с гарнизоном в 200 человек. Найденное в крепостях имущество царь отдал войсковому атаману Фролу Минаеву для дележа между казаками, но орудиями опять не поделился.

На следующий день царская галерная флотилия поднялась из Азовского моря по Дону и корабли победно отдали якоря у стен покорённой крепости.

Так со взятием Азова доступ к морю на юге сделался открытым. Сбылась старая мечта донских вольных казаков, неоднократно владевших этим городом и потом отдававшим его опять туркам по повелению московских царей. Правда, задача обеспечения Московского царства выхода из Азовского в Чёрное море пока оставалась нерешенной. Но «форточка южного окна в Европу» уже была приоткрыта.

Глава 24. Закрепление завоеванных низовьев Дона и Днепра и поправление казацких вольностей

Воинственная и мощная в военном отношении Оттоманская Порта была очень обескуражена взятием Московским царством крепости, отличного торгового и рыбного порта Азова - ворот из низовьев Дона в Азовское море. Уже в следующем 1697 г. в феврале большая турецкая армия вместе с крымскими татарами, кочевыми ногайцами Северного Кавказа и горскими народами - союзниками и единоверцами стала формироваться на Кубани на Таманском полуострове для нападения на низовья Дона. Донцы дали знать о том в царскую столицу.

И действительно, в мае 1697 г. значительная турецкая эскадра показалась в Азовском море. Навстречу вышел не царский флот декоративного назначения с плохо обученными матросами-солдатами, а казацкая флотилия войскового атамана Фрола Минаева - героя и организатора первой в истории военно-морского флота царства победы в открытом морском бою с турецкой эскадрой в 1696 г. Донцы на своих боевых стругах часть турецких кораблей потопили, а часть заставили ретироваться.

В июле 1697 г. турки двинули на Азов свою сухопутную армию. Но к тому времени из Москвы подошло к казакам значительное подкрепление под командованием боярина-воеводы Шеина. Вместе с казаками московские солдаты 11 часов сражались с турками и их кочевыми и горскими союзниками и нанесли им поражение, заставив уйти в степи в крымском и кубанском направлениях. С этого времени донцы вынуждены были три года разъездами под Крым и Кубань постоянно тревожить неприятелей, преграждая им пути к набегам на свою территорию и к Азову.

Тогда турки и крымские татары переключили своё внимание на низовья Днепра и выход из него в Чёрное море. Опорной базой своего флота в этом северочерноморском регионе они решили сделать турецкую крепость Очаков, способную не дать выход из Днепра любому флоту непосредственно в Чёрное море. А напротив Очакова на Кинбурнской косе они решили соорудить крепость Кинбурн с небольшим турецким гарнизоном, но хорошо вооружённую артиллерией. Таким образом, хорошо пристрелянный из Кинбурна и Очакова выход из Днепровского лимана в Чёрное море становился непроходимым не только для казацких флотилий из чаек или стругов, но и для крупных боевых кораблей московского флота, если бы таковой неожиданно для турок был построен и на Днепре, как это случилось в начале 1690-х годов на Дону.

Кроме того, у турецкого султана и крымского хана, их военачальников не проходило чувство непереносимого отмщения московско-казацким войскам за утрату в 1695 г. контроля над низовьем Днепра, когда боярин-воевода Шереметев, гетман И. Мазепа и кошевой атаман запорожцев И. Гусик в период бесславия царя Петра I и торжества турок и татар под Азовом без излишнего шума нанесли войскам султана и крымского хана чувствительный удар по укреплениям их в низовьях Днепра.

Захваченные и разгромленные турецкие и татарские городки-крепости по обоим берегам Днепра и на островах находились под контролем москвичей и казаков.

Турки начали действовать с укрепления базы-крепости Очаков. Бежавшие из неволи казаки видели в Очакове, что турки к старому верхнему каменному городу пристроили новый, также каменный, и тот город окопали глубоким рвом, а поодаль от того рва за городом, от морского побережья до морского побережья, обвели вокруг высоким и широким с раскатами валом. В городе было запасено множество пушек, гранат, пороха, пуль и всяких военных припасов, доставленных из Турции галерами. Войска в Очакове

вместе с белгородским (Белгород-Днестровский, или Аккерман - авт.) пашой - около 10 тысяч человек, не считая тех, которые на галерах и более мелких судах стоят на очаковском рейде. Ожидая к предстоящему лету 1697 г. прихода московских и казацких войск, очаковские турки и татары ничего на зиму не сняли, все сады в пригородах крепости вырубili, рвы возле огородов позакапывали землей, весь посад за новым рвом от поля очистили и на поле земляного вала несколько окопов сделали.

И у украинских казаков деятельность регимента гетмана И. Мазепы сосредоточилась на Днепре и выходе из него в Чёрное море. Необходимо было ожидать серьезных неприятельских действий в отместку за Азов и низовья Дона. Запорожцы изъявили гетману Мазепе желание пуститься в море на разбой и пиратство и просили им дать если не денег, то досок, канатов и снастей на постройку 40 чаек. Гетман сообщил царю Петру в Москву, что сам он желает от себя построить для казаков Днепра 50 чаек, но поизвелась за последние века и десятилетия по берегам Днепра судостроительная древесина, но можно готовить лесоматериалы на царской территории в Брянске, а корабельных дел мастера среди запорожцев ещё есть.

Между тем ещё с декабря 1696 г. к гетману И. Мазепе стали приходить зловещие вести о грозе турецко-татарского вторжения в низовья Днепра. И это не удивило его. Дело в том, что ещё в первый провальный азовский поход московского царя Петра горькую пилюлю поражения подсластили днепровские казаки гетманского регимента и запорожцы под руководством И. Мазепы, соединённые с московским царским войском под предводительством боярина В. Шереметева. В 1695 г. с целью отвлечения сил крымского хана и турок они пошли в то же время, что и первый азовский поход царя, как на судах по Днепру, так и параллельно по берегу суши в низовья Днепра, отвлекая турок и крымских татар от царского театра военных действий под Азовом, а также не давая возможности причерноморским вассальным ордам белгородских (Белгород-Днестровский) и буджакских (бессарабских, между Днестром и Дунаем) татар переключиться на помощь крымским татарам в Приазовье, если юный царь Пётр вдруг поймёт успех под Азовом. Объектом военных действий казаки и царские войска избрали в соответствии с царскими полномочиями укреплённые турецкие и татарские крепости-городки, построенные по берегам Днепра и на его островах за два века борьбы с вольными казаками Днепра - грозными пиратами и морскими разбойниками.

Первым из этих городков-крепостей был Кызыкермен (поблизости от г. Берислава на Херсонщине - авт.). В нём размещался солидный по численности турецкий гарнизон и довольно большое число орудий, а вблизи располо-

жились для оказания помощи гарнизону в случае нужды крымские татары под начальством салтанов Нуреддина и Ширин-бея.

Московско-казацкие войска по Днепру появились в один из последних дней июля 1695 г. в среду и стали обозами на месте, безопасном от неприятельских выстрелов. В четверг гетман Мазепа приказал своим охотным и реестровым полкам двинуться в пешем строю к стенам крепости. Против казаков-днепровцев вышли янычары, но тотчас были прогнаны в Кызыкермень. Но казаки за янычарами успели вскочить в сады и огороды кызыкерменских обывателей.

После этой первой попытки гетман Мазепа подал совет насыпать шанцы (окопы) и таким способом подходить ближе и ближе к стенам крепости. Утвердивши плетеные корзины с насыпанною землею, установили пушки, разместили пеших казаков с огнестрельным оружием. Ночью все работы были окончены, и весь Кызыкермень был обложен казацкими шанцами. Утром в пятницу с казацких шанцев началась пальба по Кызыкерменю из пушек и ручного оружия и продолжалась в течение 4 суток с пятницы до вторника. Кызыкерменцы отвечали хотя не лениво, но без успеха.

Чуть только янычары отворят окна в стенных амбразурах, как из казацких пушек летят туда ядра и не допускают турок выпускать свои. Большой страх осажденным задавали одновременно запускаемые гранаты.

Много помогло тогда общему делу плавучее войско, состоявшее из двух казацких реестровых полков со среднего Днепра - Киевского и Черниговского, а также присоединившихся к ним в пути по Днепру запорожцев, своего рода асов в пиратских действиях на воде. Перетягивая свои лодки с большим трудом по мелкому и высохшему протоку, оно не допускало крымских татар Нуреддина и Ширин-бея оказывать помощь теснимым в крепости янычарам. Но кызыкерменские стены были сложены из чрезвычайно твёрдого камня. Гетман Мазепа нашёл, что нельзя обойтись без рытья подкопов. Начали вести подкоп под крепостные стены и организовали взрыв. Взрыв произвёл повреждение в стенах, в которых, вдобавок, вспыхнул сберегавшийся там порох. Перед заходом солнца осаждённые турки дали знать, что сдаются. С кызыкерменским беем и писарем договорились об условиях сдачи. Турки были довольны, но татары не доверяли казакам и ушли в нижний, лучше сохранившийся город. Гетман запретил казакам ходить в верхний разрушенный город, но те не послушались и бросились грабить, а за ними и часть московского войска. В городе произошел пожар и благодаря сухому времени года всё выгорело. Запершиеся в нижней части города татары по требованию казаков стали выходить, и казаки многих из них ограбили вопре-

ки обещаниям не трогать. Многие татары с семьями бросались со стен и были перевезены казаками-запорожцами на остров Тавань, уже занятый казаками. На Тавани была другая крепость Мустрит-Кермень (по-русски - «Таванок»). Как только там увидели, что Кызыкермень не устоял, то и Мустрит-Кермень сдался. Бывшие вблизи ещё маленькие крепостцы без боя сдались московско-казацким днепровским войскам.

Воевода Шереметьев и гетман Мазепа признали удерживать все эти турецко-татарские крепости на Днепре нецелесообразным. Решили сбить все стены до основания и поставить гарнизон единственно в небольшом укреплении, находившемся на острове Тавань. Гарнизон сделали смешанный из москвичей и казаков. Сами военачальники, выполнив царское задание, двинулись с войском на зимние квартиры в Украину. Пленных турок и татар отправили в Московское царство, в основном, на воронежскую верфь строить суда царю.

Многоопытный гетман И. Мазепа предвидел, что турецкий султан и крымский хан, отвлечённые в 1695 г. азовским походом царя Петра на Азов в низовья Дона, не простят акций казакам и царским войскам в отношении разгрома и захвата их крепостных укреплений в нижнем течении Днепра.

Ранней весной 1697 г. были получены вести, что крымский хан собирает-ся громить Таванск с его войском всего в 1036 человек. По царскому указу в апреле 1697 г. гетман договорился с белгородским воеводой (г. Белгород Московского царства - авт.) князем Яковом Долгоруким идти в плавучий поход вниз по Днепру от Новобогородска тотчас же, как пригонятся к устью реки Самары суда, изготавливаемые в Брянске и сплавляемые рекой Десною в Днепр. 11 мая было сделано 90 морских стругов и 600 лодок, из которых 50 предназначались для городовых днепровских казаков гетманского регимента и 40 - для запорожцев. Думный дьяк Неплюев, назначенный с московской стороны царём в помощники князю Я. Долгорукому, к 25 мая доставил из Брянска ещё больше стругов - 121 для царского войска. Последовал царский указ о плавучем походе с целью овладения турецкой крепостью Очаков и защиты Таванска на острове Тавань, а также новоотстроенного Шингирея.

К середине июня 1697 г. гетман И. Мазепа со своим региментом соединился на реке Коломак с князем Я. Долгоруким. 6 июля, когда гетман прибыл по Днепру в Кодак, некогда грозную польскую крепость, превратившуюся к концу XVII в. в село, то его известили, что турецкий флот с войсками на борту плывёт по Чёрному морю к устью Днепра. По словам перебежчиков, бывших пленных гребцов на турецких судах, одна часть турецкого флота и войск, под начальством Алим-паши, на 3 галионах, 5 галерах и 20 фуorkатах

имела намерение оборонять у выхода из Днепровского лимана в море неплохо укрепленную крепость Очаков и замкнуть все большие и малые гирла Днепра со стороны Чёрного моря, а также как можно ближе по днепровской воде доставить турецкий десант с кораблей к городкам-крепостям Тавань и Кызыкермень, занятым царскими войсками и казаками ещё в первый азовский поход Петра I в 1695 г.

Вторая часть турецкой эскадры на 5 галионах, 5 галерах и 20 фурикатах с десантом на бортах в 5 тысяч янычар - двигаться под город Азов в низовья Дона и пробовать на прочность его 9-тысячный московский гарнизон во главе с князем-воеводой стольником Петром Львовым, тем более, что стало известно, что в начале марта 1697 г. молодой царь Петр I убыл с посольством из Москвы через Латвию, Германию в Голландию «...для изучения воинских художеств и морского дела».

6 июня гетман И. Мазепа переправился с левого берега Днепра на правый и двинулся к Вольному порогу Днепра, чтобы в максимальной степени избежать потерь от порогов. Надо сказать, что всё это происходило под бдительным надзором с левой стороны реки - крымских татар, с правой - белгородской (днестровской) орды татар.

13 июля сухопутные войска были уже у Вольного порога и там начали погрузку на суда. Когда были за порогами подсчитаны потери, то оказалось, что при переправе пострадало 17 морских стругов и 53 чайки. 18 июля прибывший к гетману гонец сообщил, что турки заняли городок-крепость Исламкермень и готовятся взять Шингирей-городок. Срочно двинулось соединенное войско на лодках по Днепру и 25 июля прибыло под городок Кызыкермень. Здесь у стен крепости гетмана и воеводу встретил отряд запорожских казаков во главе с кошевым атаманом Г. Яковенко, который опередил в движении по Днепру казацко-московский флот. От кошевого узнали, что крымские татары, узнав о подходе войск гетмана и воеводы, оставили городок Исламкермень и ушли прочь.

По приходе на место гетман и воевода решили сосредоточить силы только на городках Кызыкермень и Тавань, а Шингерей взорвать, потому что он стоял на 2 версты выше по течению Тавани и мог приносить только вред.

Едва соединённые силы московских и казацких войск приступили к укреплению на острове Таванского городка со стороны реки Конки (Конские Воды), как явился крымский хан с огромной ордой. 2 августа к Таванской крепости с левой стороны подошли крымские татары, а с правой - белгородские (днестровские). 10 августа стали подступать к острову Тавани со стороны моря и турецкие войска, плывшие вверх по Днепру от моря на мно-

гих судах. Всем стало очевидно, что татары и турки готовились охватить царские и казацкие войска со всех сторон и отрезать им путь отступления, принудив к сдаче.

Гетман и воевода при виде массы врагов решили лучше внезапно покинуть Тавань и подняться вверх по Днепру, оставив на защиту всего до 6000 человек и в том числе до 1000 запорожских казаков вместе с кошевым атаманом Г. Яковенко с обещанием немедленной помощи сверху.

Между тем, запорожцы перешли на тактику пиратов, свойственную им совсем недавно, в бытность вольными казаками низового Днепра, до присяги московскому царю. 23 августа кошевой атаман, остававшийся со своим отрядом возле Тавани у днепровского берега выше Яремовки и не спускавший глаз с неприятеля в надежде на его ошибку, увидел четыре беспечно подошедших турецких судна. Запорожцы внезапно ударили по ним, обратив в бегство, но казаки завладели в абордажном бою одним из них, в придачу к добыче взяв одно знамя и одну пушку.

4 сентября у Таванской крепости появился сераскер-паша с 10 тысячами крымских татар, но и у Таванской крепости появилось небольшое подкрепление из солдат царской армии, посланное князем, который с гетманом собирал отряд в 20 тысяч человек для помощи таванцам. Солдаты, частью плывя на лодках по протоку днепровскому Космахе, а частью идя пешим строем по берегу и отстреливаясь от турок и татар, добрались сначала в Кызыкермень, а на другой день перебрались в Тавань.

Турки и татары сделали подкопы под четыремя башнями и произвели взрыв, но повредили себе больше, так как казаки успели перекопать подкопы.

После такой неудачи турки и татары обратились на Кызыкермень, где гарнизон был из 1500 солдат и черниговских казаков. 14 сентября 1697 г. они взорвали устроенный под Кызыкермень подкоп и повредили переднюю стену крепости. Одни из них бросились на прорыв, другие стали приставлять к стене штурмовые лестницы. Но гарнизон отбил штурм.

23 сентября мусульмане вновь перекинулись на Тавань, устроили вновь подкопы с раскатами. 25 сентября в 7 часов утра взорвали подкопы и пошли на штурм в пролом и по лестницам на стены. Приступ длился 5 часов при поддержке артиллерийским огнём с турецких галер и фуркатов. Но ничто не помогло атакующим. Гарнизон выбил их из пролома и не дал захватить крепостные стены. Так ещё дважды пытались взять Таванскую крепость, пока татарская стража, расставленная на берегу Днепра, не принесла известия, что к Таванску идёт свежее крупное подкрепление. Это произвело перепол-

лох, и осаждавшие ночью с 9 на 10 октября собрались отступить. Как сообщил сбежавший от турок невольник, на турецких кораблях приходило к Таванску 33 тысячи человек войска. Но и такая армия оказалась бессильной против объединённых сил и мужества солдат и казаков.

Турецкие корабли, поставленные на якоря выше Таванска, примкнули к тем, что были ниже по течению. Затем турки с татарами перебрались с правой стороны Днепра на левую, крымскую, и разошлись: турки на своих судах ушли вниз по Днепру к устью Днепровского лимана, а татары степью - в Крым.

Всех убитых и раненых в Таванске и Кызыкермене было в московских и казацких войсках 205 человек, из них было убито 48 запорожцев и ранено 78. Турки и татар потеряли около 7 тысяч войска.

В январе 1698 года стали гетман И. Мазепа и воевода-князь Я. Долгорукий собираться сами в поход, чтобы выполнить вторую часть задачи - взять турецкую крепость Очаков, причём только городовыми казаками гетманского регимента и московским конным и пешим войском.

Городовые казаки в течение четырёх месяцев построили 430 морских стругов. От Таванска и Кызыкермена послали 10-тысячный отряд солдат и казаков городских гетмана И. Мазепы на судах по Днепру, Днепровскому лиману к Очакову. Но испытав сильнейший обстрел при попытке выйти из лимана в море из турецких крепостей Очаков и Кинбурн и не имея пиратского опыта запорожцев в использовании судов и их вооружения, отряд двое суток простоял в пустынном месте без крыши над головой и возможности сооружения хотя бы шалашей. Казаки гетманского регимента и московские солдаты вернулись в Таванск. Гетман И. Мазепа и воевода-князь Я. Долгорукий, рассчитывая легко покончить с Очаковым после взятия и защиты нижнеднепровских турецких и татарских городков-крепостей, скоро убедились, что взять его они вовсе не смогут, и приняли решение возвратиться домой. Вместе с гетманом и воеводой покинул Таванск и кошевой атаман запорожцев Г. Яковенко.

Возвратившийся из-за границы царь Петр I зимой 1698-1699 гг. позвал гетмана Мазепу для свидания в Воронеж и по возвращении по царскому указу отправил туда 3 тысячи городских казаков гетманского регимента - оберегать строившиеся там корабли Московского царства.

Уже в октябре 1698 г. между московским царством и Турцией открылись переговоры о перемирии на венгерском сейме в придунайском г. Карловици, а 14 января 1699 г. было принято соглашение о перемирии на два года между Москвой и Турцией. Мелкие действия запорожских казаков против татар

продолжались. Весть о таких набегах против татар дошла до царя Петра I в Москву, и монарх отправил гетману И. Мазепе грамоту с приказанием послать известие запорожскому войску о состоявшемся мирном договоре между Турцией и Москвой и с требованием прекращения со стороны казаков «всяких ссор и задоров с турками и татарами», а в самый Запорожский кош с тем же известием были посланы стряпчий М. Текутиев да подъячий С. Фролов и с годовым царским жалованием запорожцам, а также с царским приказанием оберегать в низовьях Днепра города Таванск и Кызыкермень, выручить в них московских солдат из находившихся в них гарнизонов и доносить гетману обо всех происках и замыслах татар и турок.

Такая резкая смена царского настроения в отношении южного «окна в Европу» через Чёрное море объяснялась просто: он остался без европейских союзников. Австрийский император и польский король сепаратно от Москвы заключили мир с Турцией по причине собственных интересов. И тогда царь решил отправить возобновлять переговоры о долгосрочном мире дьяка Емельяна Украинцева в Константинополь в сопровождении целого своего новопостроенного для Азовского моря флота для внушения уважения туркам к возросшей силе Московского царства и на море.

К дальнему походу в Константинополь с посольством Москвы готовился барбарский корабль «Крепость» под командой Питера фон Пимбурга, построенный на донской верфи Поншинского городка за счёт средств именитого купца Г. Строганова. Корабль имел длину 38 м, ширину 7,35 м, рассчитан на 52 орудия и 230 человек экипажа. Фактически на нём было 46 пушек разных калибров и экипаж из 5 офицеров, лекарь, боцман и его помощник, констпель и команда из 127 человек - 16 иноземных матросов и 111 солдат и урядников из московских войск. В районе Таганрога их фактически обучали плаванию в морских условиях.

14 августа 1699 г. московская эскадра впервые вышла на просторы Азовского моря и под парусами с попутным ветром двинулась на юго-запад и на четвертый день подошла к городу-крепости Керчь на Крымском полуострове и стала на якоря на виду турецкой флотилии из 4 кораблей и 9 галер, которой командовал адмирал Гассан-паша.

Возглавлявший московскую эскадру недавно произведенный в адмиралы Ф. Головин, желая показать, что к Керчи пришла только часть царского флота, поднял на флагманском барбарском 62-пушечном корабле «Скорпион» флаг шаутбенахта (контр-адмирала).

Появление московского флота и присутствие на нём посольства привело турок в Керчи в полное расстройство. Они всячески препятствовали выходу

посольской «Крепости» в Чёрное море. Наконец 28 августа Гассан-паша согласился, и в ночь на 28 августа «Крепость» стала под паруса и посольский корабль взял курс на Константинополь. Его сопровождали 4 турецких корабля. А эскадра Азовская, сыграв свою роль, двинулась от Керчи к Таганрогу. Затем суда перевели в Азов для зимовки.

Утром 2 сентября 1699 г. «Крепость» с московским послом Е. Украинцевым подошла к входу в пролив Босфор, дождалась турецкого лощмана и 7 сентября перешла к столице турецкого султана Константинополю и под залпы артиллерийского салюта отдала якорь напротив султанского дворца.

Начались переговоры. Внушительная демонстрация первого московского военного корабля, так быстро созданного северным соседом Азовского флота, дала свои результаты. Главным спорным пунктом переговоров дипломатов, на котором никак не могли сойтись обе стороны, были отнятые москвичами и казаками приднепровские городки-крепости. 3 июля 1700 г. обе стороны подписали мирный договор сроком на 30 лет, получивший название Константинопольский.

Турция уступала Московскому царству Азов со всеми тянувшимися от него поселениями. Московское царство приняло на себя обязательство разорить в течение 30 дней после окончательного подтверждения мирного договора приднепровские городки-крепости, отнятые у турок днепровцами, запорожцами и москвичами. Пространство Приазовья от Перекопа до ближайшего к нему из азовских Миусского городка оставить пустым. Отменялись выплаты дани крымскому хану. Таким образом, всё Приазовье и часть Причерноморья до Днепра - огромный степной южный край - отходили к Московскому царству.

Что это означало в отношении торгового мореплавания? Что в Московском царстве помимо «северной форточки - окна в Европу» через Архангельск приоткрылась южная «форточка» через низовья Дона и Азовского моря и через низовья Днепра. Пусть для того, чтобы и дальше следовать торговым и военным судам через Чёрное море, пролив Босфор, Мраморное море и пролив Дарданеллы, требовалось пока что разрешение турецких властей. Главное, султан Османской Порты знал, что у Московского царства есть такая флотилия, а договориться о компромиссе - на то и дипломатические службы.

И в этом, что северные берега Азовского и Чёрного морей ушли из-под опеки турок и татар Крыма, была огромная заслуга казацких войск Дона и Днепра в составе царских войск, хотя молодой царь всячески принижал их значение, со временем с помощью придворных холуёв присвоив лично себе

казацкие заслуги, завоёванные на донских стругах и днепровских чайках, себе и своим горе-адмиралам Лефорту и Головину.

В конце октября 1698 г. в Воронеж приехал царь Пётр I и вначале с большим удовлетворением воспринял широкий размах строительства военноморского флота на Дону. Однако при более близком знакомстве он понял, что построенные под руководством голландских мастеров баркалоны и другие суда оказались разнокалиберными, необходимые соотношения главных размерений не соблюдены, конструкции их несовершенны, а качество выполнения работ плохое. В таком состоянии использовать их в боевых условиях не представлялось возможным.

Но царь Пётр I упрямо хотел доказать туркам, не пускающим его за пределы Керченского пролива в Чёрное море без получения специального разрешения, созданную Московским царством мощную морскую силу. 19 февраля 1699 г. снова Пётр I прибыл в Воронеж, и развернулись уже непосредственные приготовления по комплектованию Азовской эскадры. Из построенных на здешних Хопёрской и Паншинской верфях отобрали 7 баркалонов, 4 барбарских корабля, 1 бомбардирское судно и 4 галеры. К ним присоединили построенные ранее 13 бригантин, 11 галиотов и 117 стругов - самых надёжных казацких судов, и 4 морские казацкие лодки.

Возглавлять Азовскую эскадру царь Пётр I назначил не боевого атамана Войска Донского Фрола Минаева, принёсшего морским боем с турецким флотом первую победу скроенному кое-как и малообеспеченному военноморскому флоту московского царства, а своего протеже Ф. Головина, хорошего дипломата и никчемного моряка. Головину царь, как и своему другу швейцарскому конюху Лефорту, присвоил звание полного адмирала. Хотя фактически за новоиспеченного адмирала Азовской эскадрой управляли привезенные царём из Голландии опытные моряки К. Крюйс и И. Рез, произведенные царём соответственно в вице- и контрадмиралы.

Из вышеприведенных исторических данных видно, какую огромную услугу оказали царской армии и флоту донские и днепровские казаки, вошедшие из морских разбойников и пиратов в состав войска Московского царства. Без их помощи и второй азовский поход молодого царя Пётра I едва ли бы увенчался успехом.

Донские казаки за свои подвиги в составе московских войск не получили от царя ничего, кроме строгих требований в грамоте: «Чинить промыслы под ногайские улусы, под Темрюк и оказывать всеми силами помощь Азову (это с его-то огромным 9-тысячным московским гарнизоном?!), Сергиеву, Каланчам и Лютику». Более того, царь унизил Войско Донское после Константи-

нопольского мира 3 июня 1700 г. своим предписанием, чтобы на всякие обиды от набегов не отвечать набегам, а приносить жалобу московскому коменданту крепости Азов. Последний обязан был ходатайствовать у ачевского паши о возвращении награбленного казаками. Не менее оскорбительно повело себя Московское царство в отношении низового запорожского войска. Для запорожцев прямо в условиях Константинопольского договора о 30-летнем мире с турками были три «подарка» за их подвиги в составе царских войск в виде официальных статей международного акта:

1) Казаков казнить смертию, если они в мирное время пойдут войной на турецкие или крымские места.

2) Приднепровские городки, взятые у турок силой московско-казацкого войска, как, например, Тавань, Кызыкермень, Нустриткермень, Шангрирей, разорить до основания.

3) Казакам вольно промышлять зверем и рыбой вплоть до устья Днепра.

Слава Богу, хотя бы с рыболовством запорожцам обошлось без ограничений. Донским казакам «дозволялось» ловить рыбу в реке Дону и по запальным речкам «про свой обиход» по-прежнему «оприч тех вод, которые отведены на прокормление азовским жителям и зимовым солдатам, а именно, что вверх по Дону до устья Мертвого Донца на 10 верст, да вниз от г. Азова до взморья на 4 версты и на 150 сажений, и в те воды и в рыбные ловли вам, атаманам и казакам, отнюдь не велеть вступаца и рыбы в них не ловить...». Словом, лучшие и богатые рыбные тони были отобраны московским гарнизоном Азова у казаков, не говоря о пользовании торговым и рыбным портом города.

Казаки на берегах Дона и Днепра призадумались: «Того ли мы заслужили у московского царя?». Далее читатель знает: последовали жестокие бунты на Дону под руководством войскового атамана Кондратия Булавина и на Украине под началом гетмана Ивана Мазепы. Но это уже особые, чрезвычайно интересные истории другой эпохи в жизни донского и днепровского казачества.

Эпоха вольной их жизни с наступлением XVIII столетия закончилась навсегда.

Послесловие

Летом 2003 г. мне довелось дважды побывать на земле Всевеликого Войска Донского, где я родился в ковыльных сальских степях Ростовской области. Детство и юность мои прошли в среде донских казаков в Чиру и Волгограде, на Переволоке между Турецким и Петровским каналами от реки Иловли до реки Камышинки, не доведенными до конца, на возникшей после войны железнодорожной станции Петров-Вал, которую построил мой отец, наконец, в Котельниково после постройки ныне действующего Волго-Донского канала, словом, в тех местах донской земли, куда после войны направляли работать моего отца, почётного железнодорожника - строителя мостов и сооружений.

Работая над рукописью этой книги в Донской публичной библиотеке и в Ростовской университетской библиотеке, неоднократно выезжал в казачьи города и станицы области по местам жизни и боевой службы вольного казачества Войска Донского. Ознакомился с живописным городом-портом Азовом и его историческими достопримечательностями: краеведческим музеем, филиалом музея на территории бывшей крепости, остатками самой крепости, памятником Петру I. Осмотрел экспозиции, прослушал лекции для курсантов. И понял, почему город не встречает при въезде транспарантом: «Азов - город казачьей славы». Голландец К. Крюйс в своём труде «Разыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове», шотландец П. Гордон в своём «Дневнике», британский дипломат Ч. Уитворт в «Отчёте об осадах Азова в 1695 и 1696 годах» показывают, что первая победа над турецким флотом, как и взятие крепости Азов в 1696 г., - это инициатива и вклад донских казаков в победу московских войск царя Петра I, восхищаются самостоятельным взятием, удержанием и защитой донскими казаками турецкой крепости Азов в 1637 - 1642 гг. А вот сами руководители Всевеликого Войска Донского в труде «Картинки былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского» торопятся уступить всё это царю Петру I: «Первая морская победа Петра», «Взятие Азова царём Петром».

Похоже, что и в новой демократической Российской Федерации, её самостоятельном субъекте Ростовской области с собственной Законодательной

Думой и Правительством, и во Всевеликом Войске Донском, являющимся частью этого субъекта и входящим в Правительство, в мэрии г. Азова уже полтора десятилетия живут с оглядкой на Москву в отношении роли и значения Петра I в русском казачестве.

В Азове всё, как и в Российской и в советской империях, буквально пронизано якобы колоссальными личными деяниями московского царя Петра I и заслугами в его азовских походах на Дон. А казаки, как всегда были у этого царя на задворках, так и в истории Азова, как подаёт её экскурсантам краеведческий музей, где-то на седьмом плане.

Во второй раз поездки на родину в августе мне посчастливилось участвовать в работе I-го Всемирного Конгресса казаков в казацкой столице г. Новочеркасске. В обмене мнениями и беседах с атаманами разных казачеств РФ, с донской казацкой старшиной и простыми казаками выяснил, что подавляющее большинство попросту незнакомо с историей кровавой реформации донского и прочих казачеств в период 36-летнего правления московского царя, а с 1721 г. российского императора Петра I. Некоторые знают о нём только с положительной стороны, ссылаясь на прочтение насквозь фальшивого романа «советского графа» А. Толстого «Пётр I», заангажированного узурпатором власти в советской империи И. Сталиным, восхищённым тиранией царя Петра I над своим народом.

Теперь уже не только отдельные историки и писатели Российской, а затем советской империй, но и авторитетные современные российские историки и писатели твёрдо убеждены, что вся официальная историография сначала великого княжества, затем царства, наконец, империи, включая советский исторический период, полностью фальсифицирована. По этому поводу в 2001 г. написали современные российские историки академики А. Т. Фоменко и Г. В. Носовский: «Официальная «скалигеровско-романовская» версия русской истории до сих пор господствует в исторической науке. Напомним, что эта официальная версия была впервые в общих чертах изложена выходцем из Пруссии И. Гизелем (1600-1683 гг.) в его известном «Синописе» (1674 г.), затем расширена и доработана в XVIII в. приглашёнными в Россию профессорами-историками Г. Ф. Миллером (1705-1738 гг.), Г. З. Байером (1694-1738 гг.) и А. Л. Шлецером (1735-1800 гг.). Наконец, она была в художественной форме изложена обществу в известной «Истории» Н. М. Карамзина. Мы называем эту версию «романовской», поскольку она возникла именно во времена царствования Дома Романовых. Кроме того, эту версию с полным правом можно назвать «скалигеровской», поскольку она

создавалась почти исключительно западноевропейскими учёными, работавшими в рамках господствовавшей тогда (как, впрочем, и сегодня) на Западе историко-хронологической версии Иосифа Скалигера (1540-1609 гг.). Существуют многочисленные исследования по русской истории, во многом резко противоречащие официальной «романовской» версии. К ним, например, относится фундаментальный многотомный труд выдающегося русского историка князя М. М. Щербатова (1733-1790 гг.) «История российская от древнейших времён» (1770-1790 гг.). Этот труд, кстати, так и не был ни разу переиздан в XX в. Яростный спор с Миллером по поводу русской истории вёл великий русский учёный М. В. Ломоносов... Официальную русскую историю было поручено (императрицей - авт.) писать именно Миллеру. А труд самого М. В. Ломоносова по русской истории был конфискован...».

В Азове оказалось, что все героические казацкие деяния, достигнутые казаками-донцами или в боевом содружестве с соседями запорожцами, угодливо отмечены окружающими царя историками и холуйствующими придворными. Общеизвестно, что Украина нашла себе национального кумира в лице поэта и писателя Т. Шевченко. Историки и политики РФ остановились на деяниях царя московского Петра I. Их не остановили предостережения-характеристики исследователей личности и деяний Петра I, данные в разное время авторитетными русскими писателями-исследователями:

великий русский писатель Л. Н. Толстой о царе Петре I: «Беснующийся, пьяный, сгнивший от сифилиса зверь»;

выдающийся советский писатель М. А. Булгаков: «Дракон московский»;
современный богослов - протоиерей Лев Лебедев: «Дух Антихристов»;

последний из царей Романовых государь Николай II о своем далеком предке высказался весьма нелицеприятно: «он уничтожил русские правила, добрые обряды, взаимоотношения, завещанные предками...».

В начале третьего тысячелетия замечательный российский исследователь истории и писатель Александр Бушков пишет в своей интересной книге: «Тираном стал другой - кровавое чудовище, наломавшее столько дров, что последствия ощущались и 100 лет спустя. Я имею в виду Петра I - уж он-то не боялся рубить головы, творить самое дикое самодурство. Он принёс России неисчислимые беды под флагом «реформ», вырвав из нормального развития, однако, как ни странно, но до сих пор считается одной из самых замечательных личностей отечественной истории.

Самая грандиозная ложь, пущенная в широкий обиход ещё при жизни Петра I, - это уверения, будто Пётр первым придумал и ввёл многочислен-

ные новшества, будто до Петра Россия представляла собой нечто замшелое, застойное, невероятно отсталое, прямо-таки автоматически сопротивлявшееся всяким и любым изменениям окостеневшего порядка вещей. Хотя эту ублюдочную сказку стали подвергать всерьёз сомнению ещё во второй половине XVIII в. (князь М. М. Щербатов), она оказалась чрезвычайно живучей и угнездилась в умах настолько, что любые попытки прояснить истинное положение дел порой вызывают отпор, ни в малейшей степени не основанный на какой-либо рассудочной основе...

Однако факты - вещь упрямая. А факты таковы: во-первых, Пётр I не придумал сам решительно ничего нового. Все его «новшества» - уродливо искажённые, гипертрофированные, весьма даже бездарные продолжения тех реформ, изменений и новшеств, что родились до Петра. Во-вторых, Пётр не ввёл реформы, а принялся с яростью идиота пришпоривать и ускорять реформы уже начавшиеся. Образно выражаясь, предшественники Петра двигались к своей цели шадя и не мучая лошадь...

Другое дело, что европейские новшества проникали на Русь медленно и применялись в ограниченных масштабах. Впервые сбрил бороду отец Ивана Грозного - Василий III. Ещё Ивана IV Грозного упрекали за пристрастие к иноземным лекарям. А первые наёмные иностранные солдаты появились в московской армии при Василии III. Ещё царь Борис Годунов послал пятерых молодых дворян учиться в Англию. Царь Лжедмитрий I намеревался открыть в Москве университет по европейскому образцу. А во второй половине царствования Алексея Михайловича иноземные новшества начинают распространяться семимильными шагами.

Первые корабли западного образца построены именно тогда (с помощью голландских мастеров - авт.). Первый театр по западному образцу немец Грегори заводит в царствование Алексея. Немецкий учёный Адам Олеарий в своём «Описании путешествия в Московию» писал: «Его царское величество содержит также с большими расходами много толмачей (переводчиков - авт.) для разных языков, а также много других слуг из немцев и иностранцев. В особенности много у него высших военных офицеров...».

В Москве к тому времени уже были открыты иностранцами аптеки, где фармацевтическому делу и латинскому языку учились и русские...

Интересно, что идея прорыва Москвы к Балтийскому морю впервые родилась отнюдь не в Москве. В 1676 г. в Москву прибыл новый датский посол Ф. фон Габель. Именно он, ярый ненавистник Швеции, и принялся убеждать царя Алексея захватить Ливонию. Строго говоря, порты на Балтий-

ском море России были и не особенно нужны. Торговля с Европой (включая Англию - авт.) через Архангельск являла собой не то полусонное копошение, каким впоследствии стали представлять перевозносившие Петра историки, а налаженное и мощное предприятие. Только за один год, что полностью подтверждается иностранными источниками, чистая прибыль от архангельского товарооборота дала 300 тысяч рублей - сумма по тем временам фантастическая (например, за 200 тысяч рублей царь Алексей выкупил у поляков Киев с территорией на правом берегу Днепра, а в 1711 г. за 200 тысяч рублей турецкий визирь выпустил из окружения на реке Прут царя Петра I с остатками его армии).

Читатель может возразить, что данный материал А. Бушкова уже продукт длительного переосмысления исторического опыта. К счастью, в 1918 г. в Петрограде нашёлся писатель-исследователь И. М. Василевский, сообразивший, что солдаты революции, громя ненавистный Дом Романовых, не тронут либо просто расшвыряют секретнейшие листы-оригиналы, записанные по долгу службы лейб-медиками и гоф-маршалами, приближёнными в течение трех веков ко всем монархам семьи Романовых. Вот что писал И. М. Василевский, имея сразу в первые послереволюционные годы доступ к самым тайным архивным документам, о жизни свергнутого и ненавистного в то время царствовавшего Дома Романовых: «Чтобы понять личность Петра, найти тот маленький ключик, с помощью которого, по известной пословице, открываются самые большие двери, надо прежде всего основательно забыть, выбросить из головы всё то обычное и шаблонное, что связывают с именем Петра школьные учебники старого доброго времени и официальные истории.

Вчитываясь в документы эпохи, всматриваясь в изумительные страницы подлинной истории того времени, всё время испытываешь острое удивление: до чего же не похожа вся жизнь Петра на то, что принято о нём думать и считать бесспорным!..

В детстве Пётр был настолько хилым ребёнком, что его ещё в три года кормили грудью. Никаких признаков особых способностей в детские годы он не проявлял. В 11 лет он ещё не умеет ни читать, ни писать. В 16 лет он, правда, знает два первых правила арифметики, но писать как следует так и не научился до конца дней своих...

Пётр пользуется свободой. Он то пьёт водку в доме Лефорта в Немецкой слободе, то устраивает потасовки, то забавляется фейерверком.

Не следует думать, что Немецкая слобода и впрямь являлась уголком, где жили культурные европейцы. В подавляющем большинстве здесь собира-

лись отбросы европейского мира, авантюристы, прошедшие огонь, воду и медные трубы, бездельники, которых жадность и жажда приключений привели в столицу северного края...

Ничего, кроме забав, Петра до 21 года не интересовало. Жизнь, которую он ведёт в эти годы, В. О. Ключевский определяет как жизнь бездомного бродячего студента. Сей представитель богемы и вправду никогда не бывает дома, а ночует каждый день в новом месте не во имя любви к вольной волюшке, а во имя любви к оргиям, которые устраиваются у «министра пиров и увеселений» Лефорта. «Собирают гостей 85 человек, никого не выпускают ранее, чем через 3 дня, - описывает эти празднества князь Куракин. - Двери закрыты на ключ для пьянства столь великого, что невозможно описать. Многим случалось от того умирать». Вечные праздники, буйные оргии, игра в кораблики... Петра невозможно оторвать от шумной компании пьяных друзей не только для докладов, но и для пятиминутной аудиенции иностранным послам.

Но даже излюбленным своим морским забавам он серьёзного значения не придавал. В том числе и в те годы, когда был в Голландии и в Англии. Там он пил в кабаках и грязных харчевнях с боцманами и шкиперами, и где заимствовал для России голландский морской торговый трифлаг красного, синего и белого цветов...

Не пересчитать, не перечислить всё новых и новых примеров болезненной склонности к издевательствам над окружающими и над самим собой, которыми заполнены все годы жизни и царствования Петра. Как случилось, что династия Романовых вообще и Пётр Великий в частности не привлекли до сих пор пристального внимания врачей-психиатров?!

У него было что-то вроде боязни пространства. Он не выносит, например, высоких комнат. Так же болезненно не выносит Пётр одиночества. Он не может спать один. Если близ него нет какой-нибудь женщины, он кладёт с собой какого-нибудь из денщиков.

Во время заграничного путешествия Пётр проявляет незаурядную любознательность и долго любителю искусством зубодёра. После нескольких уроков Пётр уже не расставался с футляром с хирургическими инструментами и с особым удовольствием вырывал зубы не только всем желавшим этого, но и не желавшим. Этим своим умением Пётр почему-то чрезвычайно гордился, без конца злоупотреблял им по возвращении в Россию не только в лечебных целях, но и в карательных тоже. Он сдал в кунсткамеру целый мешок собственноручно вырванных зубов.

Он находил время, чтобы явиться не только посмотреть работу хирургов, но и заменить их. Если пациенты после операции, произведенной Петром, умирали, как было с женой купца Борсте после операции вскрытия брюшной полости, то винить за это было некого...

Какая-то странная любовь к трупам, нечто вроде некрофилии. Она проявляется в разные годы жизни Петра вместе с любовью к хирургии. Приказав в своём присутствии казнить свою любовницу Анну Монс, Пётр поднимет отрубленную голову и вопьётся поцелуем в мёртвые губы.

В Утректе, приехав к профессору анатомии Рикше, Пётр, увидев превосходно препарированный труп ребёнка, кидается его целовать.

В Лейдене, попав в анатомический театр доктора Борсова, Пётр, любуясь трупами, усмотрел, что у отдельных лиц его свиты это вызывает отвращение. Он тотчас же приказал им зубами перекусывать мускулы трупов...

По описанию Полтавского боя у Пушкина памятны нам строки: «Из шатра выходит Пётр. Лик его ужасен. Движенья быстры, он прекрасен». Надо признать, что подлинной точностью в этом описании отличаются лишь слова об «ужасном лике». Ничего подобного той мужественной красоте, гордому выражению лица, стройной и величавой фигуре, которую увековечили художники, понимавшие, что самодержцев всегда надо рисовать красивыми, в действительности не было. Все говорят об уродливости его гримас, о судорожных подёргиваниях, о дрожащей голове, о сгорбленной спине. Резче всего сказывались судороги и подёргивания. Эти болезненные признаки остро проявляются во все годы его жизни и становятся заметны у него уже в молодости, на 20-м году жизни.

Нервные судороги, искажавшие лицо царя, болезненно сгорбленная фигура и трясущаяся голова ярко отразились в представлении о нём современников: «Головой запромётывает, ногой запинается - нечистый дух, знамо, ломает». Время от времени судороги становились всё резче и ощутимее. Это было началом страшного припадка, и ближние, чуя грозу, в таких случаях срочно вызывали царскую наложницу Екатерину, которая брала голову Петра в руки и массировала её, пока Пётр не засыпал. Без этих предупредительных мер припадки заканчивались трагически: Петр кидался с ножом на окружающих, не помня себя. Пётр, как известно, был связан с Меншиковым, как и позже с Ягужинским, Лефортом и многими другими не скрываемыми им узами однополой любви. Мужчины и женщины равно возбуждали чувственность Петра. Он до последней степени неразборчив, и потому ничуть не удивляют свидетельства, доказывающие, что он не только сам заболел сифилисом (виновницей была некая госпожа Чернышова), но ещё и

передал эту болезнь Екатерине. Когда в ночь на 28 января 1725 г. Пётр лежал в агонии, жуткие крики неслись над набережной - от более распадавшегося головного мозга в третьей стадии сифилиса...

Почему-то именно Петру приписывается заслуга первых попыток кораблестроения, тогда как уже его отец, Алексей Михайлович, кое-что сделал в этой области...

Сам Пётр не верит в то, что он настоящий. Не верит в то, что является сыном царя Алексея Михайловича. Среди рассказов современников находим характерную сцену, когда Пётр во хмелю хватается за бороду Тихона Стрешнева, одного из тех придворных, кого молва называла любовником матери Петра, Натальи Кирилловны (Нарышкиной, второй жены царя Алексея - авт.). «Чей я сын? - кричит Пётр. - Говори, не твой ли, Тихон Стрешнев?..». «Батюшка, смилуйся! Я не знаю, что отвечать. Я был не один», - ответил полузадушенный Стрешнев. Другим любовником матери Петра исследователи считают лучшего друга и советчика клана Нарышкиных патриарха Иоакима. Горячее участие его в судьбе Петра I и объясняют как раз тем, что Пётр был сыном его и Натальи Кирилловны.

То, что Пётр I, по И. М. Василевскому, был человеком нездоровым и больным в психическом плане, в общем, не подвергалось сомнению многими учёными как отечественными, так и зарубежными. Вот что писал американский учёный Роберт Мэсси в своём 3-томнике «Пётр Великий» (Смоленск: Русич, 1996):

«...Молодой царь начал страдать досадным, нередко заставляющим его испытывать мучительные унижения, недугом. Когда Пётр возбуждался или напряжение его бурной жизни становилось чрезмерным, лицо его начинало непроизвольно дёргаться. Степень тяжести этого расстройства, обычно затрагивавшего левую половину лица, могла колебаться: иногда это был небольшой лицевой тик, длившийся секунды 2-3, а иногда - настоящие судороги, которые начинались с сокращения мышц левой стороны шеи, а глаза закатывались так, что виделись одни белки. При наиболее тяжёлых, яростных припадках затрагивалась левая рука - она переставала слушаться и непроизвольно дёргалась. Кончался такой приступ лишь тогда, когда Пётр терял сознание...».

Медики современные объясняли подобное нервно-психическое расстройство либо малыми эпилептическими припадками, либо перенесённым воспалением мозга - энцефалитом с образованием на мозге локального рубца. Болезнь повлияла глубоко на личность Петра в виде многочисленных припадков дикой неконтролируемой ярости. Правда, о жестокости Петра I

известно, что она проявлялась и в спокойном состоянии духа: в своём присутствии он казнит изменившую ему любовницу Анну Монс; публично отсекает голову другой любовнице Марии Гамильтон; сыну царевичу Алексею спокойно отсекает голову, а потом велит пришить для демонстрации народу на похоронах; любовнику Екатерины, изменившей ему уже будучи женой, царицей, отрубает голову и приказывает поставить голову в банке со спиртом на видном месте в её спальне.

О военных успехах царя Петра I принято писать лишь в самых восторженных тонах. А ведь первый поход азовский стоил Московскому царству потери армии почти в 30 тысяч человек.

Совершенно неизвестно, чем бы закончился второй азовский поход Петра I, не окажи ему по собственной инициативе огромных услуг донское и запорожское казачество. Не отрицая столь серьезного и масштабного предприятия, как занятие московскими войсками Прибалтики в течение 20-летней Северной войны, следует всё же сделать одно немаловажное уточнение, что царство Петра I сражалось с державой, находившейся «в закате». Мошь Швеции была уже непоправимо подорвана и участием в 30-летней войне, и рядом крупных потерь в армии и на флоте, понесённых от Польши. Управление войсками Петра велось наёмными зарубежными генералами. Но как военачальник Петр I был ничтожеством, трусом и паникёром. Рассмотрим для этого труд И. М. Василевского «Романовы» о первой битве со шведами в Северной войне в 1701 г. после второго азовского похода под крепостью Нарвой при наличии у него в армии 80 тысяч солдат и у короля Карла XII всего 18 тысяч солдат: «Но когда под стенами Нарвы узнал о приближении шведского короля, струсил и стал вести себя, как напроказивший мальчишка, которому пригрозили розгой».

«- Это не солдат, - презрительно сказал о Петре саксонский наёмник, генерал Халлер, увидя его удручённым и чуть не полоумным, горько жалующимся и пьющим стаканами водку. - Он покидает своё войско и в панике удирает куда глаза глядят».

Прочие сражения царь Пётр уже не возглавлял, полагаясь на наёмников-генералов.

Бездарен был Пётр I и во внешней политике. После смерти Петра не осталось каких-либо прочных и выгодных для царства, а затем империи союзов. Только изоляция и тупики.

Примером совершенно утопического «прожекта», повлёкшего огромные жертвы, а главное, похоронившего все надежды донского казачества после завоевания низовьев Донца, Азова и права выхода в Азовское море, стал

Прутский поход армии под началом Петра I, в котором турки, жаждавшие реванша за условия Константинопольского мира 1700 г., поймали царя Петра I на самый примитивный и наглый блеф.

Представители православных балканских народов, буквально осаждавшие до 1700 г. Москву с просьбой о помощи, из личных побуждений заинтересованности преувеличивали размах антитурецкого движения в своих странах и преуменьшали ожидавшие московскую армию трудности. Изображалась совершенно фантастическая картина: как, при одном появлении царских войск, сербы, черногорцы, болгары, валахи и молдаване прямо-таки сметут в едином порыве турецких угнетателей. Пётр I писал своему фельдмаршалу Шереметеву: «...В таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти за Дунай, большая часть войска его разбежится, а может быть, и бунт поднимут». Французский историк Жорж Удар писал впоследствии: «Он имел несчастье, вместо того, чтобы сконцентрировать все усилия на заключении мира со Швецией, ввязаться в хаос сложных дипломатических интриг, которые требовали тонкого политического чутья, изощрённой дипломатии и финансовых средств, которых ему не хватало».

9 ноября 1710 г. недавно вступивший на престол турецкий султан Ахмет III, настолько не уважавший царя Петра I, что ему, единственному монарху из всей Европы, не послал извещения о своём вступлении в права главы Османской империи, нарушил заключенный с Московским царством на 30 лет Константинопольский мирный договор и объявил царству войну. Для этого он без напряжения собрал огромнейшую армию в 188 тысяч человек: 118 тысяч турок и 70 тысяч татар с нескрываемым планом вступить во владения Петра I с юга и с запада. Царь Пётр прибыл в Яссы (на территории Румынии - авт.) с 45-тысячным войском и громаднейшим обозом. Господарь молдавский Кантемир принял было Петра с большой радостью, но кормить армию ему оказалось нечем. Запасов никаких нет, армия голодает, ибо татары с севера отрезали тыл. 7 июля 1711 г. армия Петра зажата в тесном кольце турок, захвативших оба берега реки Прут. Первая мысль царя была удрать в одиночку, кинув всю армию на произвол судьбы, как 10 лет назад он сделал это под Нарвой. Царь обращается к украинскому казаку Ивану Никулюку с мольбой увезти его с этого места, скрыть, спрятать и спасти его самого и его наложницу Екатерину. Попытка спастись бегством оказалась неисполненной.

Пётр заперся у себя в палатке и махнул на всё рукой. Он совершенно пал духом и оказался не в состоянии давать какие-либо приказания. Заботу о спасении пришлось взять на себя вице-канцлеру, барону Шафирову (нату-

ральный еврей Шапиро - авт.) и Екатерине. Они решили дать великому визирю Балтаджи Мехмет-паше взятку в 200 тысяч рублей и бриллиантовый перстень Екатерины, чтобы он согласился отпустить на свободу Петра I - исключительно крупную «рыбу», которая попала в его «невод». Великий визирь, сделавший вид, что не разобрал как будто, какой огромный козырь оказался в его руках в затеянной Турцией военной игре с Московским царством, несколько дней вёл переговоры с Шафировым и с Екатериной. Подготовил условия мирного Прутского договора, взял 200 тысяч рублей, драгоценности Екатерины, причём, по многим источникам, - и натурой от этой женщины, жрицы любовных утех, и отпустил Петра I, подписавшего 12 июля Прутский договор, с миром и остатками жалкой царской армии.

В Прутском походе царь Пётр I из 45 тысяч солдат недосчитался 27285 человек. Из них в боевых действиях против турок и татар погибли только 4800, остальные - от жажды, голода и болезней.

Пётр I, сидя в осаждённом лагере, приказал Шафирову добиваться мира любой ценой. Если потребуется, не только отдать Турции все завоёванные на юге в 1696 - 1700 гг. земли и города, но и вернуть шведам всю Прибалтику, кроме Петербурга.

Прутский договор был подписан на условиях, по которым Московское царство обязывалось вернуть Турции крепость Азов, срыть свои новые крепости в Приазовье, Таганрог и Каменный Затон, уничтожить корабли Азовской флотилии и отказаться от содержания в Стамбуле московского посольства.

Азовский флот к этому времени находился в бедственном состоянии. Большинство ранее построенных кораблей пришло в негодность, без ухода корпуса сгнили. Казаков Войска Донского к ним московский гарнизон Азова не подпускал.

Присланные царём Петром I в Азов в начале 1711 г. вице-адмирал К. Крюйс и назначенные на флот капитаны, в числе которых был впоследствии знаменитый мореплаватель Витус Беринг, имея задание собрать не менее 30 кораблей, смогли отобрать здесь только 4 корабля, 2 галеры, 3 шнявы и несколько десятков казацких стругов.

Боевые действия на юге в Азовском море в 1711 г. со стороны турок выразились в высадке 22 июля в четырёх милях от Таганрога турецкого десанта с пришедшей эскадры. Она подошла в Таганрогский залив в начале июля в составе 18 кораблей, 14 галер и большого числа вспомогательных судов. Десант высаживался с 7 галер. В сражении с московскими войсками и при-

влечёнными донскими казаками турки были сброшены в море и поспешно отступили на корабли эскадры. Турецкая эскадра отошла от берега и через два дня совсем покинула Таганрогский залив. С тех пор царская флотилия ограничивалась крейсерством двух кораблей в этом районе. По сути, этот морской десант турок был больше демонстрацией силы, поскольку уже вся Турция и Крым знали, что царь Пётр I едва не взят в плен, от армии его в 45 тысяч осталось 18 тысяч человек, и 12 июля 1711 г. он подписал мирный Прутский договор в Молдавии - самый позорный, который официальные российские историки прежних и нынешних лет для информации россиян свели к фразе: «1711 год отмечен в России неудачным Прутским договором».

Царь Пётр I в связи с модой в то время на пиратов и каперов у монархов Европы в объявленных и необъявленных морских войнах пытался использовать в своём флоте услуги их, но опять же иностранных, хотя знал об огромных талантах в этом промысле как донцов, так и запорожцев. Не сумев проложить в битвах с турками и татарами выход своему московскому флоту в Средиземное море через Чёрное, царь задумал проложить путь в Южное полушарие после победы над шведами в Северной войне через западную «форточку окна в Европу», удавшуюся ему открыть через Балтику. Но и здесь вместо привлечения донских и запорожских казаков в качестве пиратских экипажей он обращается в пиратские «республики» аж острова Мадагаскар, наверняка, по очередной дикой подсказке нанятых зарубежных советников.

Понимая, что владычица морей Англия и другие могучие морские державы совсем не захотят появления нового соперника на пиратских и киперских просторах важнейшей торговой морской дороги мира между Европой и Востоком, он готовит секретное плавание двух своих фрегатов на Мадагаскар, а оттуда, если удастся, то и в Индию. 9 ноября 1723 г. он по этому поводу направляет к главарю пиратов Мадагаскара своего наёмника вице-адмирала Вилстера с несколькими офицерами на двух фрегатах. Однако экспедиция по налаживанию пиратских связей в международной практике закончилась неудачей, корабли Петра I вернулись, едва начав путь, так как техническое их состояние не соответствовало мореходным сложностям такого полукругосветного плавания.

Хорошо будучи осведомлённым о военном искусстве и способностях казаков как на суше, так и на море, Пётр I не хотел формировать экипажи своего вновь отстроенного, неопытного и неуклюжего московского флота из казаков, умелых матросов казацкой весельно-парусной флотилии, которые

на порядок быстрее освоили бы мореходные и боевые качества царских кораблей, сделав их грозным оружием ещё бы в азовские походы Петра.

Историки Дона, да и не только они, удивлялись, почему Пётр I не оставил свой Азовский флот в распоряжении казаков для защиты и Азова, и всего низовья Дона, а повелел отвести его на верфи Паншинского городка под защиту царского гарнизона крепости Царицын на Волге.

Весь флот Азовской флотилии, скроенный на «скорую руку» и «живую нитку» только для демонстрации морской мощи туркам в закончившейся военной кампании, очень мало и не надолго был пригоден для боевых операций на море или вблизи морских побережий.

К примеру, после торжеств в Москве в 1696 г. по случаю второго удачного похода на Азов царя Петра I корабль «Апостол Петр» и 23 галеры остались стоять у азовских причалов без ухода и эксплуатации, зато под надзором огромного даже для Азова 9-тысячного царского гарнизона князя-воеводы П. Львова. Весьма незавидной оказалась судьба этих 23 галер первой московской регулярной флотилии. Вначале корабли стояли без надлежащей охраны с расхищением имущества и снаряжения, затем разошлись и пришли в жалкое состояние. В мае 1698 г. была сделана попытка 10 из них отправить в Воронеж на верфи для ремонта. Но солдаты сумели довести по Дону только 2 и до Черкаска: 5 из них затонули в реке, а 3 застряли на мелях. С трудом удалось поднять из воды 4 судна, отремонтировать остальные и в апреле 1699 г. 9 вернуть к Азову, где большинство из них оказались выброшенными на сушу. За все эти годы ни разу не последовало предложение донцам - союзникам по царскому воинству отдать остатки Азовской флотилии на восстановление или демонтаж: ведь лес, металл, снасти, паруса пригодились бы хозяйственным и смышленным казакам на ремонт стругов казацкой флотилии, а то и на постройку из деталей кораблей новых казацких стругов для патрулирования азовского побережья в помощь засевшему в крепости царскому гарнизону князя П. Львова.

После Прутского мира удалось перегнать с Азовского моря в Черкасск на Дону всего 3 корабля и до 20 мелких судов, а также продать в октябре 1711 г. турецкому флоту за 26167 червонцев заинтересовавшие их царские корабли «Предистанция» и «Ласточка», шнявы «Лизета» и «Мулкер».

Только к февралю 1712 г. натерпевшихся жителей городов Азова и Таганрога удалось переселить на реку Осереда, где в 1715 г. образовался город Павловск.

Так на долгие годы были похоронены надежды и мечты казаков Войска Донского о свободном плавании и богатых рыбных промыслах во всём низо-

вые Дона вплоть до Азовского моря, о возможностях торгового мореплавания по Азовскому морю с Крымом и Кубанью, а также и до турецких берегов Анатолии и Кавказского побережья.

Замечательный исследователь древней истории казачества, донской историк Е. П. Савельев, изучая ещё в самом конце Российской империи взаимоотношения московских, затем российских монархов, подметил одну чрезвычайно любопытную специфику, которая не характерна для днепровского и запорожского казачества, но присуща именно донцам: «В донском казачестве на протяжении веков проскальзывает одна загадочная черта, несмотря на полный его, в самом широком смысле, демократический дух, - это благоговение перед царской властью как олицетворением высшей правды на земле».

Но вот попущением Божиим жизнь сталкивает донцов, ещё четверть века назад совершенно вольных, лишь недавно принявших официальную присягу на верную службу царям московским, с больным царём-психопатом Петром I, поставившим цель разрушить на Дону эту веками спаянную военную общину со своим историческим укладом жизни, по развитию стоявшую выше рабской Московской Руси.

Царь Пётр I взамен разрушенного ничего не дал, кроме массы указов, регламентов, уставов, совершенно не приемлемых к их военной казацкой жизни. А в дополнение к ненависти за врождённое чувство свободы личности и независимости, к недоверию оказывать царству военную помощь на суше и на море, несмотря на признание исключительности в искусстве ведения казаками военных действий, Пётр I пустил в ход свою потрясающую современников жестокость.

В истории Московского царства, Российской империи и советской империи было три правителя, позволивших уничтожить донских казаков. Царь Б. Годунов издал указ их вешать при поимке на территории царства. О степени жестокости психически больного московского царя Петра к своим недавним союзникам по Азовским походам можно судить по содержанию письма исполнителю князю Василию Долгорукому: «Все казачьи городки по Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле сжечь и разорить до основания, людей рубить и заводчиков сажать на кол и колесовать... Сия сарынь, кроме жестокости, не может быть унята». Только через 200 лет основателю советской империи удалось превзойти основателя Российской империи в отношении ненависти и жестокости к казакам.

19 декабря 1919 г. главный чекист Ф. Дзержинский, в связи с приближением окончания Гражданской войны, писал Предсовнаркома РСФСР В.

Ульянову-Ленину: «В Ростове захвачены в плен 300 тыс. казаков Войска Донского. В районе Новочеркасска удерживаются в плену более 200 тыс. казаков Войска Донского и Кубанского. В городе Шахты, Каменске удерживается более 500 тыс. казаков. За последнее время сдались в плен около 1 млн. казаков. Пленные размещены следующим образом: в Геленджике - около 150 тыс. человек, Краснодаре - около 500 тыс. человек, Белореченской - около 150 тыс. человек, Майкопе - около 200 тыс. человек, Темрюке - около 50 тыс. человек. Прошу санкции. Председатель В.Ч.К. Дзержинский». Резолюция Ленина на письмо: «Расстрелять всех до одного». 30 декабря 1919 г.».

В посткоммунистической Российской Федерации имя царя Петра I внезапно полюбили в правительстве Москвы, настроив фантастических памятников. Затем это веяние перешло в Главное командование ВМФ РФ, и построенному в 1996 г. новому флагманскому кораблю атомному ракетному крейсеру присвоили имя царя «Петр I». В 2001 г. в Москве в издательстве «Вече» вышла в свет книга Н. В. Скрицкого «100 великих адмиралов» с краткими очерками о жизни, деятельности и достижениях в морской боевой службе выдающихся адмиралов всего мира. Звание «адмирал» родилось не столь давно, в средневековье второго тысячелетия от Р. Х., и происходит от арабских слов «амир аль бахр», т. е. владыка на море. Автор, по-видимому, ангажированный командованием ВМФ РФ, включил в первую сотню великих адмиралов мирового сообщества и московского царя, затем российского императора Петра Алексеевича Романова (Петра I), не отметившегося в истории мирового военно-морского флота никак и ничем. Бумага стерпит всё, пока не сотлеет со временем. А вот с кораблём-флагманом, названным именем «столь знаменитого российского адмирала», неприятности начались уже в 1996 г. на морском переходе с Балтики, где «прославился» в морских сражениях адмирал Пётр, на Северный флот. Причём за годы службы до 2004 г. включительно на корабле с именем адмирала Петра I (ну не в честь же царя-сатрапа назвали флагман ВМФ в демократической стране) аварии следуют одна за другой. Видимо, Провидение посылает кораблю с недостойным его именем особые испытания в морской службе, чтобы Главное командование ВМФ быстрее решилось на его списание из состава действующих для восстановления справедливости. Ну, а писателю за подтасовку царя Петра I в число великих адмиралов мира воздастся там, где Господь Бог вершит свой суд над всеми смертными за грехи их земные.

Главное, чтобы Азов избавился от всего, что связано с казацким извергом, а в центре экспозиции города-музея были его истинные герои-казаки.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов А. И. История Донского края. - Ростов н/Д: Приазовский край, 2001.
2. Аркас М. Історія України-Русі. - Одеса: Маяк, 1994.
3. Ауский С. Казаки. Особое сословие. - М.: Олма-Пресс; С.-Петербург: Нева, 2002.
4. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. - К.: Час, 1993.
5. Бойко О. Д. Історія України. - К.: Академія, 1999.
6. Бурлака В. О. Азов - северный порт Османской империи. - В сб. «Очерки истории Азова». Вып. 5. - Азов: Азовский краеведческий музей, 2000, с. 79 - 91.
7. Буровский А. Несостоявшаяся империя. - Красноярск: Бонус; М.: Олма-Пресс, 2001.
8. Бушков А. Россия, которой не было. - М.: Олма-Пресс; С.-Петербург: Нева; Красноярск: Бонус, 2001.
9. Валишевский К. Иван Грозный. - М.: ИКПА, 1989.
10. Василевский И. М. Романовы. В 2-х т. - Петроград, 1923.
11. Венков А. В. Казаки. Синеглазые волки. - Ростов н/Д: Феникс, 2000.
12. Гордеев А. А. История казаков. В 4-х частях. - М.: Страстной бульвар, 1992.
13. Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. - К: МПП «Левада», 1997.
14. Грушевський М. Історія України-Руси. Т. VII. Козацькі часи - до року 1625. - К: Наукова думка, 1995.
15. Грушевський М. Історія України-Руси. Т. VIII. Роки 1626 - 1650. - К: Наукова думка, 1995.
16. Грушевський М. Історія України-Руси. Т. IX-1. Роки 1650 - 1654. - К: Наукова думка, 1996.
17. Дулимов Е. И. Государство и казачество: проблемы взаимодействия. - Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 2003.

18. Зубов Б. Н. Развитие кораблестроения на юге России. - Калининград: Кн. изд-во, 1990.
19. Карамзин Н. М. И что тогда была Россия. Страницы из «Истории государства российского». - Харьков: Прапор, 1990.
20. Картины былого Тихого Дона. Краткий очерк истории Войска Донского. Т. 1. - М.: Граница, 1992.
21. Климов Г. Красная Каббала. - Краснодар: Советская Кубань, 2000.
22. Кониский Г. История русов или Малой России. - М.: Университетская типография, 1846.
23. Королёв В. Н. Азовская эпопея: последние операции донского казачьего флота. - В сб. «Дон и северный Кавказ в древние и средние века». - Ростов н/Д, 1990.
24. Королёв В. Н. Неизвестные страницы истории казачества. - В сб. «Очерки истории Азова». Вып. 5. - Азов: Азовский краеведческий музей, 2000, с. 79 - 91.
25. Костомаров Н. И. Исторические произведения. - К.: Изд-во при КГУ, 1989.
26. Костомаров Н. И. Мазепа. - М.: Республика, 1992.
27. Лунин Б. В. Азовская эпопея 1637 - 1641 годов. - Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1988.
28. Мартыненко В. И. Казачество Украины: происхождение и становление. - Николаев: Вечерний Николаев, 2003.
29. Морской энциклопедический справочник. В 2-х т. - Л.: Судостроение, 1986.
30. Нойкирхен Х. Пираты. Морской разбой на всех морях. - К.: Общество «Знание» Украины, 1992.
31. Острогорский М. Учебник русской истории. - С.-Петербург: Типография Тренке и Фюско, 1907.
32. Пираты нового века. - «Судоходство», 2003, №1.
33. Россия: Энциклопедический словарь. - Л.: Лениздат, 1991.
34. Савельев Е. П. Древняя история казачества. - М.: Вече, 2002.
35. Семененко В. И., Радченко Л. А. История Украины. - Харьков: Торсинг, 2002.
36. Сергийчук В. Морські походи запорожців. - К.: Фотовідеосервіс, 1992.
37. Скрицкий Н. В. Сто великих адмиралов. - М.: Вече, 2001.
38. Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. - М.: Просвещение, 1990.
39. Соловьёв С. М. Чтения и рассказы по истории России. - М.: Правда, 1990.
40. Тулуб З. П. Сагайдачный. - Днепропетровск: Промінь, 1990.
41. Тысячелетие России. Из архива дома Романовых. - Николаев: Академия; Симферополь: Таврия, 1992.

42. Ханке Х. Люди, корабли, океаны. 6000-летняя авантюра мореплавания. - Л.: Судостроение, 1976.
43. Эвлия Челеби. Книга путешествий. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVIII века. Перевод и комментарии. Вып. 1, 2, 3. - М., 1961, 1979, 1989.
44. Яворницький Д. І. Історія запорозьких козаків. У 3-х т. - К.: Наукова думка, 1990.

КРАТКИЙ СЛОВАРИК УПОТРЕБЛЕННЫХ ТУРЕЦКИХ И ТАТАРСКИХ ТЕРМИНОВ

Ага - офицер турецкого и татарского войска

Азап - пехотинец-ополченец, использовавшийся для охраны приморских крепостей и в качестве стрелка в морских сражениях

Акче - медная монета, равная грошу

Анатолия - полуостров Малая Азия

Аскеры - солдаты

Аспр - серебряная монета

Бакап - купец

Баскак - сборщик налогов

Бей - крупный феодал

Великий визирь - сановник на уровне премьер-министра

Визирь - сановник на уровне министра, носителя султанской печати, главы ведомства

Вилайет - губернаторство

Галера - военно-гребное судно, созданное в Венеции на базе военного судна Древнего Рима (по-гречески звучало «каторга»), существовало в XII - XVIII вв. во флотах всех европейских государств

Гезлев - город в Крыму, ныне Евпатория

Груш - серебряная монетая, равная 40 акче или 80 пара

Денор - наимельчайшая по номиналу медная монетка

Дервиш - мусульманский монах

Диван - личный совет при султанах Турции

Каймакан - первый вельможа Крымского ханства

Калга - первый наследник ханского престола

Калита - торговое парусное судно

Капудан-паша - главнокомандующий адмирал турецкого флота

Каракюрсель - крупная парусно-гребная лодка с полупалубой

Кафа - город в Крыму, ныне Феодосия

Ода - рота солдат

Пара - медная монета, полгроша

Паша - крупный чиновник или генерал турецкого войска

Сагайдак - колчан для стрел

Сандал - быстроходный турецкий парусник

Санджак - крупная военно-административная единица

Санджак-бей - глава санджака

Сеймины - солдаты войска крымского хана

Сераскер - командующий в походе

Сердар - главнокомандующий всеми вооружёнными силами Турецкой империи

Скат - турецкая конница

Фыркат - фрегат, бригантина в составе флота

Эфенди - титул для гражданских членов в правительстве

Янычары - султанская гвардейская пехота

Ярлык - ханская грамота

Ясак - подушная подать

Ясырь - пленные люди, захваченные во время набега и предназначенные для продажи в рабство на невольничьих рынках.

РУССКИЕ МЕРЫ И ОТНОШЕНИЯ ИХ К МЕТРИЧЕСКИМ (МЕЖДУНАРОДНЫМ)

Меры линейные

1 верста = 500 саж. = 1,0668 км
1 сажень = 3 арш. = 7 футам = 2,1336 м
1 аршин = 16 верш. = 28 дюймам = 0,7112 м = 71,12 см = 711,2 мм
1 вершок - 17,5 линии = 44,45 мм
1 фут = 12 дюйм. = 6,85 верш. = 304,8 мм
1 дюйм = 10 линиям = 25,4 мм
1 линия = 10 точкам = 2,54 мм
1 точка = 0,00083333 фут. = 0,254 мм

Меры веса

1 пуд = 40 фунтам = 3840 золотникам = 16,38 кг
1 фунт = 32 лотам = 96 золот. = 0,409 кг = 409,51241 г
1 лот = 3 золот. = 12,797263 г
1 золотник = 96 долям = 42,6 г
1 доля = 0,0001085 фунта = 44,43 г

Меры аптекарского веса

1 апт фунт = 12 апт унц. = 84 золо. = 358,32 г
1 апт унция = 8 апт. драхмам = 672 долям = 2,918 г
1 апт. драхма = 3 апт. скрупулам = 84 долям = 3,73 г
1 апт. скрупул = 20 апт. гранам = 28 долям = 1,24 г
1 апт. гран = 1,4 зол. = 0,00017 апт. фунта

Меры объема сыпучих веществ

1 четверть = 2 осьминам = 8 четверикам = 2,09 гектолитра (гл)
1 осьмина = 1/2 четверти = 4 четверикам = 1,04 гл
1 полусосьмина = 2 четверикам = 52,47 литра (л)
1 четверик = 8 гарнцам = 26,2 л
1 гарнец = 2 полугарнцам = 3,27 л
1 полугарнец = 0,06 четверика - 1,63 л

Меры объема жидкости

1 ведро = 10 штофам = 100 чаркам = 0,1229 гл = 12,29 л

1 штоф = 1/10 ведра = 10 чаркам = 1,2299 л

1 винная бутылка = 1/15 ведра = 0,768 л

1 водочная или пивная бутылка = 1/20 ведра = 0,61 л

1 чарка = 1/100 ведра = 0,122 л

1 шкалик = 1/200 ведра = 0,061 л

Меры площадей

1 кв. верста = 250000 кв. саженей = 1,138 кв. км = 113,8 гектара (га)

1 десятина = 2400 кв. саж. = 1,09 га = 10924,4 кв. м

1 кв. сажень = 9 кв. арам = 49 кв. футам = 4,55 кв. м = 0,045 арам

1 кв. ар = 256 кв. вершкам = 784 кв. дюймам = 0,505805 кв. м

1 кв. вершок = 3,06 кв. дюймам = 19,75 кв. ысм

1 кв фут = 144 кв. дюймам = 47,02 кв. верш. = 0,09 кв. м

1 кв. дюйм = 100 кв. линиям = 0,0069 кв. футам = 6,4 кв. см

Меры объема тел

1 куб. сажань = 343 куб футам = 9,71 куб метра

1 куб. ар = 4096 куб. верш. = 21951 куб. дюймам =

359,9 куб. дециметрам (дц)

1 куб. вершок = 5,35 куб. дюймам = 87,8 куб. см

1 куб. фут = 1728 куб. дюймам. = 28,3 куб. дм

1 куб. дюйм = 100 куб. линиям = 0,00057 куб. футам = 16,3 куб. см

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3
Козаки Дніпра і Дону	5
Предисловие	7
ЧАСТЬ 1. ВСЕМИРНОЕ ПИРАТСТВО И ДВУХВЕКОВОЕ УЧАСТИЕ В НЕМ ДНЕПРОВСКИХ И ДОНСКИХ ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ	
Глава 1. Морской разбой и пиратство - проблема торгового мореплавания издревле и до наших дней.	17
Глава 2. Из практики морского разбоя казацких предков в заморских краях.	28
Глава 3. Происхождение вольного казачества по Днепру и Дону с распадом Золотой Орды.	36
Глава 4. У истоков морского разбоя и пиратства вольных казаков Днепра и Дона.	47
Глава 5. Флот вольных казаков-разбойников, пиратов и их противников на Черном море.	54
Глава 6. Особые казацкие корабли ледового и подводного «классов».	62
Глава 7. Организация, стратегия и тактика казацких разбоев и пиратства на морских торговых путях.	67
ЧАСТЬ 2. ГЕОГРАФИЯ, ХРОНИКА И ФАКТЫ РАЗБОЯ НА ВОДЕ И ПОБЕРЕЖЬЯХ, ПИРАТСТВА ВОЛЬНЫХ КАЗАКОВ ДО ПРИНЯТИЯ ЦАРСКОГО ПОДДАНСТВА	
Глава 8. На притоках Дона и Днепра и переправах через реки.	79
Глава 9. В низовьях Днепра при выходе в Черное море.	82
Глава 10. У очаковского побережья Северного Причерноморья.	85
Глава 11. От берегов Днестра до берегов Дуная.	87
Глава 12. У черноморского болгарского побережья.	91
Глава 13. На татарских берегах Крымского ханства.	92
Глава 14. У турецкого побережья Черного моря.	101
Глава 15. В низовьях Дона на выходе в Азовское море.	109
Глава 16. На побережье Балтийского моря.	114
Глава 17. По Волге и Каспийскому морю.	117

ЧАСТЬ 3. КОНЕЦ ВОЛЬНОГО КАЗАЧЕСТВА НА ДНЕПРЕ И ДОНУ И НАЧАЛО СЛУЖБЫ В ПОДДАНСТВЕ МОСКОВСКОМУ ЦАРСТВУ

Глава 18. История приобщения вольных казаков Днепра от польского к московскому подданству.	129
Глава 19. Путь вольного донского казачества на военную государственную службу.	146
Глава 20. Героическая Азовская эпопея самостоятельной войны донцов и запорожцев с турками.	163
Глава 21. Неудачи соединенных походов московских и казацких войск в попытках завоевания Крыма.	178
Глава 22. Авантюрный поход нового московского царя в низовья Дона для захвата турецкой крепости Азов.	186
Глава 23. Подарок донцов и запорожцев первой победы царскому флоту и передача опыта штурма морских крепостей во втором Азовском походе.	196
Глава 24. Закрепление завоеванных низовьев Дона и Днепра и поправление казацких вольностей.	205
Послесловие.	218
Использованная литература.	235
Приложение 1. Краткий словарь употребленных турецких и татарских слов.	238
Приложение 2. Перевод старинных мер в метрические.	240

Историко-литературный анализ

В.И. Мартыненко

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ ДНЕПРА И ДОНА:

от разбоя и пиратства к государственной службе

Компьютерная верстка: Н.С. Шербина

Редактор: Т. И. Чернова

Сдано в набор 9.05.04. Подписано в печать 5.02.05. Формат 60X90/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная.

Усл. печ. лист. 15,25. Тираж 1000. Зак. .

Издательство ЧП Гудым И.А. (Свид. № 96696187-6-2)

54027, г. Николаев, ул. Адмиральская, 20.

Тел.: (0512) 35-23-36, 35-20-18.